
МЕДИАЛИНГВИСТИКА

2023

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Т. 10, № 3

ЖУРНАЛ «МЕДИАЛИНГВИСТИКА» ВЫХОДИТ В СВЕТ С 2014 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

КРИТИКА МЕДИАРЕЧИ

- Амириду С., Лагуткина М. Д., Джилкишиева М. С.* Эмотивная лексика как манипулятивный маркер деструкции в мигрантоориентированном дискурсе массмедиа: на материале Евросоюза, России, Армении и Казахстана 284
- Гукосьяни О. Ю.* Некоторые маркеры конфликтопровоцирующей интенции авторов интернет-комментариев в период пандемии COVID-19..... 301
- Карабулатова И. С., Копнина Г. А.* Специфика лингвистической параметризации деструктивного массмедийного текста с обесцениванием исторической памяти 319
- Петрова М. В.* Когда понимание становится оскорблением — к вопросу о семантике и роли неологизма “Putinverstehер” в политическом медиадискурсе..... 336

© Санкт-Петербургский
государственный
университет, 2023

МЕДИАСТИЛИСТИКА

- Дубровская Т. В.* «...Это сделали советские ученые»: репрезентации научных социальных практик в советских детских журналах (1980-е годы) 357
- Мамонова Н. В.* Особенности репрезентации медиаобраза науки (на материале регионального новостного сетевого издания 1obl.ru) 376
- Дегальцева А. В., Кормилицына М. А.* Приемы трансформации фразеологизмов в современной прессе 394

МЕДИАДИСКУРСОЛОГИЯ

- Зверева Е. А., Шестерина А. М.* Интерактивный компонент медиаконтента как средство формирования комьюнити 407

Учредитель: Санкт-Петербургский государственный университет

На журнал «Медиалингвистика» можно подписаться по каталогу «Пресса России». Подписной индекс 39474

<https://medialing.ru>

Главный редактор *Л. Р. Дускаева*, д-р филол. наук, проф.

Редактор *О. В. Филиппова*

Корректор *Т. В. Иванкова*

Компьютерная верстка *А. М. Вейшторг*

Дата выхода в свет 28.09.2023.

Формат 70 × 100^{1/16}. Усл. печ. л. 11,5. Уч.-изд. л. 11,1. Тираж 35 экз. Заказ № . Цена свободная.

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.

Адрес Издательства СПбГУ: 199004, С.-Петербург, В. О., 6-я линия, д. 11.

Тел./факс 328-44-22

Типография Издательства СПбГУ. 199034, С.-Петербург, Менделеевская линия, д. 5.

Позиция редакции может не совпадать с позицией авторов.

CONTENTS

CRITICISM OF MEDIA SPEECH

- Amiridou S., Lagutkina M. D., Jilkishieva M. S.* Emotive vocabulary as a manipulative marker of destruction in the migrant-oriented discourse of mass media: Based on the material of the European Union, Russia, Armenia and Kazakhstan 284
- Gukosyants O. Yu.* Some markers of authorial conflict intention in Internet comments during the COVID-19 pandemic..... 301
- Karabulatova I. S., Kopnina G. A.* Specificity of linguistic parameterization of destructive mass media text with devaluation of historical memory 319
- Petrova M. V.* When understanding becomes an insult — to the question of semantics and the role of the neologism “Putinverstehér” in the political media discourse 336

MEDIA STYLISTICS

- Dubrovskaya T. V.* “...It was done by Soviet scientists”: Representations of scientific social practices in Soviet magazines for children (the 1980s) 357
- Mamonova N. V.* The representation of the science media image (exemplified by mediatexts of the regional online news publication 1obl.ru) 376
- Degaltseva A. V., Kormilitsyna M. A.* Ways of transformation of phraseological units in the modern press 394

DISCOURSEOLOGY OF MEDIA

- Zvereva E. A., Shesterina A. M.* Interactive component of media content as a means of community formation 407

КРИТИКА МЕДИАРЕЧИ

УДК 81'33

Эмотивная лексика как манипулятивный маркер деструкции в мигрантоориентированном дискурсе массмедиа: на материале Евросоюза, России, Армении и Казахстана

С. Амириду¹, М. Д. Лагуткина², М. С. Джилкишиева³

¹ Фракийский университет имени Демокрита,
Греция, 69100, Комотины, ул. 26-го Октября, 24

² Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10

³ Южно-Казахстанский университет имени М. Ауэзова,
Республика Казахстан, 160012, Шымкент, пр. Тауке хана, 5

Для цитирования: Амириду С., Лагуткина М. Д., Джилкишиева М. С. (2023). Эмотивная лексика как манипулятивный маркер деструкции в мигрантоориентированном дискурсе массмедиа: на материале Евросоюза, России, Армении и Казахстана. *Медиалингвистика*, 10 (3), 284–300. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.301>

Любая миграция способствует проявлению у людей всего спектра эмоциональных оценок, что зачастую приводит к поведенческим деструкциям. Эмотивная лингвомигратиология признает, что эмоции играют определяющую роль в адаптации принимающей лингвокультуры. Миграция трансформирует общение, постсоветская русофония имеет значительную лингвокультурную дистанцию в зависимости от страны происхождения. Анализ эмпирического материала позволил разграничить миграционный и мигрантоориентированный дискурсы, отражающие проблемы миграции и мигрантов. Анализ эмотивного пространства постсоветского мигрантоориентированного дискурса основан на теории эмоций и лингвомигратиологии с учетом принципа репрезентативности. Такой подход позволяет препарировать макроструктуру поликодовых мигрантоориентированных дискурсов Армении, ЕС, Казахстана и России, интерпретировать эти дискурсы в контексте эмотивности разных лингвокультур, решая коммуникативные задачи. Разница в восприятии этнопсихолингвистических норм в миграционных процессах способствует появлению лингвокультурного шока у всех участников миграции, моделируя развитие негативных сценариев как в отпускающем, так и в принимающем обществе. Актуальность предлагаемой работы обуслов-

лена ростом миграции между странами Европы и Азии, что закономерно повышает интерес к изучению этносоциокультурных особенностей этих стран. Анализ другого мира сквозь призму иностранного языка означает вхождение в другую культуру с другими речеповеденческими нормами, что вызывает изменения в ценностной матрице языковой личности. Пробелы в фоновых знаниях принимающей страны становятся источником появления эмотивно окрашенной лексики в речи мигрантов. Статья написана на материале открытых источников массмедиа и предназначена специалистам в области миграции, политологии, лингвистики, межкультурной коммуникации, истории, психологии, социологии, журналистики.

Ключевые слова: эмотивность, удивление, лингвомиграциология, мигрант.

Постановка проблемы

Миграция актуализирует эмотивные проявления человеческой природы, поскольку мигранты проявляют все разнообразие психоэмоциональных состояний во время межкультурного общения в моменты удивления, возмущения, радости, грусти и т. п. По мнению К. В. Злоказова, «базовая категория деструктивного текста — объект, являющий собой приложение деструктивной активности субъекта. Включение категории объекта в семантическое пространство деструктивного текста обусловлено в первую очередь авторской коммуникативной задачей» [Злоказов 2015: 244], поэтому тексты с ориентацией на миграцию зачастую актуализируют деструктивные состояния реципиента, являя собой один из приемов психолого-информационной войны [Сковородников, Копнина 2016]. Не случайно исследователи указывают на взаимосвязь между миграцией и чувствами грусти, печали, депрессии [Медведев, Чухрова 2020], в связи с чем мигрантоориентированные публикации поддерживают деструкцию и разнообразные фрустрации у мигрантов [Кузнецова, Курузов, Смирнов и др. 2020]. Исходя из этого, важно понимать как свои, так и чужие эмоции в ситуации сложности атрибуции параметров «мы» vs «они» в контексте мигрантоориентированных дискурсов в традиционных СМИ и других средствах массовой коммуникации (социальных сетях, разнообразных интернет-каналах и т. п.).

Научная новизна работы обусловлена растущим интересом представителей различных научных направлений к сфере формирования эмотивных переживаний в ситуации миграции, изменяющейся окружающей социальной среды и стресса.

Сложность заявляемой темы обусловлена тем, что нет четкой регламентации в параметризации деструктивной информации и деструктивного медиатекста в мировой научной практике [Карабулатова, Копина 2022: 365]. В то же время в западной научной литературе понятие деструктивного текста (destructive) практически не используется [Fedotova, Shirokova 2021], оно заменяется разнообразными эвфемизмами [Pedro Baptista, Gradim, Loureiro et al. 2023]. Так, Еврокомиссия и ВОЗ пишут о «Защите от жестокого (агрессивного, оскорбительного) поведения» / «Protection against abusive behaviour»¹. На постсоветском пространстве под влиянием российских исследовательских материалов термин «деструкция» используется наряду с понятиями «деструктивное поведение» и «деструктивные действия», под ко-

¹ The World Health Organization (2021). Preventing and Addressing Abusive Conduct. Электронный ресурс https://cdn.who.int/media/docs/default-source/ethics/policy-on-addressing-and-preventing-abusive-conduct-01032021.pdf?sfvrsn=f813e082_1&download=true.

торыми понимаются противоправное и преднамеренное нарушение границ и норм социального взаимодействия, прежде всего сюда входят экстремизм, газлайтинг, буллинг и другие формы морального унижения людей, проявления жестокости и агрессии к детям, женщинам, старикам и инвалидам, причинение физического ущерба, акты вандализма и оскорбление коллективной памяти, жестокое обращение с животными, пропаганда гомосексуального поведения, пропаганда и вовлечение в наркотическую и алкогольную субкультуры и т. д. Следует отметить, что даже в рекламных листовках авиакомпании «Аэрофлот» на каждом борту самолета присутствует разъяснение, как необходимо вести себя во время полета при деструктивном поведении находящегося рядом с тобой человека. При этом определение деструктивного поведения отсутствует. Кроме того, не дано четкое определение деструктивного контента и на законодательном уровне РФ. Тем не менее на практике под деструктивный контент подпадает та публичная информация, категориальные признаки которой определены как могущие нанести ущерб и/или вред на ментальном, психическом или физическом уровнях и указаны в ФЗ от 29 декабря 2010 г. № 436 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»². Однако расширение возможностей искусственного интеллекта, в том числе использование его в современной информационной войне [Pedro Vartista, Gradim, Loureiro et al. 2023], привело к возобновлению дискуссий на самых различных площадках о необходимости расширения параметров деструктивной информации.

История вопроса

Психика человека не успевает за значительными переменами повседневной жизни [Qin, Xiao, Yuan et al. 2022], это позволило исследователям отнести миграцию к источнику хронического стресса и трансформации психических процессов [Inuwa-Dutse, Liptrott, Korkontzelos 2020]. Стресс такого типа находит отражение и в специфике речи мигрантов, трансформирующей их внутреннюю картину мира [Ruan, Karabulatova 2021]. При этом преобладание цифрового формата общения в социальных сетях ярко демонстрирует трансформацию стандарта общения и специфическую эмотивную палитру восприятия темы миграции, обладающей стигматизацией в современном обществе [Pchelkina, Timoshkin 2020].

Поляризация оценок четко наблюдается при позиционировании темы миграции в традиционных СМИ и социальных сетях, что позволило И. С. Карабулатовой и К. В. Воронцову выделить цифровую лингвомиграциологию [Karabulatova, Vorontsov 2019]. Социологи анализируют феномен миграции, не проводя особого разграничения между дискурсом, ориентированным на миграцию, и собственно миграционным дискурсом, говоря о миграциологии в широком контексте [Денисенко, Ионцев, Хорев 1989]. Существует некоторая несогласованность в определении самого объема понятия «миграционный дискурс».

Исследователи определяют мигрантоориентированный дискурс как особый тип дискурса, в который включены публицистические, новостные тексты о миграции, а также художественные тексты, созданные мигрантами или повествующие

² ФЗ от 29 декабря 2010 г. № 436 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». Электронный ресурс https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/.

о миграции и мигрантах [Анумян 2020; Амириду, Лагуткина, Джилкишиева 2022]. Такое собрание литературы о миграции и мигрантах целесообразно обозначить как **мигрантоориентированный дискурс** — более конкретизированный термин, нежели **миграционный дискурс**, который включает в себя юридические правовые тексты, связанные с миграцией.

Поскольку миграциология представляет собой довольно молодую науку [Денисенко, Ионцев, Хорев 1989], то такого рода смещения границ исследовательских полей вполне объяснимы.

Не случайно Т. А. ван Дейк определяет миграционный дискурс как сложную структуру, которая включает в себя реализацию в разных жанрах лингвистических, социальных, политических и культурных аспектов миграции, а также историю, экономику, политику миграции и т. д. [Dijk 2018: 230]. Он предположил, что миграция может быть описана посредством семантических макроструктур, состоящих из макропозиций, включающих локальные значения дискурса [Dijk 2018: 233].

Миграционный дискурс в толковании пермских исследователей под руководством С. В. Шустовой представляется в качестве коммуникативного процесса, стороны которого ставят перед собой задачу: «адаптироваться в принимающей стране; принять законодательство страны; оставаться в своей конфессии или изменить вероисповедание; освоить язык принимающей страны; определить для себя и своей семьи выгоды от пребывания на территории этой страны; принять решение о пребывании самостоятельно; адаптироваться к условиям проживания в одиночку, семьей, группой; решить экономические вопросы жизнеобеспечения; дать детям образование; обеспечить семью медицинским обслуживанием; принять культуру титульной нации» [Шустова, Раренко, Попова и др. 2020: 9]. Когда мигрант попадает в новые условия страны приема, то он удивляется многим вещам, которые не входят в его привычную картину мира.

Описание методики исследования

Материалом исследования послужили представленные в массмедиа интервью мигрантов из России / в Россию, из Евросоюза / в Евросоюз, из Армении / в Армению, из Казахстана / в Казахстан. Эти регионы являются признанными лидерами среди территорий исхода и приема мигрантов. Эмотивы извлекались из опубликованных интервью мигрантов в СМИ, относящихся к таким странам, как: 1) страны постсоветского мира (мигранты из Армении, Казахстана, России); 2) страны дальнего зарубежья (мигранты, прибывшие в Россию, Армению, Евросоюз и Казахстан); 3) страны Евросоюза (мигранты, прибывшие из России, Казахстана и Армении).

Количественный анализ источников по мигрантоориентированному дискурсу дает следующие результаты: открытые русскоязычные источники Интернета (традиционные СМИ и социальные медиа) — 268 интервью мигрантов и специалистов по миграции, опубликованные в открытом доступе³. Представленный объем интервью является достаточным в рамках экспертной выборки. Ареал интервьюеров: Россия и постсоветские страны (Казахстан, Армения и др.), страны Евросоюза (Гре-

³ Цитаты, используемые в статье, приведены без изменений.

ция, Германия). Качественная характеристика выборки была ориентирована на то, чтобы понять, какова динамика трансформации отношения к миграции и мигрантам в этих сообществах, поэтому она носит районированный характер. Признаками районирования выступают: указания на локус (страну исхода и страну приема) и на принадлежность к миграционной группе (мигрант, специалист по миграции). Временные рамки: 2016–2023 гг.

Особый всплеск деструктивного компонента обнаруживает тема миграции после начала СВО, однако, на наш взгляд, эти публикации нуждаются в особом рассмотрении. Мы признаем, что рассматриваемые нами направления (Армения и Казахстан) испытывают мощную миграционную нагрузку в виде обратных миграционных потоков из России в 2022–2023 гг.

В своей работе мы опирались на прагматический анализ и методы дискурс-анализа с использованием достижений лингвистической теории эмоций, сентимент-анализа, контент-анализа. В ходе интервью были определены ценностные доминанты в этнокультурных кодах отпускающего и принимающего сообществ с ярко выраженной психоэмоциональной рефлексией, все это создает определенную эмотивную тональность того или иного сообщения. Деструктивная эмотивная тональность определялась по доминированию негативно оценочной лексики в представленных текстах [Zhang, Karabulatova, Nurmukhametov et al. 2023]. Мы не ставили задачу проведения фактчекинга, а останавливались лишь на эмотивной составляющей медиатекстов.

Следует отметить, что на сегодняшний день не только отсутствует общепринятая методика определения деструктивного контента, но и существуют кардинальные различия в толковании самого феномена деструкции в разных странах [Виноградов, Ларичев, Журавлев и др. 2021], что создает вариативную «вилку» ухода от ответственности за распространение заведомо социально опасной информации.

Анализ материала

С одной стороны, мигрантоориентированный дискурс возникает в результате устной и письменной коммуникации мигрантов с принимающим и отпускающим сообществом, что выражается на официальном и неофициальном уровнях.

Изменение аналитического мейнстрима трансформировало вторичную интерпретацию ранее полученных результатов по этноязыковой и социокультурной адаптации мигрантов, что позволило нам рассмотреть опубликованные ранее рассказы мигрантов под другим углом зрения, а именно в контексте внутренних переживаний мигранта, отраженных при помощи эмотивных средств языка, и понять степень деструктивного манипулятивного компонента в текстах о миграциях.

Ориентация на объект деструкции в мигрантоориентированном дискурсе представлена разнообразно в соответствии с такими параметрами, как:

— указание на социальную принадлежность к конкретной этноконфессиональной группе и/или обществу: *Российские СМИ заявляют, что Казахстан рискует потерять не свой север, а население: сколько в этом правды*⁴; *Украинцы*

---

⁴ Российские СМИ заявляют, что Казахстан рискует потерять не свой север, а население: сколько в этом правды (2021). *Караван.kz*. 30 июня. Электронный ресурс <https://www.caravan.kz/>

рассказали о **тяжестях жизни в России: «Пельмени хуже»**⁵. Российские пельмени оказались **аховее**⁶;

— приоритетность темы для автора и/или целевой аудитории: *Корреспондент «Свободных» поговорил с коренными жителями Армении об экономической обстановке в родной стране, отношении к приезжим и массовому бегству россиян*⁷;

— относительный баланс интересов автора и целевой аудитории: *Я редко делаю материалы, касающиеся нашего соседа — Казахстана потому, что отношения Москвы и Нурсултана, в общем-то, понятны. Казахстан не делает русофобских заявлений, как еврогрузины или прибалты. А еще — не пытается выдурить себе преференции, шантажируя уходом на Запад, как официальный Минск*⁸.

Как правило, обесценивание объекта деструкции или информационной мишени идет при акценте внимания потенциального реципиента на использовании шок-контента, выраженного сленгом, инвективами, жаргонизмами, просторечием. Например: *Драка в Новых Ватутинках: Рамзан на защите Рафиков*⁹, где используется антропоним Рафик для обозначения мигрантов из Азербайджана. В той же публикации мигранты из Средней Азии и Азербайджана названы **гонниками и счастливыми обладателями российских паспортов**, что усиливает деструктивные состояния у реципиента. Формирование депрессивных образов также способствует деструкции. Например: *Острова невезения: как Греция приняла миграционный удар на себя. Южная Европа не ощущает поддержки ЕС в решении кризиса с беженцами*¹⁰.

Рассматривая публикации массмедиа (2016–2023) с фокусом на проблемах миграции, мы пришли к выводу, что русскоязычный официальный мигрантоориентированный дискурс демонстрирует такие качества мигрантов, как открытость новому (59 % от общего количества публикаций), ресурсность (23 %), перспективность (10 %), ущербность (9 %). Такое позиционирование на первый взгляд формирует позитивный портрет мигранта, однако положительные характеристики описываются с использованием нейтральной лексики, а отрицательные имеют яркоокрашенную негативную оценку, что перечеркивает положительные установки

---

news/rossijskie-smi-zavaylyayut-cto-kazakhstan-riskuet-poteryat-ne-svojj-sever-a-naselenie-skolko-v-ehotom-pravdy-749500/.

⁵ Украинцы рассказали о тяжестях жизни в России: «Пельмени хуже» (2021). *Московский комсомолец*. 19 апреля. Электронный ресурс <https://www.mk.ru/social/2021/04/19/ukraincy-rasskazali-otyazhestyakh-zhizni-v-rossii-pelmeni-khuzhe.html>.

⁶ Украинцы рассказали о тяжестях жизни в России: «Пельмени хуже» (2021). *Новые вести*. 19 апреля. Электронный ресурс <https://newvesti.info/2021/04/19/ukraincy-rasskazali-o-tyazhestyakh-zhizni-v-rossii-pelmeni-huzhe.html>.

⁷ «К нам приехала не вся Россия, а образованные люди, «мозги страны». Что Армения думает о массовой эмиграции россиян (2023). *Свободные*. 17 января. Электронный ресурс <https://fn-volga.ru/news/view/id/198803>.

⁸ Молодежь бежит из «независимого» Казахстана в Россию (2020). *Пикабу*. Электронный ресурс https://pikabu.ru/story/molodyozh_bezhit_iz_nezavisimogo_kazakhstana_v_rossiyu_7101506.

⁹ Драка в Новых Ватутинках: Рамзан на защите Рафиков (2021). *Свободная пресса*. 8 ноября. Электронный ресурс <https://news.rambler.ru/politics/47533054-draka-v-novyh-vatutinkah-ramzan-na-zaschite-rafikov/>.

¹⁰ Острова невезения: как Греция приняла миграционный удар на себя. Южная Европа не ощущает поддержки ЕС в решении кризиса с беженцами (2020). *Известия*. 11 февраля. Электронный ресурс <https://iz.ru/974537/mariia-vasileva/ostrova-nevezeniiia-kak-gretciiia-priniala-migratcionnyi-udarna-sebia>.

на восприятие мигрантов в стране приема. При этом ущербность выступает как элемент деструкции. Например: ...**Мигранты принялись угрожать** не только пострадавшей девочке, но и ее родителям, и до настоящего дня никто даже не подумал принести извинения; **Нет никакой гарантии**, что история не повторится вновь, а **дети мигрантов**, которых в школе очень много, окончательно не **почувствуют свою безнаказанность**; одновременно с инцидентом в Самаре стало известно о другом **нападении детей мигрантов на девочку**, и также в провинции, в одном из первых советских наукоградов — Обнинске Калужской области. В одной из школ **трое учеников (дети приехавших из соседних стран) домогались ученицы четвертого класса**; К сожалению, **детское насилие среди детей мигрантов**, которое выбрасывается в наши школы, **чаще**, чем у обычных школьников... **Они не знают языка, у них другой культурный подход** (все примеры взяты из статьи «Трудовым мигрантам закроют дорогу в гетто»¹¹. — С. А. и др.).

Ущербность мигрантов позиционируется как через обвинения в отсутствии знаний языка и понимания традиций общения в русской культуре, так и через навязывание ярлыка преобладания в мигрантской среде криминогенных форм поведения, последнее влечет за собой резкую поляризацию в обществе с паникерскими лозунгами, что можно проиллюстрировать публикациями материалов о необходимости создания «генетических паспортов» для въезжающих в Россию мигрантов. Например: **Трудовых мигрантов предложили различать по ДНК**¹².

Не случайно разрушительный эффект от доминирования негативно окрашенной лексики в медиадискурсе был обозначен исследователями как лингвотоксичное явление в языке и речи [Сковородников, Копнина 2017б]. В этом случае деструкция в мигрантоориентированном тексте реализуется посредством манипулятивных призывов по отношению к реципиенту (например, отказывать в социальной помощи и адаптации мигрантов, создавать мигрантофобные настроения в обществе, совершать насильственные действия против мигрантов, вовлекать мигрантов в противоправные действия, совершать антимигрантские акции и погромы мигрантских предприятий и мест проживания и т. д.).

Информационной мишенью для деструктивного нападения в мигрантоориентированном медиадискурсе могут выступать: 1) публичные личности (лидеры общественного мнения, блогеры, политики, общественные активисты); 2) конкретные целевые аудитории, когортные группы, профессиональные сообщества (студенты, призывники, молодые мамы и т. п.); 3) социальный статус, социально-ролевые взаимоотношения (пасынок, сирота, отец, коллега, шеф, губернатор, солдат, мобилизованный, инвалид и т. п.); 4) территориальные образования (Сибирь, Урал, Кавказ и т. п.).

Деструктивная эмотивность мигрантоориентированного медиадискурса нацелена на актуализацию негативной оценочности в восприятии целевой аудитории темы миграции/мигрантов через такие стандартные приемы негативной манипуляции, как навешивание ярлыков, обесценивание, принижение, гиперболизацию, «жонглирование» статистическими данными и т. д.

¹¹ Трудовым мигрантам закроют дорогу в гетто (2022). Взгляд. 5 февраля. Электронный ресурс <https://vz.ru/society/2022/2/5/1141872.html>.

¹² Трудовых мигрантов предложили различать по ДНК (2021). Взгляд. 1 ноября. Электронный ресурс <https://vz.ru/society/2021/11/1/1127119.html>.

Современная наука постепенно отказывается от жесткой подачи темы вынужденной и принудительной миграции для адекватного понимания не только многих процессов, которые приводят к этнотравме в постсоветских странах [Osipov, Karabulatova, Shafranov-Kutsev et al. 2016] и соответственно к языковой травме [Сквородников, Копнина 2017a], но и стремления потенциальных мигрантов к выбору нового пути в стране приема, которая мифологизируется в мигрантской аудитории в силу разных экстралингвистических причин, выступая прежде всего защитным психосберегающим механизмом. Так, исследователи отмечают, наряду с превалированием чувства безвозвратной потери родины у русских эмигрантов в Китае, восторженные попытки создать идеальную Россию в Харбине и Шанхае (так называемую Желтороссию — подробно см.: [Qin, Karabulatova, Ruan 2023]. — С. А. и др.), вдалеке от материнской культуры. Это нашло свое отражение в многочисленных русскоязычных эмигрантских периодических изданиях и эмигрантском кинематографе в Китае. При этом «феномен преодоления этнотравмы у русских эмигрантов заключался в конструировании иллюзии русского Харбина и выключении из фокуса внимания нерусских черт города. Проникновение китаизмов в русскую речь харбинцев шло постепенно, подготавливая местное русское население к ассимиляции и адаптации» [Ruan, Karabulatova 2021: 1507].

Мигранты вынуждены кардинально трансформировать свои привычные паттерны поведения вследствие доминирования других социокультурных норм в стране приема. Каждая культура вырабатывает свои правила об этикете общения, этикетных формулах невербального поведения, что может оказывать пресингующее влияние на прибывшего нового члена общества. Например, в культурах стран Азии и Кавказа (Китае, Армении, Узбекистане, Японии) присутствует «правило лица», при котором человек должен держать марку и удерживать лицо успеха, несмотря на негативное давление извне. В этой связи Россия зачастую воспринимается как страна более свободная в своем эмоциональном проявлении, а представители стран западной культуры демонстрируют вежливую улыбку, которая не соотносится с их внутренним состоянием.

Следовательно, эмоциональное состояние определенного субъекта проявляется в реакции на определенную ситуацию, что иллюстрирует эволюцию того или иного эмоционального состояния в пределах и за пределами эмоциональной ситуации с определенными характеристиками (длительностью, интенсивностью, контролируемостью, оценочностью и т. д.).

Эмотивно окрашенная лексика, присутствующая в мигрантоориентированном дискурсе, может быть как позитивной, так и негативной, воспринимаясь соответствующим образом в зависимости от психотипа самого реципиента и его лингвистической и социокультурной подготовки к миграции, экстралингвистических характеристик страны исхода/приема. При этом эмотивные сферы мигрантов также разнятся и зависят от личностных установок и привычного вербального реагирования на окружающую обстановку, что, в свою очередь, открывает вариативные возможности для осуществления манипулирования в массмедиа.

«Мягкая» (скрытая) деструкция, как правило, нацелена на постепенную трансформацию отношения к мигрантам в контексте демонизации образа мигранта в картине мира лингвокультуры принимающего сообщества и демонизации образа принимающего социума. Например: *Все русское вытравят: в Казахстане гото-*

вится «кумысная революция»¹³. Таким образом, деструкция в мигрантоориентированном массмедийном дискурсе может быть явной и скрытой.

Анализ эмпирического материала доказывает, что в абсолютном большинстве речевых ситуаций удивление как реакция предшествует деструкции, выбивая из привычного комплекса психоэмоционального реагирования. Это обстоятельство особенно бросается в глаза при анализе рассматриваемой нами мигрантоориентированной ситуации «мигранты vs принимающая сторона», участниками которой являются не просто статусно неравные коммуниканты, а где очевидно, что один из них зависит от другого, то есть должен (а не хочет или может) воплощать интенции адресанта, и трудно себе представить возможность проявления отрицательных эмоций (раздражения, злости, страха и т. д.). Они, конечно, могут быть, но, как свидетельствует наш анализ практического материала, обычно эксплицитно не проявляются, подавляются.

В этом плане показательны примеры, извлеченные из новостного мигрантоориентированного дискурса, выражающие эмотивно оценочное состояние мигрантов. Так, Иван Сантана Лопез — шеф-повар из Испании, переехавший жить в Армению, рассказывая о своей жене, выражает когнитивную эмоцию **удивление** следующим образом: *Мы сразу нашли общий язык, тем более что она (жена. — С. А. и др.) знает испанский в совершенстве. Меня в ней привлекли ее искренность, чистота и удивительные манеры, как оказалось, унаследованные от отца-армянина.* Далее И. С. Лопез отвечает на вопрос корреспондента о том, что в Армении его **удивило** больше всего. Респондент отвечает: *Меня в первую очередь удивила история Армении.* Одновременно он указывает, что **очень мало что знал об Армении** до знакомства с будущей женой, и это является нормой для любого другого среднестатистического жителя Испании. Иван отмечает: *Про Армению и великую армянскую культуру я узнал благодаря своей супруге. У многих испанцев Армения ассоциируется с Колумбией, так как там есть одноименный город. А в Испании много выходцев из Колумбии и из города Армения*¹⁴. Здесь видно, что анализируемая нами эмоция выражается способом прямого названия, т. е. проективно, сопровождаясь позитивно-эмотивной оценочностью.

Для успешной адаптации мигранта в принимающем сообществе немаловажную роль играет сходство культур отсылающей и принимающей стран [Karabulatoва, Chesnokova, Ebzeeva et al. 2020; Анумян 2020]. В этом плане интерес представляет следующее мнение вышеупомянутого мигранта о том, что у армян и испанцев существует **близость по духу**: *Мы так же, как и армяне, чтим семейные ценности, так же собираемся всей семьей за трапезой и т. д.* (в той же статье. — С. А. и др.). Наличие/отсутствие большой этносоциокультурной дистанции является поворотным моментом для трансформации поведенческой матрицы мигранта.

Лингвокультурный шок связан с крайней степенью проявления эмоции удивления, которая может передаваться с помощью использования в речи восклицаний и восклицательных предложений. Как правило, так мигранты маркируют позитив-

¹³ Все русское вытравят: в Казахстане готовится «кумысная революция» (2020). *Царьград*. 3 сентября. Электронный ресурс https://tsargrad.tv/articles/vse-russkoe-skoro-vytravjat-v-kazhstane-gotovitsja-kumysnaja-revoljucija_278308.

¹⁴ Как испанец полюбил хаш и переехал жить в Ереван (2017). *Sputnik News Agency. Sputnik-Armenia*. 11 марта. Электронный ресурс <https://ru.armeniasputnik.am/20170311/kak-iskanets-polyubil-khash-i-pereekhal-zhit-v-yerevan-6664223.html>.

ное удивление от радости достижения своей мечты (переезда в регион, страну миграции) в первые месяцы нахождения на новом месте. Именно такие примеры присутствуют в мигрантоориентированном массмедийном дискурсе, создавая привлекательный образ страны приема.

Например: *Я совершенно случайно заехала в эту маленькую страну и пропала. Я именно что влюбилась в Словению, как влюбляются в мужчину. <...> Мне не нужен был никто и ничто, кроме Словении. Даже на мужчин перестала смотреть! Пиран — город в Словении. Невозможно не влюбиться! Правильно ли я сделала, что последовала своей мечте о переезде? Трижды да!¹⁵; Так случилось, что я уже пятый год живу в иммиграции — вначале в Португалии, а теперь в Германии... А я люблю знать тех, рядом с кем живу, у кого покупаю хлеб и на чьих глазах выгуливаю младенца в песочнице. Как минимум это очень полезно в новой стране, а как максимум приносит друзей и обеспечивает быструю адаптацию. Именно так, знакомясь и задавая вопросы, я за пару месяцев нашла очень близкую по духу подругу, получила потрясающую рекомендацию нужного врача, приняла несколько важных решений. <...> И тогда я усвоила первое правило — найди, что похвалить и чему искренне удивиться¹⁶.*

Активно используют первую фазу миграции и постсоветские страны, когда восторг открытия новой культуры, нового пространства будоражит психоэмоциональную сферу не только самого мигранта, но и реципиента такой информации. Этот прием был рассмотрен Хуго Лёвхемом при анализе соотношения между вербальным выражением эмоций, самим переживанием эмоции и показателем нейромедиатора [Lövhheim 2012].

Например, Альбина Молдынова рассказала: *Еще, будучи студенткой, на летних каникулах, я приезжала погостить... в Нур-Султан. Это был 2010 год. Тогда город активно строился. Мне безумно понравилось, город, люди, гостеприимство. Город буквально меня вдохновил, и запал в душу¹⁷; В целом, я себя здесь чувствую комфортно, как дома. Я живу в Алматы, город мне очень напоминает Санкт-Петербург, здесь достаточно зелено. Второй момент, который меня радует, это то, что люди очень хорошо ко мне относятся. Все очень добрые, гостеприимные, приветливые. Я здесь еще почти ни разу не столкнулся с тем, что кто-то считает меня приезжим. Мы разговариваем с людьми на одном языке. Я очень уважительно отношусь к культуре, говорю «рахмет» вместо «спасибо» и «салеметсіз бе» вместо «здравствуйте». <...> А самая приятная вещь у вас — это еда¹⁸; Здесь большое сообщество экспатов, но мои близкие друзья — это местные жители Казахстана. Я нахожу их более лояльными и у нас с ними доверительные отношения. Обожаю казахское гостеприимство, когда тебя оку-*

¹⁵ История одной большой мечты о переезде (2018). *Жить интересно!* 8 февраля. Электронный ресурс <https://interesno.co/myself/c9d43249b090>.

¹⁶ Как знакомиться с людьми легко, приятно и радостно для обеих сторон (2017). *Жить интересно!* 22 ноября. Электронный ресурс <https://interesno.co/myself/9d4a2be9130b>.

¹⁷ В погоне за успехом и счастьем: история переезда россиянки в Казахстан (2021). *Nur.KZ*. 31 июля. Электронный ресурс <https://www.nur.kz/nezavisimost/1924872-v-pogone-za-uspehom-ischastem-istoriya-pereezda-rossiyanki-v-kazahstan/>.

¹⁸ «Даю себе год». Истории россиян, которые переехали в Казахстан после начала военных действий (2022). *Esquire.kz*. 23 июня. Электронный ресурс <https://esquire.kz/tut-rabotaet-instagram-po-kakim-prichinam-rossijane-pereezhajat-v-kazahstan/>.*

* Деятельность компании Meta по реализации социальной сети Instagram признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

*тывают заботой и вниманием. У французов очень много общего с казахами: мы, к примеру, тоже едим конину и у нас такие же длинные семейные застолья (смеется). Я всегда чувствую себя на своем месте, здесь я освоилась и влилась в общение с местными жителями быстрее, чем за 20 лет своей жизни в Англии. Казахстан очень большая и красивая страна, которая покорила меня. Франция — моя родина, но я бы не вернулась туда обратно*¹⁹.

К сожалению, в российских СМИ позитивные истории о мигрантах не столь хорошо представлены. Позитивный шок-контент у прибывающих в Россию мигрантов представлен в основном публикациями 2018 г., с усилением деструктивного компонента во второй половине 2018 и по настоящее время.

*Например: Обманул работодатель, и я не смогла вовремя уехать на родину. Из-за этого суд России признал меня — гражданку Таджикистана — виновной в нарушении миграционного режима. Впереди ждала депортация и социальный приют для четверых детей. Я не знала, как увезти детей с собой, боялась оставлять их одних в России. Мне бескорыстно помогли родственники: обратились к Уполномоченному по правам ребенка, оформили документы в консульстве, купили билеты. Семья воссоединилась в аэропорту, куда я была доставлена под конвоем. Вы бы видели наши счастливые глаза в этот момент! Все вместе мы благополучно улетели в Душанбе*²⁰.

Восприятие миграции имеет волновой характер, поскольку стадия восторга сменяется стадией кризиса, когда мигранты ощущают острее негативное влияние нового социума, сталкиваются с разного рода межкультурными различиями. В этот период эмоция удивления характеризует дистанцию между ожиданиями и реальностью в картине мира мигранта. Негативный аспект удивления способствует культурному шоку, характеризующему состояние физического, эмоционального, социального дискомфорта, которое возникает в процессе адаптации мигранта в новом социокультурном окружении. Например: *Мне кажется, в плане государственных услуг в Казахстане все делается намного быстрее. Можно прийти в одно учреждение и разобратся со всеми вопросами. В Казахстане у меня остались все родственники, поэтому стараюсь приезжать туда во время отпусков и праздничных дней. Это моя Родина, большую часть своей жизни я прожил там и всегда с теплом о ней вспоминаю*, — рассказывает Владимир Шмаков, 26 лет, переехавший из казахстанского города Темиртау в Тюмень²¹; *Решила уехать после начала полномасштабной войны с Украиной. Потому что не поддерживаю. И не хочу платить налоги, которые потом пойдут на убийство мирных жителей Украины. Думала недолго. А потом просто собрала вещи в походный рюкзак и отправилась в путь. О Казахстане не знала ничего. Только то, что говорят в России. Но это оказалось полной ерундой.*

¹⁹ «Быть экспатом — это не преимущество». Француженка Сильви Пьежлин-Коулз о жизни и работе в Казахстане (2023). *Esquire*. 24 января. Электронный ресурс <https://esquire.kz/byt-jekspatom-jeto-ne-preimushhestvo-francuzhenka-silvi-pezhlin-koulz-o-zhizni-i-rabote-v-kazahstane/>.

²⁰ 10 добрых историй про мигрантов в РФ, от которых становится теплее на душе (2018). *Sputnik Таджикистан*. 13 июля. Электронный ресурс <https://tj.sputniknews.ru/20180713/migranty-russia-tajikistan-istorii-1026082673.html>.

²¹ Русские о переезде в Россию: о трудностях, преимуществах и почему они скучают по Казахстану? (2019). *Weproject.media*. 23 марта. Электронный ресурс <https://weproject.media/articles/detail/etnicheskie-russkie-o-pereezde-v-rossiyu-o-slozhnostyakh-igotakh-i-pochemu-skuchayut-pokazahstanu/>.

*Мол, Казахстан — дикая страна, где нет цивилизации, технического прогресса и удобств. Страна очень религиозная и очень строгая по своим нормам допустимого поведения, особенно для женщин. А еще мне говорили, что меня тут украдут, изнасилуют и продадут. И что тут очень маленькие зарплаты. В общем, меня напугали, как могли. И в России это глупое и ошибочное представление о Казахстане, к сожалению, очень устойчиво... Моя адаптация прошла легко, проблем не было. <...> Но люди очень отзывчивые и всегда готовы помочь*²².

В деструктивном мигрантоориентированном медиадискурсе акцентуация идет на переживание негативных эмоций через отрицательный шок-контент с яркой дихотомией «свой — чужой». В результате возникает вторичная эмоция удивления у реципиентов-нативов от восприятия мигрантоориентированного дискурса как в стране исхода, так и в стране приема.

Результаты исследования

Миграция как мощный стрессогенный фактор ярко проявляет весь спектр эмоций человеческой психики [Inuwa-Dutse, Liptrott, Korkontzelos 2020; Медведев, Чухрова 2020]. Традиционно, начиная с античных времен, анализом эмоций занимались и занимаются представители таких наук, как психология и психиатрия, философия и право. Несмотря на имеющиеся приемы анализа эмоционально окрашенной лексики в языке, эмотивология, или эмотивная лингвистика, стала разрабатываться лишь в 1980-х годах, когда язык эмоций стал объектом изучения с семантических и прагматических точек зрения [Анумян 2020; Шаховский 2019].

Эмотивность мигрантоориентированного дискурса СМИ связана с конкретным паттерном предполагаемого реагирования реципиента, находящегося в состоянии длительного психоэмоционального напряжения, обусловленного миграцией как фактором акцентуации психоэмоциональных поведенческих черт личности и креативным поиском выхода из психотравмирующей ситуации.

Деструктивные маркеры (рисунок) содержат лексемы с негативным эмотивным созначением, продвигающие девиацию на вербальном и невербальном уровнях, усиливая разрушительные настроения, агрессивные проявления, вовлекая реципиента в конфликт — драматический конфликтный треугольник Карпмана «жертва — преследователь — избавитель» [Легошина 2015; Рассохин 2020]. В связи с этим ведущую позицию занимают такие деструктивные компоненты, как негативизация (36%), сленг, жаргонизмы и просторечие (28%), депрессивы (24%), деавторизация (14%).

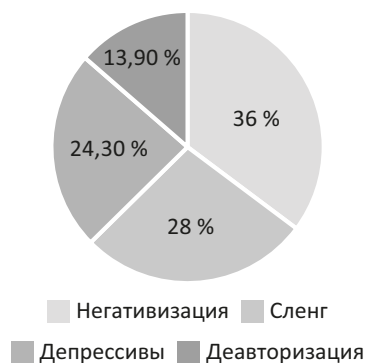

Рис. Представленность деструктивных маркеров в мигрантоориентированном медиадискурсе

²² «В Россию я уже точно возвращаться не буду»: как россияне адаптируются в Казахстане (2022). *Караван.kz*. 18 мая. Электронный ресурс <https://www.caravan.kz/news/v-rossiyu-ya-uzhe-tochno-vozvrashhatsya-ne-budu-kak-rossiyane-adaptiruyutsya-v-kazakhstan-844597/>.

Публикации о миграции составляют поле информационной напряженности и конфликтогенности в дискурсивном пространстве СМИ, обнаруживая поляризацию мнений, которую можно выявить благодаря сентимент-анализу [Karabulatova, Vorontsov 2019].

Деструктивный мигрантоориентированный дискурс обесценивает значимость мигранта, его предыдущий опыт и знания, подчеркивая наличие у мигранта лагун в фоновых знаниях страны приема, навешивает на мигранта негативные ярлыки. Как правило, «открытием» для мигранта, находящегося на этой стадии осмысления собственного переезда, становятся такие чувства, как ностальгия, фрустрация, грусть, депрессия. В то же время усугубляется дистанция в дихотомии «свой — чужой», которая нагнетает конфликт и деструктивные состояния в сознании реципиента, расшатывая психоэмоциональную сферу мигранта. Мы считаем, что эмотивность мигрантоориентированного дискурса носит универсальный характер, что обусловлено эволюционным развитием психоэмоциональной сферы человека [Анумян 2020]. В целом понимание чужой лингвокультуры совершенствует эмоциональный интеллект и помогает адаптации мигранта в стране приема.

В связи с этим считаем необходимым выделить отдельное направление — эмотивную лингвомиграциологию, оно находится на стыке лингвистической миграциологии и эмотивной лингвистики. Отечественная эмотивная лингвистика стала структурированной благодаря работам В. И. Шаховского [Шаховский 2019], который справедливо подчеркнул актуальность исследования языка психоэмоциональной сферы человека с использованием междисциплинарного подхода [Шаховский 2019].

Если миграционный дискурс более стабилен в плане эмоциональных оценок, нейтрален, поскольку отражает официальную точку зрения властей на миграцию как социальное явление, то мигрантоориентированный дискурс тяготеет к публицистическому жанру и отражается в аналитико-оценочных журналистских работах.

Выводы

Интерпретация любого дискурсивного пространства в ее предельном, абстрактном воплощении подразумевает возможность выявления всех актуально присутствующих в конкретном дискурсе смыслов. В этой связи мигрантоориентированный дискурс массмедиа представляет собой благодатный материал для разнообразных исследований вследствие его насыщенности вербализованными психоэмоциональными оценками.

Эмотивная лексика в мигрантоориентированном медиадискурсе связана с психофизиологическими причинами реагирования на изменения окружающей среды и стресса из-за смены привычного окружения.

Артикулирование эмоций в мигрантоориентированном дискурсе позволяет переработать негативные переживания деструкции в жизненный опыт. Ярко выраженные деструктивные тексты содержат в себе большее разнообразие негативно окрашенных оценочных слов, в то время как скрытые деструкции зачастую оперируют позитивными эмотивными лексемами.

Эмоционально окрашенная лексика в мигрантоориентированном дискурсе не просто формирует эмотивную тональность публикации, она создает разнополярные векторы оценки миграции как этносоциокультурного феномена.

Литература

- Амириду, С., Лагуткина, М. Д., Джилкишиева, М. С. (2022). Эмотивы как манипулятивный маркер деструкции в мигрантоориентированном массмедийном дискурсе. В Л. Р. Дускаева (Ред.), *Медиалингвистика. Вып. 9. Язык в координатах массмедиа: мат-лы VI Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 30 июня — 2 июля 2022 г.)* (с. 347–351). СПб.: Медиапапир.
- Анумян, К. С. (2020). Особенности эмотивно-коммуникативных процессов адаптации мигрантов. *Вестник Российской школы нового университета*, 4, 58–62.
- Виноградов, В. А., Ларичев, А. А., Журавлев, М. С., Игнагьев, А. Г., Цветков, Ю. Д., Курбатова, Т. А. (2021). *Краткий сравнительно-правовой анализ мер по противодействию распространения противоправного (деструктивного) контента в сети Интернет*. Электронный ресурс <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/496608248.pdf>.
- Денисенко, М. Б., Ионцев, В. А., Хорев, Б. С. (1989). *Миграциология*. М.: Изд-во МГУ.
- Злоказов, К. В. (2015). Контент-анализ текстов деструктивной направленности. *Политическая лингвистика*, 1, 244–251.
- Карабулатова, И. С., Копнина, Г. А. (2022). Лингвистическая параметризация деструктивного массмедийного текста: к постановке проблемы. В Л. Р. Дускаева (Ред.), *Медиалингвистика. Вып. 9. Язык в координатах массмедиа: мат-лы VI Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 30 июня — 2 июля 2022 г.)* (с. 364–367). СПб.: Медиапапир.
- Кузнецова, Ю. М., Курузов, И. А., Смирнов, И. В., Станкевич, М. А., Старостина, Е. В., Чудова, Н. В. (2020). Текстовые проявления фрустрированности пользователя социальных сетей. *Медиалингвистика*, 7 (1), 4–15.
- Легошина, Н. В. (2015). Треугольник Карпмана «Жертва — Преследователь — Спасатель» в освещении украинского кризиса общественно-политическими СМИ. *Полития*, 4 (79), 87–99.
- Медведев, А. Ю., Чухрова, М. Г. (2020). Актуальные теоретические представления о психосоматическом благополучии мигрантов. В Е. Л. Сорокина (Ред.), *Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Наука и социум»* (с. 138–141). Новосибирск: Сибирский институт практической психологии, педагогики и социальной работы.
- Рассохин, Д. А. (2020). 4-й угол треугольника Карпмана. *Наука и образование сегодня*, 1 (48), 84–87.
- Сквородников, А. П., Копнина, Г. А. (2016). Лингвистика информационно-психологической войны: к обоснованию и определению понятия. *Политическая лингвистика*, 1 (55), 42–50.
- Сквородников, А. П., Копнина, Г. А. (2017а). Лингвотоксичные явления в речи и языке. *Мир русского слова*, 3, 28–32.
- Сквородников, А. П., Копнина, Г. А. (2017б). Языковая травма как лингвоэкологическое понятие и проблема (на материале современных российских СМИ). *Медиалингвистика*, 4 (19), 70–79.
- Шаховский, В. И. (2019). Обоснование лингвистической теории эмоций. *Вопросы психолингвистики*, 1 (39), 22–37.
- Шустова, С. В., Раренко, М. Б., Попова, М. В., Зорина, Т. П., Костева, В. М., Боровицкая, Е. И., Меньшаква, Н. Н., Алес, М. Ю., Лапаева, А. А., Новиков, А. Ю. (2020). *Миграционная лингвистика в современной научной парадигме: дискурсивные практики и литература мультикультурализма*. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет.
- Dijk, T. A. (2018). Discourse and migration. In В E. Yalaz, R. Zapata-Barrero (Eds), *Qualitative Research in European Migration Studies* (pp. 227–245). Berlin: Springer.
- Fedotova, N., Shirokova, O. (2021). Destructive Trends of Digital Culture: “Side Effects” Of New Media. In E. V. Toropova, E. F. Zhukova, S. A. Malenko, T. L. Kaminskaya, N. V. Salonikov, V. I. Makarov, A. V. Batulina, M. V. Zvyaglova, O. A. Fikhtner, A. M. Grinev (Eds), *Man, Society, Communication. Vol. 108. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences* (pp. 597–603). European Publisher.
- Inuwa-Dutse, I., Liptrott, M., Korkontzelos, I. (2020). *Migration and Refugee Crisis: a Critical Analysis of Online Public Perception*. Электронный ресурс https://www.researchgate.net/publication/343062837_Migration_and_Refugee_Crisis_a_Critical_Analysis_of_Online_Public_Perception.
- Karabulatova, I. S., Chesnokova, O. S., Ebzeeva, Yu. N., Radović, M. (2020). The influence of Islamic migration on Russian and Spanish society: verbalization of the concept “MOOR”. *Terra Sebus*, 12, 301–325.
- Karabulatova, I. S., Vorontsov, K. V. (2019). Digital linguistic migrationology: the possibilities of artificial intelligence in the study of migration processes. In *II World Congress in real and virtual mode “West-East: crossing cultures”*, 2–6 October 2019, Japan, Kyoto Sange University, *Scientific and practical materials of the 2nd world Congress in Japan 2019* (pp. 760–766). Kyoto: Kyoto Sange.
- Lövheim, H. (2012). A new three-dimensional model for emotions and monoamine neurotransmitters. *Med Hypotheses*, 78, 341–348.

- Osipov, G., Karabulatova, I., Shafranov-Kutsev, G., Kononova, L., Akhmetova, B., Loskutova, E., Niyazova, G. (2016). Ethnic trauma and its Echo in today's mental picture of the world among the peoples of the post-soviet states: an interethnic conflicting discourse unfolding in Russian's ethnolinguistic information space. *Central Asia and the Caucasus. Journal of Social and Political Studie*, 2 (17), 87–94.
- Pchelkina, D. S., Timoshkin, D. O. (2020). Russian-speaking “migrant YouTube” as a focus of urban and social studies. *Journal of Siberian Federal University*, 13 (5), 676–687.
- Pedro Baptista, J., Gradim, A., Loureiro, M., Ribeiro, F. (2023). Fact-Checking: A Journalistic Movement yet to Be Discovered? Audience Attitudes and Familiarity Levels in Portugal. In F. J. García-Peñalvo, A. García-Holgado (Eds), *Proceedings TEEM 2022: Tenth International Conference on Technological Ecosystems for Enhancing Multiculturality. TEEM 2022* (pp. 719–727). *Lecture Notes in Educational Technology*. Singapore: Springer.
- Qin, M., Karabulatova, I. S., Ruan, J. (2023). The Cinematographic and Newspaper Discourse of Harbin in the Early Twentieth Century: Reflection of the Feeling of the Loss of the Homeland of the Russian Elite in the Chinese Provinces. In S. Arhire, T. Roşu, C. Anghel (Eds), *The Paris Peace Conference and Its Consequences in Early-1920s Europe* (pp. 150–190). Cambridge Scholars.
- Qin, M., Xiao, D., Yuan, L., Karabulatova, I. (2022). Emotive Tonality of the “Youth–Old Age” Dichotomy in Russian and Chinese Media Discourses: The Stage of Psychosemantic Expertise. *Journal of Psycholinguistic Research*. Электронный ресурс https://www.researchgate.net/publication/361753458_Emotive_Tonality_of_the_Youth-Old_Age_Dichotomy_in_Russian_and_Chinese_Media_Discourses_The_Stage_of_Psychosemantic_Expertise.
- Ruan, Yu., Karabulatova, I. S. (2021). The Experience of the Loss of the Motherland by Representatives of Russian Emigration in the Chinese Provinces (1905–1917). *Былые годы*, 16 (3), 1501–1510.
- Zhang, L., Karabulatova, I., Nurmukhametov, A., Lagutkina, M. (2023). Association Strategies of Speech Behavior of Communicators in Coding Discourse: An Interdisciplinary Approach Towards Understanding the Role of Cognitive and Linguistic Processes in Communication. *Journal of Psycholinguistic Research*, 1–17. <https://doi.org/10.1007/s10936-023-09966-z>

Статья поступила в редакцию 15 января 2023 г.;
рекомендована к печати 6 апреля 2023 г.

Контактная информация:

Амириду Стефания — PhD, доц.; stefibless@hotmail.com

Лагуткина Маргарита Дмитриевна — канд. филол. наук; lagutara@yandex.ru

Джилкишиева Майра Сейтжанаровна — д-р пед. наук, проф.; maira-taraz@mail.ru

Emotive vocabulary as a manipulative marker of destruction in the migrant-oriented discourse of mass media: Based on the material of the European Union, Russia, Armenia and Kazakhstan

S. Amiridou¹, M. D. Lagutkina², M. S. Jilkishieva³

¹ Democritus University of Thrace,
24, ul. 26-go Oktyabrya, Komotini, 69100, Greece

² Peoples' Friendship University of Russia,
10, ul. Miklukho-Maklaya, Moscow, 117198, Russian Federation

³ Auezov South Kazakhstan State University,
5, pr. Tauke khana, Shymkent, 160012, Republic of Kazakhstan

For citation: Amiridou S., Lagutkina M. D., Jilkishieva M. S. (2023). Emotive vocabulary as a manipulative marker of destruction in the migrant-oriented discourse of mass media: Based on the material of the European Union, Russia, Armenia and Kazakhstan. *Media Linguistics*, 10 (3), 284–300. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.301> (In Russian)

Any migration shows the full range of emotional assessments of people, which often leads to behavioral destructions. Emotive linguomigratiology recognizes that emotions play a decisive role in the adaptation of the host linguoculture. Migration transforms communication, post-Soviet Russophony has a significant linguistic and cultural distance depending on the country of origin.

The analysis of empirical material made it possible to distinguish between migration discourse and migrant-oriented discourses reflecting the problems of migration and migrants. The analysis of the emotive space of the post-Soviet migrant-oriented discourse is based on the theory of emotions and linguomigrationology, taking into account the principle of representativeness. This approach allows us to dissect the macrostructure of polycode migrant-oriented discourses of Armenia, the EU, Kazakhstan and Russia, interpret these discourses in the context of emotivity of different linguistic cultures, solving communicative tasks. The difference in the perception of ethnopsycholinguistic norms in migration processes contributes to the appearance of linguistic and cultural shock in all participants of migration, modeling the development of negative scenarios in both the releasing and the receiving society. The relevance of the proposed work is due to the growth of migration between the countries of Europe and Asia, which naturally increases the interest in studying the ethno-sociocultural characteristics of these countries. Analyzing another world through the prism of a foreign language means entering another culture with other speech and behavioral norms, causing changes in the value matrix of a linguistic personality. Gaps in the background knowledge of the host country become a source of emotively colored vocabulary in the speech of migrants. The article is written on the material of open sources of mass media. The article is intended for specialists in the field of migration, political science, linguistics, intercultural communication, history, psychology, sociology, journalism.

Keywords: emotivity, surprise, linguomigration, migrant.

Reference

- Amiridu, S., Lagutkina, M. D., Dzhilkishieva, M. S. (2022). Emotives as a manipulative marker of destruction in migrant-oriented mass media discourse. In L. R. Duskaeva (Ed.), *Media Linguistics. Vyp. 9. Iazyk v koordinatakh massmedia: mat-ly VI Mezhdunar. nauch. konf. (Sankt-Peterburg, 30 iyunia — 2 iuliia 2022 g.)* (pp. 347–351). St. Petersburg: Mediapapir Publ. (In Russian)
- Anumian, K. S. (2020). Features of emotive and communicative processes of migrants' adaptation. *Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta*, 4, 58–62. (In Russian)
- Denisenko, M. B., Iontsev, V. A., Khorev, B. S. (1989). *Migrationology*. Moscow: Moscow University Press. (In Russian)
- Dijk, T. A. (2018). Discourse and migration. In E. Yalaz, R. Zapata-Barrero (Eds), *Qualitative Research in European Migration Studies* (pp. 227–245). Berlin: Springer.
- Fedotova, N., Shirokova, O. (2021). Destructive Trends of Digital Culture: “Side Effects” of New Media. In E. V. Toropova, E. F. Zhukova, S. A. Malenko, T. L. Kaminskaya, N. V. Salonikov, V. I. Makarov, A. V. Batulina, M. V. Zvyaglova, O. A. Fikhtner, A. M. Grinev (Eds), *Man, Society, Communication. Vol. 108. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences* (pp. 597–603). European Publisher.
- Inuwa-Dutse, I., Liptrott, M., Korkontzelos, I. (2020). *Migration and Refugee Crisis: a Critical Analysis of Online Public Perception*. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/343062837_Migration_and_Refugee_Crisis_a_Critical_Analysis_of_Online_Public_Perception.
- Karabulatova, I. S., Chesnokova, O. S., Ebzeeva, Yu. N., Radovič, M. (2020). The influence of Islamic migration on Russian and Spanish society: verbalization of the concept “MOOR”. *Terra Sebus*, 12, 301–325.
- Karabulatova, I. S., Kopnina, G. A. (2022). Linguistic parametrization of destructive mass media text: towards the formulation of the problem. In L. R. Duskaeva (Ed.), *Media Linguistics. Vyp. 9. Iazyk v koordinatakh massmedia: mat-ly VI Mezhdunar. nauch. konf. (Sankt-Peterburg, 30 iyunia — 2 iuliia 2022 g.)* (pp. 364–367). St. Petersburg: Mediapapir Publ. (In Russian)
- Karabulatova, I. S., Vorontsov, K. V. (2019). Digital linguistical migrationology: the possibilities of artificial intelligence in the study of migration processes. In *II World Congress in real and virtual mode “West-East: crossing cultures”, 2–6 October 2019, Japan, Kyoto Sange University, Scientific and practical materials of the 2nd world Congress in Japan 2019* (pp. 760–766). Kyoto: Kyoto Sange.
- Kuznetsova, Iu. M., Kuruzov, I. A., Smirnov, I. V., Stankevich, M. A., Starostina, E. V., Chudova, N. V. (2020). Textual manifestations of frustration of the user of social networks. *Media Linguistics*, 7 (1), 4–15. (In Russian)
- Legoshina, N. V. (2015). Karpman's triangle “Victim — Stalker — Rescuer” in the coverage of the Ukrainian crisis by the socio-political media. *Politiia*, 4 (79), 87–99. (In Russian)
- Lövheim, H. (2012). A new three-dimensional model for emotions and monoamine neurotransmitters. *Med Hypotheses*, 78, 341–348.

- Medvedev, A. Iu., Chukhrova, M. G. (2020). Current theoretical ideas about the psychosomatic well-being of migrants. In E. L. Sorokina (Ed.), *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Nauka i sotsium"* (pp. 138–141). Novosibirsk: Sibirskii institut prakticheskoi psikhologii, pedagogiki i sotsial'noi raboty Publ. (In Russian)
- Osipov, G., Karabulatoва, I., Shafranov-Kutsev, G., Kononova, L., Akhmetova, B., Loskutova, E., Niyazova, G. (2016). Ethnic trauma and its Echo in today's mental picture of the world among the peoples of the post-soviet states: an interethnic conflicting discourse unfolding in Russian's ethnolinguistic information space. *Central Asia and the Caucasus. Journal of Social and Political Studies*, 2 (17), 87–94.
- Pchelkina, D. S., Timoshkin, D. O. (2020). Russian-speaking "migrant YouTube" as a focus of urban and social studies. *Journal of Siberian Federal University*, 13 (5), 676–687.
- Pedro Baptista, J., Gradim, A., Loureiro, M., Ribeiro, F. (2023). Fact-Checking: A Journalistic Movement yet to Be Discovered? Audience Attitudes and Familiarity Levels in Portugal. In F. J. García-Peñalvo, A. García-Holgado (Eds), *Proceedings TEEM 2022: Tenth International Conference on Technological Ecosystems for Enhancing Multiculturalism. TEEM 2022* (pp. 719–727). *Lecture Notes in Educational Technology*. Singapore: Springer.
- Qin, M., Karabulatoва, I. S., Ruan, J. (2023). The Cinematographic and Newspaper Discourse of Harbin in the Early Twentieth Century: Reflection of the Feeling of the Loss of the Homeland of the Russian Elite in the Chinese Provinces. In S. Arhire, T. Roşu, C. Anghel (Eds), *The Paris Peace Conference and Its Consequences in Early-1920s Europe* (pp. 150–190). Cambridge Scholars.
- Qin, M., Xiao, D., Yuan, L., Karabulatoва, I. (2022). Emotive Tonality of the "Youth–Old Age" Dichotomy in Russian and Chinese Media Discourses: The Stage of Psychosemantic Expertise. *Journal of Psycholinguistic Research*. Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/361753458_Emotive_Tonality_of_the_Youth-Old_Age_Dichotomy_in_Russian_and_Chinese_Media_Discourses_The_Stage_of_Psychosemantic_Expertise.
- Rassokhin, D. A. (2020). The 4th corner of the Karpman triangle. *Nauka i obrazovanie segodnia*, 1 (48), 84–87. (In Russian)
- Ruan, Yu., Karabulatoва, I. S. (2021). The Experience of the Loss of the Motherland by Representatives of Russian Emigration in the Chinese Provinces (1905–1917). *Bylye gody*, 16 (3), 1501–1510.
- Shakhovskii, V. I. (2019). Substantiation of the linguistic theory of emotions. *Voprosy psikholingvistiki*, 1 (39), 22–37. (In Russian)
- Shustova, S. V., Rarenko, M. B., Popova, M. V., Zorina, T. P., Kosteva, V. M., Borovitskaya, E. I., Menshikova, N. N., Allen, M. Yu., Lapaeva, A. A., Novikov, A. Yu. (2020). *Migration linguistics in the modern scientific paradigm: discursive practices and multiculturalism literature*. Perm: Permskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet Publ. (In Russian)
- Skovorodnikov, A. P., Kopnina, G. A. (2016). Linguistics of information and psychological warfare: to substantiate and define the concept. *Politicheskaiя lingvistika*, 1 (55), 42–50. (In Russian)
- Skovorodnikov, A. P., Kopnina, G. A. (2017a). Linguotoxic phenomena in speech and language. *Mir russkogo slova*, 3, 28–32. (In Russian)
- Skovorodnikov, A. P., Kopnina, G. A. (2017b). Language trauma as a linguoecological concept and problem (based on the material of modern Russian media). *Media Linguistics*, 4 (19), 70–79. (In Russian)
- Vinogradov, V. A., Larichev, A. A., Zhuravlev, M. S., Ignat'ev, A. G., Tsvetkov, Iu. D., Kurbatova, T. A. (2021). *A brief comparative legal analysis of measures to counteract the spread of illegal (destructive) content on the Internet*. Retrieved from <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/496608248.pdf>. (In Russian)
- Zhang, L., Karabulatoва, I., Nurmukhametov, A., Lagutkina, M. (2023). Association Strategies of Speech Behavior of Communicators in Coding Discourse: An Interdisciplinary Approach Towards Understanding the Role of Cognitive and Linguistic Processes in Communication. *Journal of Psycholinguistic Research*, 1–17. <https://doi.org/10.1007/s10936-023-09966-z>
- Zlokazov, K. V. (2015). Content analysis of destructive texts. *Politicheskaiя lingvistika*, 1, 244–251. (In Russian)

Received: January 15, 2023

Accepted: April 6, 2023

Authors' information:

Stefania Amiridou — PhD, Associate Professor; stefibless@hotmail.com

Margarita D. Lagutkina — PhD; lagutara@yandex.ru

Maira S. Jilkishieva — Dr. Sci. in Pedagogy, Professor; maira-taraz@mail.ru

Некоторые маркеры конфликтопровоцирующей интенции авторов интернет-комментариев в период пандемии COVID-19*

О. Ю. Гукосьяни

Пятигорский государственный университет,
Российская Федерация, 357532, Пятигорск, пр. Калинина, 9

Для цитирования: Гукосьяни О.Ю. (2023). Некоторые маркеры конфликтопровоцирующей интенции авторов интернет-комментариев в период пандемии COVID-19. *Медиалингвистика*, 10 (3), 301–318. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.302>

Диапазон средств-актуализаторов конфликтного смысла при фронтационном взаимодействии определяется во многом как ситуацией, провоцирующей столкновение, так и условиями коммуникации. Контекстом конфликта в настоящей работе выступил период пандемии COVID-19. Сферой реализации конфликта выбрана виртуальная среда, жанром — интернет-комментарии. Цель настоящей работы состоит в исчислении вербальных и невербальных маркеров конфликтного речевого поведения, наблюдаемых в интернет-комментариях в период пандемии COVID-19. Достижение поставленной цели становится возможным с помощью методов комплексного коммуникативно-прагматического анализа, лингвостилистического анализа и контекстуального анализа. Приемы статистического анализа позволили определить частотность проявления обозначенных вербальных и невербальных маркеров и установить, таким образом, предпочтительные в обозначенный временной промежуток речевые средства реализации конфликтопровоцирующей интенции авторов комментариев. Вербальными маркерами явились пейоративы, просторечия, жаргон, окказионализмы, зоосемантические метафоры, англоязычные вкрапления, фразеологизмы, лексемы с негативной коннотацией, характеризующие умственное развитие человека, содержащие экспрессивную негативную оценку здоровья, уровня образованности, этнической, расовой, национальной, социальной принадлежности, негативную номинацию лиц с точки зрения профессии, происхождения, социально осуждаемой деятельности, а также лиц, проявляющих нетактичное поведение, приверженцев неподдерживаемых взглядов, идей и позиций, использовались лексические средства с семантической угрозы, изолирования, вакцинирования, императивы, парцелированные конструкции, сослагательное наклонение, множественные вопросы, повторы, неполные предложения, параллельные конструкции. К невербальным маркерам отнесены: написание текста прописными буквами, зачеркивание части текста с целью его выделения, зрративы, интернет-мемы. Перечисленные вербальные и невербальные маркеры обеспечивают реализацию стратегий и тактик конфликтного речевого поведения коммуникантов, являются ключевыми при формировании определенных взглядов у аудитории. *Ключевые слова:* интернет-опосредованная коммуникация, конфликтное речевое поведение, вербальные маркеры речевой агрессии, невербальные маркеры речевой агрессии, пандемия COVID-19.

---

* Публикация подготовлена в рамках проекта МК-1675.2022.2 «Комплексное прагмалингвистическое исследование механизмов провоцирования и предотвращения возникновения и развития конфликтных ситуаций в виртуальной среде в условиях пандемии» по гранту Президента Российской Федерации.

Постановка проблемы

Конфликтное коммуникативное поведение, наблюдаемое в интернет-опосредованной коммуникации периода пандемии COVID-19, привлекает внимание с точки зрения как определения интенций разжигателей конфликта, так и выявления вербальных и невербальных средств, служащих маркерами конфликтопровоцирующей интенции коммуникантов.

Одним из самых действенных катализаторов коммуникативного конфликта, представляющего собой «результат особого типа общения, особое состояние коммуникативного акта, результат особого речевого поведения» [Муравьева 2002], проистекающего из столкновения интенций участников коммуникации, является речевая агрессия. Д. А. Инфанте определяет агрессивность как деструктивную, разрушительную характеристику [Infante 1989: 159]. Анализируя агрессивные сообщения, П. Шродт и Л. Уилесс заключают, что они связаны с нападками на характер, компетентность и внешний вид, а также с насмешками, угрозами, клеветой, желанием подразнить, применением ненормативной лексики [Schrodtt, Wheelless 2001: 55].

Исчисление средств выражения речевой агрессии становится, таким образом, актуальной задачей, решение которой может способствовать предупреждению эскалации коммуникативных конфликтов в виртуальном пространстве.

Конфликтное коммуникативное поведение в интернет-среде в период пандемии COVID-19 ориентировано на причинение психоэмоционального ущерба коммуникативному партнеру, возбуждение ненависти. На наш взгляд, необходимо также учитывать и тот факт, что протекание беседы в виртуальном пространстве чрезвычайно актуализирует и такую особенность коммуникативных партнеров, как стремление к установлению гегемонии, к осуществлению влияния (*power*) [Towns, Adams 2018], при этом спектр средств достижения этой цели существенно расширяется.

Объектом изучения в настоящей статье выступает агрессивный интернет-комментарий — «образец спонтанной письменной речи, написанной без учета канонов классического “довиртуального” письма», представляющий собой «фрагмент собственного размышления и обращения к другим» [Савельева 2019: 841] и содержащий маркеры конфликтного речевого поведения. Для корректности проводимого анализа уточним понимание нами маркеров как вербальных и невербальных средств выражения речевой агрессии, служащих реализаторами стратегий и тактик конфликтного речевого поведения.

Настоящее исследование ставит своей целью исчислить вербальные и невербальные маркеры конфликтного речевого поведения, наблюдаемые в интернет-комментариях в период пандемии COVID-19, проследить частотность проявления данных маркеров для определения предпочтительных, в обозначенный временной промежуток, речевых средств реализации конфликтопровоцирующей интенции авторов комментариев.

История вопроса

Работы, посвященные конфликтной коммуникации в медийной среде [Сидоров 2019; Голев, Обелюнас 2014; Трофимова, Барабаш 2020], указывают на высокий уровень коммуникативной агрессии, инструментами которой выступают язык

вражды, проявления онлайн-ненависти. Рассматривая вопросы речевого этикета и особенности вежливости в онлайн-общении, Л. Р. Дускаева подчеркивает, что агрессия, проявляемая в виртуальной коммуникации, «нарушает эмоциональную стабильность и потенциально может спровоцировать речевые преступления», а нейтрализация агрессии и создание эмоционально комфортного общения достигаются благодаря использованию правил речевого этикета [Duskaeva 2020: 62].

Ю. В. Щербинина в работе «Речевая агрессия. Территория вражды» предлагает следующее определение: «Речевая (вербальная, словесная) агрессия — проявление грубости в речи, негативное речевое воздействие и взаимодействие; обидное общение; выражение отрицательных эмоций и намерений в неприемлемой в данной ситуации и оскорбительной для собеседника форме» [Щербинина 2013: 13].

Грубость, отрицательные эмоции, оскорбления в адрес собеседников реализуются в онлайн-общении через «речеповеденческие и текстовые показатели разной знаковой природы (словесные, визуальные)» [Кара-Мурза 2020: 21]. Публикация подобного рода дискредитирующих сообщений способна вызвать «ответную реакцию, ведущую к возникновению цепочек взаимных перепалок между комментирующими» [Иванова 2023]. Языковые средства, используемые оппонентами в конфликтной коммуникации, интересны тем, что являются внешними факторами, видимыми структурами конфликта в речи. Они наблюдаемы и могут сигнализировать о целях и интенциях коммуникантов, их изучение предоставляет информацию об установках, стратегических замыслах и тактических задачах говорящего [Третьякова 2003; Белозерова 2020]. Этим объясняется значительное количество работ, посвященных изучению «языковых средств, способных стать побудительным механизмом порождения речевого конфликта» [Третьякова 2003: 18; Белоус, Ананьева 2020; Воронцова 2017; Кушнерук 2020; Шарифуллин 2016; Cui 2020].

Существенное значение при выявлении маркеров речевой агрессии имеют условия и обстоятельства экспликации конфликта, значимые с социальной, культурной и психологической точек зрения. В рассматриваемой работе общим контекстом всего исследуемого материала послужила ситуация появления и распространения вируса COVID-19, а также последовавший за ней период пандемии, самоизоляции и массовой вакцинации. Сферой проявления конфликтопровоцирующей интенции коммуниканта выбран интернет-комментарий как жанр компьютерно опосредованной коммуникации, позволяющий публиковать спонтанную эмоциональную реакцию, предоставляющий возможность пользователям «вступить в спор с автором обсуждаемого текста и с участниками дискуссии... обвинять “чужих” и находить “своих”» [Голев, Ким 2023].

Описание методики исследования

Материалом для исследования послужили 1200 агрессивных конфликтных сообщений, представляющих собой комментарии к постам в «Живом Журнале», извлеченные методом сплошной выборки. При исследовании материала использовались: метод комплексного коммуникативно-прагматического анализа, позволяющего отнести рассматриваемые комментарии к категории конфликтных, лингвостилистический анализ и контекстуальный анализ, с помощью которых осуществлялось вычленение вербальных и невербальных маркеров конфликтопрово-

цирующей интенции авторов интернет-комментариев, а также приемы статистического анализа для определения частотности проявления обозначенных вербальных и невербальных маркеров.

Анализ материала

Маркеры конфликтного дискурса разнообразны в своем проявлении и применительно к анализируемому материалу (а именно — интернет-опосредованной коммуникации в жанре интернет-комментария) относятся к областям лексики, синтаксиса, стилистики, семантики, а также представлены фонетико-графическими средствами и иконическими компонентами.

Безусловно, коммуникативная среда конфликта в рассматриваемой выборке накладывает отпечаток на характер развертывания и выбор средств экспликации конфликта. Дистантность, опосредованность, анонимность, синхронность/асинхронность общения способствуют возникновению цифрового варианта языка, характеризующегося значительными «трансформациями» на всех уровнях языковой системы: использованием сленговых выражений, инвектив, аббревиатур; созданием неологизмов, смешением стилей, употреблением фразеологизмов; фонетической ориентацией написания (применением принципа «пишу, как слышу»); наличием эллиптических предложений; пренебрежением знаками препинания либо использованием их в чрезмерном количестве для передачи эмоций, настроения, характера говорящего; повтором букв, шрифтовым выделением, употреблением заглавных букв, интервалов между буквами в словах [Алещенко, Алимуратов, Бойчук и др. 2015: 185–186]. Перечисленные «трансформации» в силу своевременности и контекстной обусловленности могут выступать актуализаторами речевого конфликта.

Перейдем к рассмотрению вербальных и невербальных актуализаторов речевого конфликта, наблюдаемых в комментариях к блогам в «Живом Журнале».

Вербальные маркеры конфликтного речевого поведения в интернет-опосредованной коммуникации периода пандемии COVID-19. Анализ вербальной составляющей этапа зарождения конфликта в процессе обмена комментариями в интернет-среде периода пандемии COVID-19 позволил исчислить характерные наиболее частотные средства, запускающие механизм конфликтного взаимодействия.

Пример 1.

— Но то что **коронабесный идиот billibonch** сознательно выбрал заболеть коронавирусом и **сдохнуть** — похвально. **Убей себя — спаси планету от дебилов :-))**)¹

— ответ тогда биолог

на сайте gls.rosminzdrav написано испытание вакцины закончится в 22-ом году, можно ли принудительно испытывать ее на людях.

— Никакой принудилочки нет. Умные прививаются — идиоты не прививаются и самостоятельно героически дохнут сотнями в день;)))

— да уж, вот интересно, кремлебот? или очень больной?²

¹ Цитаты приводятся без изменений.

² Электронный ресурс <https://ilyavaliyev.livejournal.com/8938975.html>. (14.07.2021).

Очевидными маркерами, обладающими конфликтогенным потенциалом, которые нашли отражение в материале исследования, послужили пейоративы, просторечная и жаргонная лексика [Жельвис 2000; Кулаков 2011; Курьянович 2018; Белова 2015; Третьякова 2003] (32 % от общего объема анализируемых контекстов).

Помимо адресного и безадресного употребления пейоративных номинаций (*коронабесный идиот, дебил*) в примере 1 наблюдаем иные компоненты, характеризующиеся как маркеры конфликтного речевого поведения. В частности, инвектива *идиот* дополнена эпитетом с отрицательной коннотацией, которым является окказионализм [Макаренко 2018] *коронабесный* [Приемышева 2021: 139], глаголом с отрицательной коннотацией *сдохнуть* (имеет помету «груб.» — грубое — в «Большом толковом словаре русского языка» [Кузнецов 1998]), императивами [Третьякова 2003; Белова 2015; Макаренко 2018], передающими побуждение к отрицательному, порицаемому действию (*убей себя — спаси планету, сходи в с*ртир*), используемыми в высказывании в виде лозунга и манифестирующими негативное отношение к реципиенту. Частотность проявления отмеченных маркеров конфликтного взаимодействия в анализируемом материале распределилась следующим образом: глаголы с отрицательной коннотацией упомянуты в 12 % от общего объема контекстов, окказионализмы — в 7 %.

Пример 2.

- *Инфузория* пытается шутить. Выходит неуклюже.
- На *одноклеточных* обижаться глупо. Ну прыгает *макака*, и что.
- *Не кукарекай макака!*
- Я не буду, уговорил — *твоих вскукареков хватает*³.

Подтвержденным маркером виртуальной конфликтной коммуникации в примере 2 стали зоосемантические метафоры (4 % от общего объема контекстов), относящиеся к агрессивным инвективам [Курьянович 2018; Карамова, Карамов 2021; Маслов 2014].

Зоосемантические метафоры (*инфузория, макака*), подчеркивающие качества, которыми оппоненты наделяют друг друга (недостаток ума и сообразительности, необоснованность выражаемой позиции), служат маркерами вербальной агрессии и актуализаторами конфликтного потенциала текста.

Пример 3.

— Я так понимаю, Вы себя причисляете с *пиплам*, которые *сайенс*? Серьезно? Это верующие-то масочники, ковид-паникеры, рекламирующие фуфлопидемию — *сайенс*? Слово, *штоле*, понравилось?

— «Бла-бла-бла, мистер Андерсон». Я в который раз отмечу тщетность Ваших потуг. Вы бы хоть *пруфы* какие-то имитировали, а то одни лозунги. ...Заканчивайте Вы эту клоунаду, лучше идите книжков почитайте⁴.

Такой стилистический прием, как англоязычные вкрапления (2 % от общего объема контекстов) создает в тексте комментарий определенный иронический эффект, может служить средством демонстрации неприязни к оппоненту и, как след-

³ Электронный ресурс https://dralexandra.livejournal.com/585430.html?utm_source=popular. (31.01.2022).

⁴ Электронный ресурс <https://scinquisitor.livejournal.com/185759.html>. (29.12.2020).

ствии, может быть также отнесен к вербальным маркерам конфликтного речевого поведения. В примере 3 наблюдаем англоязычные вкрапления *сайенс, пипл*, умышленное искажение написания (фонетическая ориентация) *штоле*.

Пример 4.

— **СПИДоносец**, никому нет дела до того, что у тебя нет иммунитета. Это твоё личное горе. Мы всех **спидоносцев** выселяем в резервации. А к здоровым тебе лезть никто не позволит. Никто не обязан тратить своё время на тебя **у*бищного!!**

— Где и кем это доказано?

— Да ты прежде, чем садиться на корабль, хоть почитай какой у него Пункт Назначения. А то сел не на свой корабль, а теперь мечтаешь с него сбежать, или захватить?)))))

— да иди ты на х** вместе со своим кораблём

— Да и ты иди на дно; мы крыс умеем изгонять!!⁵

Актуализаторами конфликтов в исследуемом материале служили многочисленные лексемы с негативной коннотацией (23 % от общего объема контекстов), характеризующие не только умственное развитие человека (*дебил, тупой, не очень умный*), но и содержащие экспрессивную негативную оценку здоровья, уровня образованности, этнической, расовой, национальной, социальной принадлежности, негативную номинацию лиц с точки зрения профессии, происхождения, социально осуждаемой деятельности, а также лиц, проявляющих нетактичное поведение, приверженцев неподдерживаемых взглядов, идей и позиций (*спидоносец* — в примере 4).

Пример 5.

— **Есть хитрые** (хоть и **не очень умные**) **чинуши** разных стран. В Италии коррупция — что-то вроде нац. забавы — неудивительно, что там вдруг «прописался» этот чудотворный вирус. И есть **быдло**, которое обязано **хавать** всё, что пишут газетчики. Ещё вопросы?

— Да. Ты тоже умный или так, погулять вышел?

— Вышел посмотреть на тебя =)

— То есть, не умный. Я так и понял.

— Куда уж до тебя. Не тебе г**ном обзывать на сми, если сам же хаваешь всё подряд из них ;)

— Что ты несёшь, неумный? Какие «сми»??

— Короче, башусер — иди башусерь. Не лезь в высокие (для тебя) сферы.

— Вот прям по-взрослому ответил наш дурачок :))) «Ахахаха, сам дурак, сам дурак!». Ты ещё попрыгай и попередразнивай⁶.

В примере 5 для обозначения профессии чиновника и демонстрации собственного отношения к лицам, осуществляющим данную профессиональную деятельность, использована уничижительная номинация профессии *чинуша* (данная лек-

⁵ Электронный ресурс https://sapojnik.livejournal.com/3744665.html?utm_source=recent&page=3. (01.02.2022).

⁶ Электронный ресурс <https://tema.livejournal.com/3216178.html>. (07.03.2020–11.03.2020).

сема имеет помету «сниж.» — сниженное⁷). Надменность автора подчеркивается высказываемыми по отношению к лицам данной профессии характеристиками *хитрые, не очень умные*. Негативно автор отзывается и о рядовом населении, что демонстрируется через лексемы *быдло, хавать* (данные лексемы также имеют помету «сниж.»⁸), использование которых является аллюзией к прецедентному высказыванию Богдана Титомира «Пипл хавает» (1990-х годов) [Серов 2003].

Пример 6.

— Судя по дико растущим цифрам, весь мир уже **по десятому кругу** болеет. Западные СМИ — самый главный источник **инфекции**.

— Нет. Это просто **эпидемия нарастает**. В большинстве своём **из-за тупорылых анти-ковидников**.

— А что там у нас с гриппом и ОРЗ? Закончились?:)

— Ничего никуда не исчезло...а вы всё смеитесь и ёрничайте. Пока не коснётся.

— Я не ерничаю. Вирусы были, есть и будут. Но почему-то из-за этого раздули «пандемию»⁹.

Значимым компонентом конфликтно окрашенных комментариев в анализируемом материале (пример 6) служат лексические средства с семантикой угрозы, изолирования, вакцинирования (17 % от общего объема контекстов).

Отождествление автором западных СМИ в качестве источника инфекции дискредитирует данные СМИ. Негативная оценка усиливается благодаря намеренному преувеличению (*по десятому кругу*). Вина за рост заболеваемости (*эпидемия*) возложена на противников вакцинирования (*анти-ковидник* — окказионализм периода пандемии [Приемышева 2021: 21]), негативное отношение к которым усилено эпитетом с оценкой умственных возможностей *тупорылый*, отмеченным в «Большом толковом словаре русского языка» пометами «пренебр.» (пренебрежительное), «груб.» (грубое) [Кузнецов 1998].

Пример 7.

— Этот человек **бесцеремонно врёт**. Сначала **распространял враньё** про Канаду, теперь про Данию. **Перестаньте врать**. Ведь эта информация легко проверяется.

— Чё, правда глаза колет? Чё так жидко-то? ...Тупой, или прикидываешься?¹⁰

Пример 8.

— Этот блог — одна сплошная **пропагандистская натяжка**)

— Тогда чо тут трёшься? Брысь в схрон!¹¹

Обвинения в неискренности одного из коммуникантов в примере 7 (*бесцеремонно врёт, распространял враньё*) и в распространении ложной информации и подтасовке данных в целом блоге в примере 8 (*блог — одна сплошная пропаганда*)

⁷ Научно-информационный орфографический академический ресурс «АКАДЕМОС» Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Электронный ресурс <https://orfo.ruslang.ru/>.

⁸ Там же.

⁹ Электронный ресурс <https://masterok.livejournal.com/6720489.html?page=2#comments>. (15.11.2020 — 17.11.2020).

¹⁰ Электронный ресурс <https://chervonec-001.livejournal.com/3210557.html>. (27.03.2020).

¹¹ Там же.

дистская натяжка) провоцируют ответную защитную реакцию (*Тогда чо тут трёшься? Брысь в схрон*).

Пример 9.

— *Надеюсь тебя сплющит и откинешь копыта, как многие антиваксеры. А лучше бы все так. БОльшие бы места стало.*

— *О, агрессивный апостол масок и свидетель ковида нарисовался. Не забывай три раза делать «ку» и присесть¹².*

Фразеологизмы (3 % от общего объема контекстов), выражающие отрицательную оценку и служащие маркерами конфликтного взаимодействия (подробнее об этом см.: [Макаренко 2018]), также встречаются в интернет-среде периода пандемии (пример 9). К частотным фразеологизмам, обладающим негативной коннотацией и наблюдаемым в анализируемом материале, можно отнести единицы с семантикой «умереть» (*отбросить коньки, откинуть копыта, дать дуба, отправиться на тот свет, отдать Богу душу, уйти в иной мир, испустить дух*), «обманывать» (*пудрить мозги, морочить голову, заговаривать зубы, мутить воду*), «доверять» (*принимать за чистую монету, уши развесить, верить на слово*), «испытывать тяжелое эмоциональное состояние, переживать» (*лезть на стену, выходить из себя, кусать локти, опускать руки*).

Пример 10.

Займитесь чем-нибудь, действительно полезным, — творчество сделало из обезьяны человека. И Вы сможете попытаться!¹³

Пример 11.

Выкладывай сюда информацию, словоблуд¹⁴.

Пример 12.

Учили бы Вы уже русский, раз неосторожно решили пытаться в наброс на этом чуждом для Вас языке¹⁵.

Характерным конфликтным маркером в анализируемом материале явилось применение императивных конструкций (примеры 10 и 11), сослагательного наклонения в побудительном значении (пример 12). По частотности проявления в качестве маркеров конфликтного взаимодействия ситуации применения сослагательного наклонения (9 % от общего объема контекстов) уступают императивным конструкциям (19 %).

Передачу конфликтопровоцирующей интенции адресанта обеспечивали в рамках рассматриваемой выборки также множественные вопросы, побуждающие адресата занять оборонительную позицию, неполные предложения, в том числе вопросительные, а также параллельные конструкции, повторы. Наиболее частотными маркерами конфликтного взаимодействия в рамках рассматриваемого материала признаются неполные предложения, в том числе вопросительные (38 % от общего объема контекстов). Им уступают множественные вопросы (15 %) и па-

¹² Электронный ресурс <https://masterok.livejournal.com/7507368.html>. (23.10.2021).

¹³ Электронный ресурс <https://scinquisitor.livejournal.com/185759.html>. (30.12.2020).

¹⁴ Электронный ресурс <https://botalex.livejournal.com/173142.html>. (28.12.2020).

¹⁵ Электронный ресурс <https://scinquisitor.livejournal.com/185759.html>. (30.12.2020).

раллельные конструкции (13%). Реже всего были замечены повторы (6%), что тем не менее не исключает присущую им провокационную функцию и не лишает их права признаваться маркером конфликта.

Пример 13.

Юноша.

Вы что, совсем ....?

Вы что не читаете журнал «Непредвзятого аналитика????!!!

В котором СТОЛЬКО РАЗ и ВАМ указывалось!!!

Что этот вирус создан у нас тут в ПОМЕРКАХ!!

А вы тут поливаете своими испражнениями эту УХАНЬСКУЮ лабораторию

Так не так давно один ОЧЕНЬ УМНЫЙ ПАРЕНЬ!

и ВАМ тыкнул в нос, что в Ухани была КЛАССИЧЕСКАЯ ПОДСТАВА.

Я к своему ужасу увидел, что тот парень НА ПОРЯДОК умнее меня.

Я-то эти детали и не заметил.

так, что заткнитесь ТЕМ ПАРНЕМ!!

И сопите в две дырочки.

Как я это делаю, после прочтения одного его материала на его странице...¹⁶

Выбор формы обращения в примере 13 (*Юноша*) определяет всю тональность сообщения и служит «способом выразить свое личное отношение к собеседнику» [Воронова 2014: 37]. «Большой толковый словарь русского языка» определяет «юношу» как «лицо мужского пола в возрасте, переходном от отрочества к возмужанию; молодой человек» [Кузнецов 1998]. Можно заключить, что, используя данное обращение, автор желает подчеркнуть незрелость, легкомыслие, неопытность, беспечность, ошибочность суждений адресата. Высказывание *Вы что, совсем...?* является примером неполного вопросительного предложения, смысловая часть которого, замененная на многоточие, легко восстанавливается из контекста и определенно выражает сомнение автора в разумности оппонента, пренебрежительное отношение говорящего к собеседнику. В рассматриваемом комментарии агрессивный настрой и семантику конфликта передают также просторечное *тыкнуть в нос* (с пометой «прост.» (просторечное) в «Большом толковом словаре русского языка» [Кузнецов 1998]), императив *заткнитесь* (с пометой «разг.-сниж.» (разговорно-сниженное) в «Большом толковом словаре русского языка» [Кузнецов 1998]) и фразеологизм с глаголом в повелительном наклонении *сопите в две дырочки*. Примечательным является оформление сообщения, в котором каждое предложение (а также части предложения в случае расчлененности последнего на несколько самостоятельных единиц) начинается с новой строки. Подобная сегментация речевого потока (обнаружена в 9% от общего объема контекстов), представленного в печатном виде, служит для передачи эмоционального состояния коммуниканта. Парцеллированные конструкции (*Вы что не читаете журнал «Непредвзятого аналитика????!!! В котором СТОЛЬКО РАЗ и ВАМ указывалось!!! Что этот вирус создан у нас тут в ПОМЕРКАХ!!!*) указывают на раздраженное состояние автора, его негодование, некоторое разочарование.

¹⁶ Электронный ресурс <https://a-nalgin.livejournal.com/1988841.html>. (13.01.2021).

Невербальные маркеры конфликтного речевого поведения в интернет-опосредованной коммуникации периода пандемии COVID-19. Невербальные особенности интернет-коммуникации, принимаемые нами в качестве актуализаторов конфликта в период пандемии COVID-19, во многом стали возможны благодаря особым параметрам интернет-коммуникации (специфическому формату коммуникации, временным параметрам (синхронная/асинхронная коммуникация), скорости набора текста, опосредованной связи между общающимися, анонимности коммуникантов), влияющим на появление присущих цифровому варианту языка значительных трансформаций на всех уровнях языковой системы.

Анализируя пример 13 на предмет наличия в нем невербальных маркеров конфликтного взаимодействия, укажем следующее. Эмоциональное напряжение прослеживается также в обилии знаков препинания (54 % от общего объема контекстов) после каждой фразы и в наличии слов, написанных прописными буквами (16 %), с целью их смыслового выделения и с целью создания противоречия и провоцирования конфликта.

Пример 14.

— *Эта **мразь** в действительности не кололась, потому что знает истинное назначение этой **ПОДЛОЙ ЗАТЕИ**. **НО МРАЗИ ХОРОШО ЗАПЛАТИЛИ И ОНА СОГЛАСИЛАСЬ ИСПРАЖНЯТСЯ НА ЭТУ ТЕМУ.***

— *А вы откуда знаете как там оно в действительности? Помолитесь и вам ангелы правды нарубали?*¹⁷

В примере 14 наблюдается графическое выделение текста заглавными буквами, которое служит одним из провокаторов конфликтной коммуникации, для передачи собственного эмоционального состояния (настроения).

В комментарии демонстрируется откровенное указание на продажность одного из комментаторов (*хорошо заплатили*), его обман публики (*в действительности не кололась*), отношение к нему (лексема с оскорбительным значением, относящаяся к просторечным и бранным словам: *мразь* — слово дано с пометой «бран.» (бранное) в «Большом толковом словаре русского языка» [Кузнецов 1998]), а также отношение к массовой вакцинации (характеристика, свойственная негативной с точки зрения интересов общественной деятельности, — *подлая затея*). Недовольствие автора выражается не только через подобранные лексические средства и грамматические конструкции, но и через употребление заглавных букв для выделения значимой смысловой части.

Одним из явлений, присущих интернет-коммуникации, является намеренное зачеркивание части текста с целью его выделения (10 % от общего объема контекстов). Автору сообщения необходимо привлечь внимание к информации, содержащейся в зачеркнутом тексте. При такой форме графической презентации текст приобретает игровой эффект, что может служить актуализатором конфликта.

Пример 15.

— *Побороли все-таки эти вирусные болезни:). Теперь **если** температура и кашель, **то** не пневмония, а ковид. **Если** насморк и лихорадит, **то** не ОРЗ, а ковид.*

¹⁷ Электронный ресурс <https://scinquisitor.livejournal.com/185759.html>. (29.12.2020).

А если ничего не болит, то все равно ковид бессимптомный. За идиотов всех держат.

— *Вы не понимаете написанного? Все проблемы начались после ковида. ...а ничего, что ковид гораздо более заразен, сложнее вычисляем и гораздо опаснее? В несколько раз. И что от него нет до сих пор массовой вакцины*¹⁸.

Помимо шрифтового выделения (зачеркивания) (*За идиотов всех держат*), в примере 15 наблюдается параллелизм синтаксических конструкций с союзом *если* и соотносительным словом *то*. Подобная симметричность построения текста обеспечивает его экспрессивность, что способно вызвать резкую ответную реакцию.

Пример 16.

«карантина нет»

А где есть?

«цифры заниженные»

Кто сказал?

«за голосование трясется»

Какое голосование?

«Вот о чем говорить надо»

Кому надо?¹⁹

Конфликтпровоцирующая интенция коммуниканта в примере 16 демонстрируется с помощью «атаки собеседника вопросами», зачастую не предполагающими получение какого-либо ответа. Данный прием можно наблюдать в ситуации, когда комментарий потенциальной жертвы агрессора раскладывается автором сообщения на отдельные компоненты (словосочетания, предложения), и вопросы адресуются точно к каждому из компонентов.

Пример 17.

— ***аффтар***, сфига ли мелочиться — умножай сразу на сто ***милльенов*** — так будет точнее. Пять миллионеров померших от вакцин — вот хорошая ***тсыфра***. Обожаю таких ***гениев***, — взять официальные данные, придумать чего-то из собственной ***бестолковки***, поумножать — и вуаля! страшилка, основанная на «официальных» цифрах! ***Аффтар, пейшысчо!***

— *Какой злой!*²⁰

Эрративы, присутствующие в комментариях (применение так называемого языка падонков), также можно отнести к типичным невербальным компонентам, свойственным инициаторам конфликта (4% от общего объема контекстов). Согласно И. Б. Александровой, «язык падонков» используется, чтобы унижить собеседника, когда говорящий ставит себя выше того, к кому обращены его слова, не испытывает уважения к адресату высказывания, провоцирует собеседника на конфликт, а также как речевое средство психологического подавления собеседника [Александрова 2006: 53].

¹⁸ Электронный ресурс <https://masterok.livejournal.com/6720489.html?page=2#comments>. (17.11.2020).

¹⁹ Электронный ресурс <https://chervonec-001.livejournal.com/3210557.html>. (27.03.2020).

²⁰ Электронный ресурс <https://nukakzeta.livejournal.com/15765.html?page=2>. (18.06.2021).

В примере 17 использованы эрративы (*аффттар, тсыфра, мильенов, пешыисчо*), поддержанные резким противопоставлением, столкновением противоположных понятий *гений — бестолковка*, заключением текста в кавычки («*официальные*» *цифры*), выступающим в качестве оценочного знака для выражения авторской иронии.

Пример 18.

— Но, огорчу Вас, — летом я переболел чем-то подобным, по крайней мере, по симптомам и последствиям для дыхания!

— Да, к врачам, на всякий случай, не обращался, лечился сам²¹

Для выражения отношения к сказанному и провоцирования ответной агрессивной реакции в тексты комментариев включались подходящие иллюстрации (интернет-мемы), представляющие собой невербальное средство выражения эмоций говорящего (7% от общего объема контекстов). Так, в примере 18 с целью демонстрации недоверия к сказанному на каждую из реплик собеседника автор отвечает мемом, содержащим изображение Вилли Вонка (персонажа фильма «Вилли Вонка и шоколадная фабрика») в исполнении актера Джина Уайлдера, демонстрирующим свое превосходство и осведомленность в ложности сообщаемой ему информации.

²¹ Электронный ресурс <https://scinquisitor.livejournal.com/185759.html>. (29.12.2020).

Пример 19.

— но мне и гомеопатия помогает, и даже аппендицит с её помощью вылечил (когда по скорой увезли и собрались оперировать)

— Списали потом на то, что УЗИ у них засбоило и не там жидкость показало²²

В примере 19 уныние и жалость к собеседнику, искренне верящему в силу гомеопатии и спасшемуся от операции по удалению аппендицита благодаря данному виду альтернативной медицины, автор передает через демонстрацию «грустного клоуна», а свое недоверие к сказанному выражает с помощью креолизованного текста, вербальная часть которого представлена прилагательным в сравнительной степени (*божественнее*), выполняющим функцию гиперболизации нереальности происходящего, а иконическая часть мема поддерживает вербальную и изображает Данте Алигьери (создателя поэмы «Божественная комедия»).

²² Электронный ресурс <https://scinquisitor.livejournal.com/185759.html>. (29.12.2020).

Результаты исследования

Анализ комментариев к постам в «Живом Журнале» периода пандемии COVID-19, отобранных методом сплошной выборки, позволил выявить наиболее типичные маркеры конфликтного речевого поведения, наблюдаемые в интернет-опосредованной коммуникации в указанный период. К числу таких актуализаторов были отнесены как вербальные средства, так и невербальные компоненты. Наиболее частотными вербальными маркерами конфликтного взаимодействия в анализируемом материале явились пейоративы, просторечная, жаргонная лексика (32 % от общего объема контекстов), что было достаточно предсказуемо. Следующими по частотности применения оказались лексемы с негативной коннотацией, характеризующие умственное развитие человека, содержащие экспрессивную негативную оценку здоровья, этнической, расовой, национальной, социальной принадлежности, приписывание лицу нетактичного поведения, сомнительных взглядов, идей и позиций, выполнение действий, не одобряемых обществом (23 и 12 %), использование неполных предложений, в том числе вопросительных (38 %). Менее частотными вербальными маркерами в рассматриваемом материале выступили англоязычные вкрапления (2 %), сегментация речевого потока (9 %) и повторы (6 %).

Невербальные маркеры конфликтного взаимодействия во многом были обусловлены особенными параметрами интернет-коммуникации, влияющими на появление присущих цифровому варианту языка значительных трансформаций на всех уровнях языковой системы. Невербальными маркерами послужили обилие знаков препинания (54 % от общего объема контекстов), шрифтовывделение (прописные буквы — 16 %, зачеркивание текста — 10 %). Реже в комментариях наблюдались интернет-мемы как средство выражения эмоций (7 %) и эрративы (4 %).

Выводы

Изучение комментариев к постам в блогах, появившихся в период пандемии COVID-19, на предмет наличия в них маркеров конфликтопровоцирующей интенции авторов позволило заключить, что в рассматриваемом материале имеются вербальные и невербальные единицы, способствующие провокации конфликта. Основными вербальными средствами-актуализаторами конфликтного смысла являлись: пейоративы, просторечная, жаргонная лексика, глаголы и прилагательные с отрицательной коннотацией, окказионализмы, в том числе появившиеся в период пандемии COVID-19, зоосемантические метафоры, англоязычные вкрапления, лексические средства с семантикой угрозы, изолирования, вакцинирования, императивные конструкции, парцеллированные конструкции, сослагательное наклонение, множественные вопросы, параллельные конструкции, повторы, неполные вопросительные предложения, словообразовательные элементы, придающие словам пренебрежительно-уменьшительный оттенок.

Важную роль в актуализации конфликтных текстовых смыслов играют также невербальные средства. К невербальным маркерам-актуализаторам конфликтопровоцирующей интенции авторов комментариев в рамках настоящей выборки отнесем: обилие знаков препинания, написание слов (текста) прописными буква-

ми, намеренное зачеркивание части текста с целью его выделения, эрративы, интернет-мемы.

Перечисленные вербальные и невербальные маркеры, выступающие в качестве актуализаторов конфликтного потенциала текста, призваны продемонстрировать конфликтопровоцирующую интенцию авторов интернет-комментариев, обеспечить реализацию стратегий и тактик конфликтного речевого поведения коммуникантов в виртуальном мире периода пандемии COVID-19.

Литература

- Александрова, И. Б. (2006). Особенности речевого общения в блогах. *Русская речь*, 6, 53.
- Алещенко, В. Н., Алимуратов, О. А., Бойчук, Е. И., Гукосьянц, О. Ю., Кацитадзе, И. М., Косоногова, О. В., Милетова, Е. В., Серебренникова, Н. Г., Христианова, Н. В., Чиронов, С. В., Шишкина, Т. С. (2015). *Проблемы языкознания, теории языка и прикладной лингвистики*. Кн. 2. Новосибирск: ЦРНС.
- Белова, Е. В. (2015). Модель конфликтной языковой личности в бытовом конфликтном дискурсе. *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*, 114, 1368–1382.
- Белозерова, А. В. (2020). Эксплицитный конфликт как одно из проявлений некооперативного общения. В Е. А. Вансяцкая (Ред.), *Человек в современном коммуникационном пространстве* (с. 71–78). Иваново: ЛИСТОС.
- Белоус, Н. А., Ананьева, А. А. (2020). Признаки конфликтной интеракции в кибербуллинге среди подростков. *Молодой ученый*, 26 (316), 233–239.
- Воронова, Т. А. (2014). О некоторых особенностях обращения в современном русском языке. *Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета*, 14 (14), 37–41.
- Воронцова, Т. А. (2017). Коммуникативный конфликт в интернет-дискурсе. В А. В. Должикова, В. В. Барабаш (Ред.), *Русский язык в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сб. ст. I Междунар. науч.-практ. конф. (8–9 февраля 2017 г., РУДН, Москва, Россия)* (с. 168–173). М.: РУДН.
- Голев, Н. Д., Ким, Л. Г. (2023). Диктумно-модусный плюрализм виртуального диалогического дискурса (на материале интернет-комментариев). *Медиалингвистика*, 10 (1), 4–26.
- Голев, Н. Д., Обелюнас, Н. В. (2014). Лингвоконфликтология. В А. П. Сковородников (Ред.), *Эффективное общение (базовые компетенции)*. (с. 279–280). Красноярск: Сибирский федерал. ун-т.
- Жельвис, В. И. (2000). Слово и дело: юридический аспект сквернословия. *Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии*, 2, 195–206.
- Иванова, И. (2023). Векторная вариативность и характер реакций читателей на сообщения в онлайн-медиа. *Медиалингвистика*, 10 (1), 27–46.
- Карамова, А. А., Карамов, Т. Д. (2021). Лингвистическая экспертиза речевых актов оскорбления (по разным категориям дел). В *Актуальные вопросы и векторы развития современной филологии* (с. 4–41). Петрозаводск: Новая Наука.
- Кара-Мурза, Е. С. (2020). Лингвоконфликтология и конфликты в русском медиапространстве (анализ двойного кейса). *Вестник Волгоградского государственного университета*, 19 (1), 18–27.
- Кузнецов, С. А. (Ред.). (1998). *Большой толковый словарь русского языка*. СПб.: Норинт.
- Кулаков, А. Е. (2011). Междометные инвективы и общие проблемы инвектологии. *Известия Саратовского университета*, 2 (11), 32–34.
- Курьянович, А. В. (2018). Опыт лингво-правовой характеристики конфликтной языковой личности (на примере анализа коммуникативного поведения тролля в сетевой переписке). *Вестник Томского государственного педагогического университета*, 2 (191), 127–142.
- Кушнерук, С. П. (2020). Недоброе слово: оскорбление, клевета, унижение чести, умаление достоинства. *Юрислингвистика*, 16 (27), 23–27.
- Макаренко, Г. С. (2018). *Конфликтный текст как объект лингвистического исследования: структурно-семантический и прагматический аспекты*. Дис. ... канд. филол. наук. Уфа.
- Маслов, А. С. (2014). *Зоометафоры-инвективы в современном русском языке (экспериментальное исследование)*. Дис. ... канд. филол. наук. Белгород.
- Муравьева, Н. В. (2002). *Язык конфликта*. М.: МЭИ.

- Приемышева, М. Н. (Ред.). (2021). *Словарь русского языка коронавирусной эпохи*. СПб.: Институт лингвистических исследований РАН.
- Савельева, И. В. (2019). Интернет-комментарий как вторичный текст: семиотическая модель текстопорождения. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 21 (3), 839–849.
- Серов, В. (Ред.). (2003). *Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений*. М.: Локид-Пресс.
- Сидоров, В. А. (Ред.). (2019). *Коммуникативные агрессии XXI века*. СПб: Алетейя.
- Третьякова, В. С. (2003). *Речевой конфликт и гармонизация общения*. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва.
- Трофимова, Г. Н., Барабаш, В. В. (2020). *Языковое послевкусие интернет-эпохи в России: эффект бу- меранга (актуальные процессы в русскоязычной цифровой медиакommunikации)*. М.: РУДН.
- Шарифуллин, Б. Я. (2016). Инвективные жанры мужской и женской коммуникации. *Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. ст.*, 7 (7), 50–62.
- Щербинина, Ю. В. (2013). *Речевая агрессия: территория вражды*. М.: Форум.
- Cui, Y. (2020). An analysis of the linguistic features of conflict talks in polylogues of English majors. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research: International Conference on Arts, Humanity and Economics, Management (ICAHEM 2019)*, 425, 162–166.
- Duskaeva, L. R. (2020). Speech etiquette in online communities: medialogistics analysis. *Russian Journal of Linguistics*, 24 (1), 56–79.
- Infante, D. A. (1989). Response to high argumentativeness: Message and sex differences. *Southern Communication Journal*, 54 (2), 159–170.
- Schrodt, P., Wheelless, L. (2001). Aggressive communication and informational reception apprehension: The influence of listening anxiety and intellectual inflexibility on trait argumentativeness and verbal aggressiveness. *Communication Quarterly*, 49 (1), 53–69.
- Towns, A. J., Adams, P. J. (2018). Discursive psychology and domestic violence. In S. Gibson (Ed.), *Discourse, Peace, and Conflict: Discursive Psychology Perspectives* (pp. 49–66). Cham: Springer Nature Switzerland AG.

Статья поступила в редакцию 20 декабря 2023 г.;
рекомендована к печати 21 мая 2023 г.

Контактная информация:

Гукосьянц Ольга Юрьевна — канд. филол. наук, доц.; gukosjants@mail.ru

Some markers of authorial conflict intention in Internet comments during the COVID-19 pandemic*

O. Yu. Gukosyants

Pyatigorsk State University,
9, pr. Kalinina, Pyatigorsk, 357532, Russian Federation

For citation: Gukosyants O. Yu. (2023). Some markers of authorial conflict intention in Internet comments during the COVID-19 pandemic. *Media Linguistics*, 10 (3), 301–318.
<https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.302> (In Russian)

The range of conflict markers in confrontational interaction is determined largely both by the situation provoking the collision and by the conditions for the communication implementation. The context of the conflict in this work was the period of the COVID-19 pandemic. The conditions for the conflict implementation became the virtual environment; Internet comment. The purpose of this research is to calculate the verbal and non-verbal markers of conflict

* The paper was done within the framework of the project MK-1675.2022.2 “A comprehensive pragmatic-linguistic study of the mechanisms for provoking and preventing the emergence and development of conflict situations in virtual environment in pandemic conditions” with a grant from the President of the Russian Federation.

speech behavior observed in Internet comments during the COVID-19 pandemic. To achieve this goal the methods of complex communicative-pragmatic analysis, linguostylistic analysis and contextual analysis were used. With the methods of statistical analysis the frequency of the indicated verbal and non-verbal markers manifestation was determined and the preferred speech means to implement authorial conflicting intention in the designated time period was established. The verbal markers are some pejoratives, colloquies, jargon, occasional words, zoo-metaphors, English-language intersperses, phraseological units, lexemes with negative connotation which characterize human mental development, contain an expressive negative assessment of health, level of education, ethnic, racial, national, social affiliation of the characterized person, negative nomination of persons from the point of view of the profession, origin, socially condemned activities, persons with non-actual behavior, dissonant views, ideas and positions, language tools with the semantic meaning of threat, isolation, vaccination, imperatives, parceled constructions, subjunctive, multiple questions, repetitions, incomplete sentences, parallel constructions. Non-verbal markers include text in capital letters, strike-through text, erratives, Internet memes. These verbal and non-verbal markers ensure the implementation of strategies and tactics of the conflict speech behavior of communicants of this period; they are the key factors in constructing attitude among the audience.

Keywords: internet-mediated communication, conflict speech behavior, verbal markers of speech aggression, nonverbal markers of speech aggression, COVID-19 pandemic.

References

- Aleksandrova, I. B. (2006). Features of speech communication in blogs. *Russkaia rech'*, 6, 53. (In Russian)
- Aleshchenko, V. N., Alimuradov, O. A., Boichuk, E. I., Gukosyants, O. Yu., Katsitadze, I. M., Kosonogova, O. V., Miletova, E. V., Serebrennikova, N. G., Khristianova, N. V., Chironov, S. V., Shishkina, T. S. (2015). *Problems of Linguistics, Language Theory and Applied Linguistics*. Vol. 2. Novosibirsk: TsRNS Publ. (In Russian)
- Belous, N. A., Anan'eva, A. A. (2020). Signs of conflict interaction in cyberbullying among adolescents. *Molodoi uchenyi*, 26 (316), 233–239. (In Russian)
- Belova, E. V. (2015). A model of the conflict linguistic personality in everyday conflict discourse. *Politematicheskii setevoi elektronnyi nauchnyi zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*, 114, 1368–1382. (In Russian)
- Belozeroва, A. V. (2020). Explicit conflict as one of the manifestations of non-cooperative communication. In E. A. Vansiatskaia (Ed.), *Chelovek v sovremennom kommunikatsionnom prostranstve* (pp. 71–78). Ivanovo: LISTOS Publ. (In Russian)
- Cui, Y. (2020). An analysis of the linguistic features of conflict talks in polylogues of English majors. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research: International Conference on Arts, Humanity and Economics, Management (ICAHM 2019)*, 425, 162–166.
- Duskaeva, L. R. (2020). Speech etiquette in online communities: mediallynguistics analysis. *Russian Journal of Linguistics*, 24 (1), 56–79.
- Golev, N. D., Kim, L. G. (2023). Dictum-modus pluralism in virtual dialogic discourse (based on Internet comments). *Media Linguistics*, 10 (1), 4–26. (In Russian)
- Golev, N. D., Obeliunas, N. V. (2014). Linguoconflictology. In A. P. Skovorodnikov (Ed.), *Effektivnoe obshchenie (bazovye kompetentsii)* (pp. 279–280). Krasnoyarsk: Sibirskii federal. un-t Publ. (In Russian)
- Infante, D. A. (1989). Response to high argumentativeness: Message and sex differences. *Southern Communication Journal*, 54 (2), 159–170.
- Ivanova, I. (2023). Vector variability of readers' reactions in comments to news articles in online media. *Media Linguistics*, 10 (1), 27–46. (In Russian)
- Karamova, A. A., Karamov, T. D. (2021). Linguistic examination of verbal acts of insult (for different categories of cases). In *Aktual'nye voprosy i vektory razvitiia sovremennoi filologii* (pp. 4–41). Petrozavodsk: Novaia Nauka Publ. (In Russian)
- Kara-Murza, E. S. (2020). Linguoconflictology and Conflicts in Russian Media (Analysis of Double Case). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, 19 (1), 18–27. (In Russian)
- Kulakov, A. E. (2011). Interjection Invectives and General Problems of Invectology. *Izvestiia Saratovskogo universiteta*, 2 (11), 32–34. (In Russian)

- Kur'ianovich, A. V. (2018). Experience of linguistic and legal personality characteristics of conflict language personality (on the example of analysis of communicative behavior of troll in the network correspondence). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2 (191), 127–142. (In Russian)
- Kushneruk, S. P. (2020). Bad word: insult, slander, humiliation of honor. *Iurilingvistika*, 16 (27), 23–27. (In Russian)
- Kuznetsov, S. A. (Ed.). (1998). *The large explanatory dictionary of the Russian language*. St. Petersburg: Norint Publ. (In Russian)
- Makarenko, G. S. (2018). *Conflict text as the object of linguistic research: structural-semantic and pragmatic aspects*. PhD thesis. Ufa. (In Russian)
- Maslov, A. S. (2014). *Zoometaphores-invectives in modern Russian: experimental research*. PhD thesis. Belgorod. (In Russian)
- Murav'eva, N. V. (2002). *Language of Conflict*. Moscow: MEI Publ. (In Russian)
- Priemysheva, M. N. (Ed.). (2021). *Dictionary of the Russian language of the coronavirus era*. St. Petersburg: Institut lingvisticeskikh issledovaniï RAN Publ. (In Russian)
- Saveleva, I. V. (2019). Internet Commentary as a Secondary Text: Semiotic Production Model. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 21 (3), 839–849. (In Russian)
- Schrodt, P., Wheelless, L. (2001). Aggressive communication and informational reception apprehension: The influence of listening anxiety and intellectual inflexibility on trait argumentativeness and verbal aggressiveness. *Communication Quarterly*, 49 (1), 53–69.
- Serov, V. (Ed.). (2003). *Encyclopedic Dictionary of winged words and expressions*. Moscow: Lokid-Press Publ. (In Russian)
- Sharifullin, B. Ia. (2016). The invective genres of the male and female communication. *Chelovek i iazyk v kommunikativnom prostranstve: sb. nauch. st.*, 7 (7), 50–62. (In Russian)
- Shcherbinina, Iu. V. (2013). *Speech Aggression: The Territory of Enmity*. Moscow: Forum Publ. (In Russian)
- Sidorov, V. A. (Ed.). (2019). *Communicative aggressions of the 21st century*. St. Petersburg: Aleteia Publ. (In Russian)
- Towns, A. J., Adams, P. J. (2018). Discursive psychology and domestic violence. In S. Gibson (Ed.), *Discourse, Peace, and Conflict: Discursive Psychology Perspectives* (pp. 49–66). Cham: Springer Nature Switzerland AG.
- Tret'iakova, V. S. (2003). *Speech Conflict and Harmonization of Communication*. PhD thesis. Moscow. (In Russian)
- Trofimova, G. N., Barabash, V. V. (2020). *Linguistic aftertaste of the Internet era in Russia: The boomerang effect (current processes in Russian-language digital media communication)*. Moscow: RUDN Publ. (In Russian)
- Voronova, T. A. (2014). About some features of modern Russian forms of address. *Nauchnyi vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*, 14 (14), 37–41. (In Russian)
- Vorontsova, T. A. (2017). Communicative conflict in Internet discourse. In A. V. Dolzhikova, V. V. Barabash (Ed.), *Russkii iazyk v Internete: lichnost', obshchestvo, kommunikatsiia, kul'tura: sb. st. I Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (8–9 fevralia 2017 g., RUDN, Moskva, Rossiia)* (pp. 168–173). Moscow: RUDN Publ. (In Russian)
- Zhel'vis, V. I. (2000). The word and the action: the legal aspect of dirty language. *Iurilingvistika-2: russkii iazyk v ego estestvennom i iuridicheskom bytii*, 2, 195–206. (In Russian)

Received: December 20, 2023

Accepted: May 21, 2023

Author's information:

Olga Yu. Gukosyants — PhD, Associate Professor; gukosjants@mail.ru

Специфика лингвистической параметризации деструктивного массмедийного текста с обесцениванием исторической памяти*

И. С. Карабулатова^{1,2,3}, Г. А. Копнина⁴

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

² Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана, Российская Федерация, 105005, Москва, 2-я Бауманская ул., 5

³ Хэйлунцзянский университет, Китайская Народная Республика, 150080, провинция Хэйлунцзян, Харбин, район Наньган, ул. Сюэфу, 74

⁴ Сибирский федеральный университет, Российская Федерация, 660041, Красноярск, пр. Свободный, 82

Для цитирования: Карабулатова И. С., Копнина Г. А. (2023). Специфика лингвистической параметризации деструктивного массмедийного текста с обесцениванием исторической памяти. *Медиалингвистика*, 10 (3), 319–335. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.303>

Ставятся научные проблемы: определения деструктивности в аспекте соотношения со смежными понятиями (манипулятивности, противоправности, токсичности и др.); выделения и систематизации критериев деструктивного текста. Решение названных проблем признается чрезвычайно важным в условиях усиления угроз национальной безопасности общества и государства. Рассматривается также понятийный аппарат и методика лингвистического исследования деструктивного текста. Деструктема трактуется как ключевая смысловая единица текста, которая определяется на основе заложенной в нем интенции разрушения и соответствующей ей цели воздействия, находящихся выражение в языковой ткани текста. Лингвистическая параметризация деструктивного текста определяется авторами статьи как выявление вербальных и невербальных (в случае его креолизованности) показателей деструктивного смысла и их описание (первый этап), а также лингвистическая обработка для последующего автоматического распознавания (второй этап). В статье анализируется первый этап лингвистической параметризации и предлагается краткое описание ресурсов деструктивности, используемых в массмедийных текстах, в которых прослеживается стратегия обесценивания достижений страны и связанных с ними исторически значимых личностей. Авторы статьи приходят к выводу, что деструктема этого типа, будучи направленной на трансформацию картины мира реципиентов и разрушение объективного восприятия реальности, представляет угрозу национальной безопасности государства, способствуя в определенном контексте вовлечению граждан в социально опасные или потенциально опасные группы и сообщества. Методика лингвистической параметризации деструктивного текста востребована современной прикладной лингвисти-

---

* Работа поддержана в рамках программы «Приоритет-2030» по проекту «Разработка технологии и архитектуры новых программных средств мониторинга и прогнозирования общественных угроз на основе методов «мягкой силы» (МГТУ им. Н. Э. Баумана).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

кой и в перспективе должна быть конкретизирована применительно к разнородным деструктивным текстам, соотносимым с типами деструктем.

Ключевые слова: деструктивный текст, деструктема, лингвистическая параметризация, историческая память, девиация.

Постановка проблемы

Современная эпоха постправды заставляет нас вернуться к пониманию важности культуры работы с текстом, особенно в аспекте фильтрации, переработки и усвоения заложенной в нем информации, полученной порой в результате вторичной и третичной интерпретации; к осмыслению тех механизмов, которые не просто характеризуют творческое отношение к речевому произведению, но и могут служить целям преднамеренного искажения фактологических данных, исторической памяти, разрушения ценностных установок личности. Особенно важно это сейчас в связи с многочисленными попытками переоценки прошлого, в том числе в аспекте постинтерпретации Второй мировой войны, о чем пишут не только отечественные [Шестакова 2015], но и зарубежные ученые [Gläßel, Paula 2020]. Неконтролируемый рост деструктивного контента в сети Интернет [Давидюк, Гостюнина, Байдулова 2019: 29] представляет угрозу национальной безопасности общества и государства. В этих условиях нахождение деструктивных смыслов в разных типах дискурса, прежде всего массмедийном, становится не только целью семантического анализа текста, но и способом обеспечения психической сохранности человека и информационно-психологической безопасности общества [Карабулатова, Копнина 2022: 365]. Актуальность исследования обусловлена и рядом других факторов, основными из которых являются следующие:

- возрастающее влияние массмедиа на политическую жизнь (например, доказано, что «вне массмедиа крайне ограниченное число граждан принимают участие в различных политических акциях» [Иванов 2013: 147]) и их «деструктивные возможности», связанные с идеологическим внушением и манипуляцией [Иванов 2013: 142];
- недостаточная осмысленность терминов «деструктивный дискурс» и «деструктивный текст», семантически связанных с агрессивностью, манипулятивностью и другими признаками общественно осуждаемых речевых явлений;
- отсутствие общепринятой классификации текстов деструктивной направленности;
- необходимость разработки новых и совершенствования имеющихся способов защиты общества от деструктивного контента: составление реестра запрещенных источников; создание алгоритмов поиска и категоризации деструктивного контента (в частности, имеется опыт создания такого алгоритма на материале текстов с ненормативной лексикой [Давидюк, Гостюнина, Байдулова 2019: 29], комментариев в социальных сетях [Моржов 2020; Перевалов, Курушин 2020; Долгушин, Исмакова, Бидуля и др. 2021]); вызывающие бурные дискуссии блокирование отдельных сайтов и формирование «закрытого» интернет-пространства в стране (например, опыт проекта «Зеленый щит» в Китае).

Специалисты из разных областей научного знания все чаще говорят о необходимости разработки новых программ и методик отслеживания деструктивного контента в современных массмедиа [Zhang, Karabulatova, Nurmukhametov et al. 2023;

Остапенко, Калашников, Остапенко и др. 2015], что предполагает решение научной проблемы выделения и систематизации критериев деструктивности текста.

История вопроса

Проблема выделения и систематизации критериев деструктивности текста по-разному решается в современной науке. Так, в некоторых нелингвистических исследованиях понятие деструктивности оказывается близким и даже синонимичным понятию манипулятивности, что говорит о проблеме их соотношения. Например: «Деструктивная информация оказывает воздействие на психику субъекта для принятия им решений или совершения действий вопреки его действительному желанию» [Гостюнина 2021: 12]. Но определяется эта информация на основе так называемого «деструктивного индикатора» (индикатора деструктивной направленности) — критерия наличия в текстовой информации деструктивной семантики. Перечень этих критериев, составленный путем анализа нормативных правовых актов РФ, включает 21 индикатор:

- пропаганда или оправдание войны и иных международных преступлений;
- пропаганда или оправдание терроризма;
- пропаганда или оправдание антиобщественных действий, преступлений и правонарушений; разжигание расовой, национальной, религиозной ненависти и вражды;
- пропаганда или оправдание экстремистской деятельности;
- осквернение исторической памяти, символов воинской славы или государственных символов;
- оскорбление религиозных чувств верующих;
- отрицание или дискредитация традиционных ценностей;
- пропаганда деструктивных ценностей и установок;
- пропаганда или оправдание насилия и жестокости;
- пропаганда или оправдание девиантного поведения;
- пропаганда или оправдание действий, опасных для жизни и здоровья человека;
- пропаганда способов и средств совершения преступлений, иных правонарушений или антиобщественных действий, а также действий, опасных для жизни и здоровья человека;
- сексуально откровенный контент и иная непристойная информация;
- нецензурная лексика;
- контент устрашающего характера, включая изображение или описание насилия, жестокости, катастроф или несчастных случаев;
- заведомо ложная информация;
- дискредитирующая информация;
- скрытая информация, воздействующая на подсознание человека;
- реклама товаров и услуг, которые могут причинить вред жизни и здоровью человека;
- оскорбление представителей государства [Гостюнина 2021: 19–20].

Таким образом, исследователи считают деструктивной информацию, которая юридически является «запрещенной» (149-ФЗ, 436-ФЗ, 2124-1-ФЗ), «опасной» (УК РФ, Международная Конвенция о киберпреступлениях), «вредоносной» (КоАП РФ, Закон 18 США «Защита детей в Интернете», CIPA), «противоправной» (Декларация

ЕС «Декларация принципов саморегулирования в целях безопасности в Интернете»), «информацией деструктивной направленности» (114-ФЗ, 120-ФЗ), «с деструктивным информационным воздействием» (Указ Президента РФ № 683), то есть такой, распространение которой уголовно и административно наказуемо [Гостюнина 2021: 16–18]. Другими словами, в основе выделения критериев деструктивности текста лежит характер его семантики в соотнесенности с правовыми нормативными актами РФ.

В лингвистике деструктивное общение противопоставляется общению конструктивному и включает широкий круг текстов агрессивной направленности. Применительно к аргументативному дискурсу Н. В. Мельничук определяет деструктивное общение как тип эмоционально окрашенного общения, цель которого — «возвышение говорящего за счет унижения оппонента» [Мельничук 2019: 30]. Более развернутое определение понятия деструктивного общения предлагает Я. А. Волкова: «Деструктивное общение представляет собой тип эмоционального общения, направленного на сознательное и преднамеренное причинение собеседнику морального и/или физического вреда и характеризуемого чувством удовлетворения от страданий жертвы и/или сознанием собственной правоты. Стремление личности возвыситься за счет унижения / морального уничтожения собеседника составляет интенциональную базу деструктивного общения, что предопределяет основные пути его реализации» [Волкова 2014: 11]. Идентифицируется этот тип общения прежде всего по деструктивной интенции и способам выражения деструктивных эмоций (эмоций враждебности/агрессии), в том числе средствами вербальной агрессии [Волкова 2014: 11–13]. Однако деструктивный текст вовсе не обязательно является эмоционально окрашенным, он может быть эмоционально нейтральным (например, содержащим ложную информацию, не облеченную в эмоциональную оболочку).

Замечено, что в современных реалиях деструкция тесно связана с агрессивным речевым поведением [Самусевич 2017: 43], которое «стремится охватить все большее число адресатов и таким образом реализовать свой воздействующий потенциал» [Левицкий, Дединкин 2021: 53].

Иное (более узкое) понимание деструктивности наблюдается в исследованиях по лингвистической конфликтологии и юрлингвистике, которые под деструкцией определяют речевые практики «противоправной вербальной активности», то есть такой, которая нарушает правовые нормы, «прежде всего в части посягательств на личностные права и свободы (оскорбление, угроза, клевета и др.), а также общественный порядок (экстремистские призывы)» [Левицкий, Дединкин 2021: 50]. Исследователи отмечают, что деструктивный дискурс реализуется делинквентной языковой личностью с помощью конфликтогенного текста, который «является средством совершения противозаконного деяния и объектом правового контроля» [Левицкий, Дединкин 2021: 50].

В качестве материала изучения деструктивного дискурса используют специальные исследования (лингвистические заключения и экспертизы), выполненные по запросам суда и органов, ведущих процессуально-следственные действия. Основным методом исследования деструктивного текста выступает его лингвистическая параметризация, или метод параметрического моделирования, поскольку этот метод, будучи апробированным при проведении судебной лингвистической экспертизы [Катышев, Осадчий 2018: 24], «позволяет построить ясную процедуру экспертной оценки продуктов речевой деятельности с однозначными результатами

на выходе» [Осадчий 2012а]. Уже разработаны параметрические модели речевых актов призыва [Катышев, Осадчий 2018], угрозы [Осадчий 2012б]. Составление параметрических моделей деструктивных текстов позволит в дальнейшем решить задачу поиска и идентификации деструктивной информации в разножанровых текстах автоматизированным путем [Karabulatova 2020].

В аспекте лингвистической экспертиологии понятия деструктивного, конфликтного и противоправного текстов оказываются тождественными. Нельзя не признать, что есть тексты, которые, несмотря на их деструктивное психологическое воздействие на личность, социальные группы или даже общество в целом, законодательно в настоящее время не запрещены. Это и романтизация преступности, и пропаганда отказа от рождения детей, и разного рода шок-контент, и многое другое. По мнению И. С. Ашманова, такой контент в Интернете может использоваться для радикализации любых идей, а также для того, чтобы активно подталкивать аудиторию к потреблению запрещенного контента¹. Другими словами, противоправный характер текста — весомый, но не единственный критерий для идентификации этого текста как деструктивного.

Появилось наименование для деструктивного незапрещенного контента — «токсичный контент». Оно используется, например, во фразе из массмедиа: *меморандум по противодействию токсичному и запрещенному контенту*². Термины «токсичный» и «запрещенный контент» выступают в качестве синонимов деструктивного контента. В последнее время предпринимаются попытки разграничения понятий токсичности и деструктивности с определением классификационных признаков в тексте. Так, в одной из публикаций, правда нелингвистической, читаем: «...Разрушительное действие — это системообразующий признак токсичности... выделение только одного признака не позволяет выделить его из типологического ряда деструктивного поведения. Говоря о токсичности, индивид указывает на долгосрочность данного деструктивного влияния, в отличие от разово проявленной агрессии...» [Дмитриева 2021: 62], «признаками токсичных отношений являются темпоральность (продолжительное негативное воздействие) и сокращение коммуникативной дистанции за счет вторжения в систему ценностных координат» [Дмитриева 2021: 65]. Продолжительность воздействия на систему ценностных координат, как мы понимаем, означает, что это воздействие имеет характер информационно-психологической операции, то есть является частью информационно-психологического противоборства (а возможно, и войны), направленного на подавление и подчинение того, кого считают противником.

Описание методики исследования

Девиантное поведение может выступать как ответная реакция на продвижение деструкции, реализуемой в медиадискурсе. Ключевым понятием в методике исследования деструктивного текста является **деструктема**. Впервые это понятие было выделено применительно к художественному тексту как некая аномалия, заложенная автором в тексте [Сорокин 2003]. По мнению Ю. А. Сорокина, деструкте-

¹ Токсичный контент внесут в реестр (2022). *Коммерсантъ*. Электронный ресурс <https://www.kommersant.ru/doc/5193076>.

² Ашманов предложил создать реестр токсичного контента (2021). *Хабр*. Электронный ресурс <https://habr.com/ru/news/t/590589/>.

ма открывает новые смыслы в понятиях, характеризующихся устойчивостью и составляющих ядро фоновых знаний в этносоциокультурной картине мира [Сорокин 2003]. Мы полагаем, что деструктема содержит в себе отрицательные эмосемы разрушения, связанные с агрессией, наказанием, гневом, возмездием и подобными негативными эмоционально-чувственными проявлениями, вовлекая реципиента в конфликт — драматический конфликтный треугольник Карпмана «жертва — преследователь — избавитель» [Демидова, Сойко 2017]. Исходя из этого, деструктема в массмедийном дискурсе — это средство формирования деликвентного или девиантного поведения у реципиента, который так или иначе вовлекается в конфликт с последующим неизбежным возмездием. В связи с этим можно предположить, что деструктема содержит эмотивное со-значение (в терминологии Л. Г. Бабенко [Бабенко 2020]. — *И. К., Г. К.*) наказания/возмездия, явного или скрытого.

Под деструктемой мы понимаем ключевую смысловую единицу деструктивного текста, которая определяется на основе заложенной в нем интенции разрушения и соответствующей ей цели воздействия, находящих выражение в языковой ткани этого текста. Сама ключевая смысловая единица деструктивного текста может быть выражена как словом, так и словосочетанием, предложением, фрагментом текста. Иными словами, деструктема обладает иерархической структурой, прослеживающейся на всех языковых уровнях. В качестве примера приведем следующий фрагмент текста³: *Сам русский национальный характер является собранием отрицательных черт: лень, пьянство, холопство, отсутствие своего мнения (иначе — соборность), презрение к человеческой жизни, как своей, так и чужой, угрюмость и завистливость. Я хотел бы, чтобы русский род иссяк, пресекся. Это вредный полип на теле человечества, ничего не принеший ему кроме страданий. Для себя я решил не иметь детей, чтобы не плодить русских. Одновременно я учусь на гинеколога — буду делать аборт русским женщинам бесплатно, ради идеи, так, чтобы зачатие после моего аборта было уже невозможно. Участвую в международных программах по планированию семьи, веду пропаганду бездетности среди русской молодежи. Одним словом, делаю все что могу, чтобы русских стало как можно меньше, и чтобы они постепенно исчезли совсем⁴.*

В качестве деструктемы в этом персуазивном тексте используется идея о необходимости уничтожения людей по национальному признаку как носителей отрицательных черт (зла). Она обосновывается с помощью мифологем (приписывания русскому народу лени, пьянства и других пороков, в том числе на основе искажения понятия соборности), морбиальной метафоры в функции ярлыка (*полип на теле человечества*) и выражается с помощью синтаксических конструкций, включающих лексемы или сочетания слов с семантикой разрушения: *чтобы русский род иссяк, пресекся; не плодить русских; буду делать аборт русским; пропаганду бездетности среди русской молодежи; чтобы русских стало как можно меньше; чтобы они постепенно исчезли совсем.*

Следующее понятие, которое может использоваться в анализе деструктивного текста, — «ресурсы деструкции». Это понятие, разработанное Франкфуртской школой (об этом см.: [Вершинин, Борисова 2009]. — *И. К., Г. К.*), обозначает все многообразие вербальных и паравербальных стратегий и средств, которые исполь-

³ Цитаты приводятся без изменения.

⁴ Мне очень стыдно, что я русский (2013). *Пикабу*. Электронный ресурс https://pikabu.ru/story/mne_ochen_styidno_chno_ya_russkiy_643371.

зуются с целью манипулирования реципиентом деструктивного массмедийного дискурса и анализ которых позволяет охарактеризовать деструктему. Так, в приведенном выше примере в качестве языковых ресурсов деструкции используются как лексические, так и синтаксические единицы с семантикой разрушения, уничтожения. Для обеспечения автоматического распознавания деструкции важным является систематизация словесных знаков, указывающих как на содержательный параметр деструктивного текста, так и на его тональность.

В психологическом аспекте воспринимаемая человеком информация, в том числе текстовая, рассматривается как фактор, влияющий на появление психофизиологической напряженности, которая является и причиной, и катализатором как индивидуальных, так и социальных кризисов и катаклизмов [Рыжов 2013: 7]. Поэтому можно сказать, что деструктема в обществе играет роль так называемой «точки информационной напряженности»⁵, которая может изучаться на разных уровнях: биолого-физическом, психологическом, этнокультурном, политико-социальном, лингвистическом и др. Каждый из этих уровней определяется своей системой параметризации в рамках соответствующих научных дисциплин, а комплексная методика анализа деструктивного дискурса предполагает многоуровневую социогуманитарную экспертизу. Мы ограничиваемся лишь лингвистической параметризацией деструктивного текста, под которой понимаем выделение в тексте вербальных и невербальных (в случае его креолизованности) показателей деструктивного смысла, их описание и лингвистическую обработку для последующего автоматического распознавания. Но далее остановимся только на задаче выделения и описания этих показателей в зависимости от типа деструктемы.

Методика лингвистического анализа деструктивного текста предполагает следующие действия.

1. Обнаружение его целевой аудитории исходя из тональности высказываний, эмотивной тональности подаваемого образа и используемых языковых/речевых средств. Это могут быть профессиональные/экспертные сообщества, молодежь и студенчество, социально слабо защищенная аудитория, семейные и родители, владельцы автомобилей, мужская/женская аудитория и т.д. или в целом общая аудитория без ее дифференциации. Как показывает анализ собранного материала, тексты, пропагандирующие деструктивное поведение, направлены как на широкую, так и специализированную аудиторию, они сконцентрированы на темах: воровство, мелкое хулиганство, разрушение имущества, поджоги, кражи, грабежи, вандализм, физическое насилие, побеги из дома, бродяжничество, школьные прогулы, агрессивное поведение, злословие, вымогательство (попрошайничество), бродяжничество, отказ от обучения, торговля наркотиками, субкультуральные девиации (сленг, шрамирование, татуировки) и др. Для каждой целевой аудитории адресант использует свой репертуар деструктивов, актуализирующих и продвигающих деликвентное поведение. Так, в текстах, направленных на детскую педофилию, встречается использование аббревиатур *ПД*, *ПэДэ*, *ПЭДЭ* и особая лексика, например *фейхоа* (несовершеннолетняя девочка, на которую направлено внимание педофила); в текстах, пропагандирующих нетрадиционную сексуальную ориента-

⁵ Разъяснения Роскомнадзора. Цит. по: Кодачигов, В. График робота: фейки в Сети по запросу властей найдет алгоритм (2022). *Известия*. 26.07.2022. Электронный ресурс <https://iz.ru/1370015/valerii-kodachigov/grafik-robota-feiki-v-seti-po-zaprosu-vlastei-naidet-algoritm>.

цию, — такие слова, как *бойловер/бойлавер/бойлавер* (подросток, молодой юноша, находящийся на содержании у более взрослого партнера по гомосексуальным отношениям и выполняющий в них пассивную роль), *буч* (женщина, выполняющая мужскую роль в лесбийских отношениях), *баклажан* (гомосексуалист), *уни* и *универсал* (тот, кто выполняет разные роли в гомосексуальных отношениях) и др. Акцентуация на данной целевой аудитории выражается в использовании характерной лексики в сопряжении с именами исторических деятелей страны. Например: «В СССР секса нет»: *Сталин — педофил, Ежов — педераст, Берия — насильник?*⁶

2. Атрибуция вектора информационной напряженности.

Деструкция связана с вектором информационной напряженности, указывающим на социальные угрозы по предметным областям. Например, деструкции в области истории подразумевают переинтерпретацию отечественной истории в негативном контексте, создание напряженности между различными поколениями с помощью информационных атак на систему ценностей и знаний предыдущего поколения, создание фейков в освещении событий прошлого России и ее народов с целью обесценивания и формирования деструктивных настроений в обществе с актуализацией чувства вины. Например: *Миф о «России, подстреленной на взлете»*⁷.

Деструкции в области политики — публикации частично или заведомо ложной информации об общественных деятелях с целью активизации подрыва доверия к государственным институтам, например на основе методов С. Алинского и Дж. Шарпа («Правила для радикалов», «Методы ненасильственного сопротивления») и актуализации протестных настроений в обществе. Например: *Чкалов — «советский летчик № 1» — один из мифов сталинской эпохи, устойчиво сохраняющийся, увь, и по сей день*⁸.

Деструкции в сфере науки — публикации обесценивающего характера о работе российских ученых, формирование негативного образа российского ученого как не востребовавшегося в мировой науке либо недооцененного в российской науке; усиление токсичного контента в сфере обсуждения научных публикаций как никому не нужной деятельности, незначимой для российского общества (*ученый — чудик, чудак, неадекват, клоун*) и т. д. Например: *Савельев, Петрик, Жданов, Носовский, Фоменко, Чудинов... Все эти фамилии у общественности на слуху. Чуть менее известны и другие их «коллеги». Разнообразные фрики, лжеученые, шарлатаны и просто эпичные клоуны, которые добились популярности весьма, скажем так, нечестным путем*⁹.

3. Выявление элементов семантической структуры текста деструктивной направленности. Этот параметр важен для определения информационной мишени, в связи с чем выделяются такие категории, как объект, цель и процесс деструкции [Злоказов 2015]. Определяемая на основе интенционального анализа текста цель позволяет выявить деструктему и описать ее модель, в которую включен объект

⁶ «В СССР секса нет»: Сталин — педофил, Ежов — педераст, Берия — насильник? Эротика в советском кино. (2021). *CrisM.LiveJournal*. Электронный ресурс <https://www.liveinternet.ru/community/7286814/post479815803/>.

⁷ Миф о «России, подстреленной на взлете». (2017). *Ящик Пандоры*. Электронный ресурс <https://pandoraopen.ru/2017-05-04/mif-o-rossii-podstrelennoj-na-vzlyote/>.

⁸ Миф о Чкалове (2015). *Мифы и загадки нашей истории*. Электронный ресурс https://kartaslov.ru/книги/Владимир_Малышев_Мифы_и_загадки_нашей_истории/3.

⁹ Фрики и лжеученые советской эпохи (2020). *Там, где кончается время*. Электронный ресурс <https://dzen.ru/a/XrXc79TbqA5vJKqa>.

деструкции («явление социального мира», подлежащее разрушению [Злоказов 2015]), внедряемый образ, способ его оценки / способ действия по отношению к объекту. Таким образом, деструктема — ядро семантической структуры деструктивного текста.

4. Выявление и описание ресурсов, используемых для воплощения деструктемы. Особое внимание при этом уделяется коммуникативно-семиотическим средствам вовлечения адресата в группы (социальные структуры), характеризующиеся делинквентным поведением.

Анализ материала

Для лингвистического анализа нами были отобраны материалы из открытых интернет-источников, полученные методом случайной выборки и реализующие деструктему определенного типа: обесценивание достижений страны и связанных с ними исторически значимых личностей. Деструктема коррелирует с обесцениванием как деструктивной стратегией речевого воздействия, направленной на понижение чьих-либо личностных качеств и достоинств, умаление значимости достижений страны и ее ценностей путем постановки под сомнение, отрицания или их негативно оценочной характеристики, что способствует депрессивным и деструктивным настроениям в обществе и его поляризации.

Экспертной семантической разметке подвергся 1421 уникальный документ. В результате было получено 5443 пометки (из которых 1165 содержали по крайней мере один фрагмент деструктивной манипуляции).

Обесценивание, которое осуществляется по историческому вектору, поляризует общество по линии идеологии, лишая его объединяющих позитивных символов, негативно воздействуя на историческую память [Кознова 2003; Воскресенская 2022]. Массмедийные тексты, содержащие обозначенную деструктему, направлены на общую рассредоточенную гетерогенную целевую аудиторию, интересующуюся историей страны.

Для обесценивания характерен следующий набор признаков.

1. Объект обесценивания — информационная мишень: достижения страны (военные, технические, культурные и др.); ее представители, являющиеся выдающимися историческими личностями, их взгляды и деятельность.

2. Внедряемый образ в информационную мишень: объект обесценивания подается как обладатель негативных качеств, совершивший девиантные поступки, которые нанесли вред народу.

3. Негативная (пейоративная) оценка объекта как способ деструктивного действия по отношению к объекту.

Материал позволяет выделить различные формы выражения признаков деструктивности. Будучи ограничены рамками статьи, назовем лишь некоторые (в качестве примера), распределяя их по уровням.

Лексический уровень.

1. Аппеллятивы с отрицательным коннотатом, которые:

а) обладают изначальной негативно оценочной семой (*оккупант, предатель, убийца, палач, мародер, садист, мясник, диктатор, колонизатор, преступник, пособник, резня, бойня* и др.);

б) приобретают дополнительную негативную оценку в контексте вследствие использования метафор (*крот* в значении «шпион» и др.);

в) представляют собой трансформированные устойчивые сочетания-прозвища (*Маршал беды* вместо *Маршал Победы*) и сочетания слов с пейоративной оценкой (*враг народа/страны/Отечества / Русской Армии, совковый сброд, плод сталинизма* и др.), например: *Смертная казнь при Петре I. Садист и кровавый психопат Петр I: стрелецкий бунт*¹⁰ — использование ярлыков *кровавый психопат* и *садист*, создающих девиантный образ исторического деятеля.

2. Оксюморон, или сочетания слов с противоположной семантикой (*святой предатель, герои-предатели, подвиги предательства* и т.п.). Например: **Святой предатель** (об Александре Невском¹¹. — И.К., Г.К.) — оценки, содержащиеся в предметно-логическом значении лексемы *предатель* («нарушивший верность чему-, кому-л.») и *святой* («духовно, нравственно непорочный»), находятся в отношении исключения друг друга.

3. Инвективы и бранная лексика как оценочные характеристики описываемой личности (*урод, козел* и др.), например: *Ведь коронованный урод Николай Романов лично ответственен за тысячи других преступлений и злодеяний*¹².

4. Слова-маркеры, которые определяют имеющиеся знания об описываемом явлении как ложные (*очковтирательство, развенчиваем мифы, миф о...* в сочетании с именем политического деятеля, *вся правда о..., инструмент идеологии Кремля/власти, подвиг... выдуман, можно было не оборонять, погибли из-за ошибок* и др.), например: *В России победа СССР над нацистской Германией является фундаментом светской государственной религии, на которой опирается вся идеология государства*¹³ — победа в Великой Отечественной войне приравнивается к мифу (выдумке).

Словообразовательный уровень.

1. Префиксы со значением отрицания, указывающие на отсутствие положительных качеств (*необразованный, безжалостный* и др.). Например: *Белов, читая принесенную ему телеграмму, почесал за ухом, покрутил усы и устало сказал: «До чего же жестокий и бездушный человек!»*¹⁴ (о маршале Жукове. — И.К., Г.К.).

2. Сложение и контаминация слов как способы образования окказионализмов негативно оценочного характера (*сталиньюгенд, лже-победа, страна-фейк* и др.). Например: *Страна-фейк. Почему Россия рухнет*¹⁵.

¹⁰ Садист и кровавый психопат Петр I: стрелецкий бунт. Как Петр Первый подавлял Стрелецкий бунт. *UmkaBaby*. Электронный ресурс <https://ymkababy.ru/cellulite/sadist-i-krovavyy-psihopat-p-tri-streleckii-bunt-kak-petr.html>.

¹¹ Святой предатель и коллаборационист Александр Невский (2011). *Rudever. LiveJournal*. Электронный ресурс <https://rudever.livejournal.com/166383.html>.

¹² Преступления кровавого царя Николая II: Массовый убийца Николай Кровавый — объявлен «Святым» (2017). *Newsland*. Электронный ресурс <https://newsland.com/post/5652610-prestuplenia-i-krovavogo-tsaria-nikolaia-ii>.

¹³ Норман Дэвис: Мифологизация войны — инструмент Кремля по управлению народом (2015). *Фальсификация ВОВ в Беларуси и России. Аналитическая газета «Секретные исследования»*. Электронный ресурс <http://forum.secret-r.net/viewtopic.php?f=1&t=6160&start=15>.

¹⁴ ВикиЧтение. *Алекс Громов. Жуков. Взлеты, падения и неизвестные страницы жизни великого маршала*. Электронный ресурс <https://military.wikireading.ru/27735>.

¹⁵ Страна-фейк. Почему Россия рухнет* (2017). *Newsland*. Электронный ресурс <https://newsland.com/post/5894967-strana-feik-pochemu-rossia-rukhnnet>.

* Автор текста Аркадий Бабченко признан иноагентом на территории РФ.

Морфологический уровень.

1. Имя существительное + имя прилагательное, где имя существительное выражено именем собственным, а имя прилагательное содержит негативную оценку. Например: *Слышали сказку о кровавом Сталине? <...> Ужасный Иосиф руководил страной в период с 1924 года по 1953*¹⁶.

2. Имена прилагательные в превосходной степени для усиления негативизации оценки, типа: *самый страшный сталинский лагерь; самый жестокий правитель России; самый бездарный полководец*. Например: *Ну, разве не очевидно, что русские — самые тупые, самые некомпетентные идиоты на планете!*¹⁷

3. Глаголы и отглагольные существительные со значением социально осуждаемого действия (*убить* — *убийство*, *уничтожить* — *уничтожение*, *напасть* — *нападение*, *провоцировать* — *провокация*, *разрушать* — *разрушение* и т. п.). Например: *Как Ленин, ненавидящий русский народ, разрушил Великую Российскую империю*¹⁸.

4. Абстрактные глаголы (как с частицей *не*, так и без нее), которые на основе вторичной интерпретации объясняют внутренний мир исторического деятеля-информационной мишени, с реализацией приема навязывания (типа: *не хотеть*, *не чувствовать*, *завоевывать внимание* и т. п.). Например: *Как Ленину удалось так легко захватить власть в 1917 году. <...> Дурново безуспешно пытался предостеречь Николая, что война способна привести к гибели монархии*¹⁹; *И почему Иосиф Сталин не верил данным разведки, которые предупреждали о скором начале войны*²⁰.

Синтаксический уровень.

1. Вопросительные по форме высказывания, содержащие имплицитно негативное утверждение о выдающемся историческом деятеле России или ее достижении, например: *Что общего между Гитлером и Сталиным?*²¹ — так называемое «исходное предположение вопроса» (термин И. М. Кобозевой [Кобозева 2003]).

2. Постановка имени выдающегося исторического деятеля в синтаксически однородный ряд с политиками, деятельность которых осуждается в российском обществе. Например: *Ленин, Сталин и Гитлер. Судьба тиранов*²².

3. Вопросительные предложения с частицей *ли*, ставящие под сомнение исторический факт, событие (существовал(и) ли... был(и) ли... и т. п.). Например: *Были ли маршал Жуков великим полководцем?*²³

¹⁶ Великий и «ужасный» Сталин (2016). *Линия Сталина*. Электронный ресурс <https://stalinline.ru/2019/12/10/великий-и-ужасныйсталин/>.

¹⁷ Либо русские — самые тупые идиоты на Земле, либо... (2020). *InFocus*. Электронный ресурс <https://infocus.press/libo-russkie-samye-tupie-idioty/>.

¹⁸ Как Ленин, ненавидящий русский народ, разрушил Великую Российскую империю (2021). *Миртесен*. Электронный ресурс <https://otari.mirtesen.ru/blog/43419139633/Kak-Lenin-nenavidyaschiy-russkiy-narod-razrushil-Velikuyu-Rossiyu>.

¹⁹ Как Ленину удалось так легко захватить власть в 1917 году. *Русская семерка*. Электронный ресурс <https://russian7.ru/post/kak-leninu-udalos-tak-legko-zakhvatit/>.

²⁰ Почему Сталин не верил данным разведки о начале войны в июне 1941-го (2020). *LiveJournal*. Электронный ресурс <https://diana-mihailova.livejournal.com/5062986.html>.

²¹ Что общего между Гитлером и Сталиным? (2019). *История России. Яндекс-Дзен*. Электронный ресурс <https://dzen.ru/a/XIumb-O6OgCv3vdC>.

²² Судьба тиранов. Ленин, Сталин и Гитлер (2015). *Newsland*. Электронный ресурс <https://newsland.com/post/3405100-sudba-tiranov>.

²³ Был ли Жуков великим полководцем? (2019). *Nagless. LiveJournal*. Электронный ресурс <https://naglecc.livejournal.com/356142.html>.

4. Конструкции условного характера, построенные по модели: *Если... (то)...* и содержащие гипотетическую информацию. Например: *Если бы Крым взяли у сильной, богатой, храброй страны, это была бы благородная и честная победа. Но он был взят у истекающей кровью, раненой, обездвиженной страны. Это называется мародерство*²⁴.

Уровень графического оформления текста. Помещение слова с позитивной коннотацией в кавычки, в результате чего слово приобретает противоположное значение и служит средством выражения дискредитирующей иронии («великолепный» полководец и т. п.). Например: «**Гениальный**» маршал Жуков²⁵.

Текстовый уровень. Контраст в высказываниях, одним из приемов которого является антитеза. Например: *Говоря о победе во Второй мировой войне, мы всегда пытаемся скинуть с пьедестала европейские страны и Америку, без которых этой победы не случилось бы. На самом деле именно Россия — та, которую мы знаем, — не имеет никакого отношения к победе, считает российский журналист Александр Невзоров*, ныне советник главы 1-го федерального российского канала Константина Эрнста*²⁶.

Объектом обесценивания выступает победа Советского Союза (России как ее преемницы) во Второй мировой войне. Россия противопоставлена другим странам (*европейским странам и Америке*), причем действия России характеризуются отрицательно путем отрицания ее отношения к объекту (используется отрицательная конструкция *не имеет никакого отношения к победе*) на фоне положительной оценки других стран (*без которой этой победы не случилось бы*). Таким образом, текст строится на антитезе, то есть противопоставлении: отрицание достижения России и приписывание его другим. Антитеза в тексте является манипулятивной логической уловкой, основанной также на использовании сочетания слов *на самом деле*, маркирующего имеющиеся знания об описываемом явлении как якобы ложные и позволяющего скрыть отсутствие доказательств полярных утверждений. Кроме того, в тексте используется маркер плюрализации, или множественности, действия (*всегда*), позволяющий ввести бездоказательный тезис о негативных действиях России по умалению вклада других стран в победу, принятие которого должно обеспечить инклюзивное *мы*.

Результаты исследования

В результате исследования сделан вывод о том, что приоритетными в плане включения в диагностическую лингвистическую модель деструкции в массмедийном дискурсе выступают такие языковые/речевые единицы, которые обеспечивают реализацию воздействия следующих дискурсивных процедур:

²⁴ Невзоров*: присоединение Крыма — мародерство (2014). *Кризис-копилка*. Электронный ресурс <https://krizis-kopilka.ru/archives/13820>.

²⁵ «Гениальный» маршал Жуков (2016). *Tistoriya. LiveJournal*. Электронный ресурс <https://tistoriya.livejournal.com/79989.html>.

²⁶ Россия не имеет отношения к Победе во Второй мировой — Невзоров* (2018). *Newsland*. Электронный ресурс <https://newsland.com/post/6553183-rossiia-ne-imeet-otnosheniia-k-pobede-vo-vtoroi-mirovoi-nevzorov>.

* Признан иноагентом на территории РФ.

— фокусировка адресанта на инклюзивной интенции (ее совпадение/несовпадение с целью высказывания, степень и характер ее выражения в соответствующих частях текста), в силу чего адресата побуждают сменить идеологическую позицию; осуществить что-либо и/или стать кем-либо из того, что запрещено (например, вступить в запрещенную организацию), при изменении своего первоначального социального статуса;

— введение в качестве аргумента модальных операторов и пропозициональных установок, отсылающих к провоцируемому событию или формируемому состоянию;

— использование коммуникативно-семиотических способов, обеспечивающих смену интересов адресата в нужную адресанту сторону.

Характеристика коммуникативно-семиотических средств вовлечения может включать описание и других дискурсивных процедур, например способов репрезентации адресантом целевой аудитории, указания на степень близости реципиента корпоративным (организационным) ценностям адресанта и некоторых других.

При этом анализ объединенных деструктивных стратегий демонстрирует следующее распределение (количество из всех 5443 манипуляций):

- негативизация — 42,00 % (2286);
- деавторизация — 15,47 % (842);
- паралогизация — 5,79 % (315).

Наиболее частотными классами деструктивной параметризации в медиатексте являются лозунги, депрессивные конструкции дизайна, эвфемизмы, ярлыки, апелляция к авторитету. Они охватывают почти 70 % всех деструктивных манипуляций.

Деструктивная манипуляция представляет собой своеобразную разновидность эгоцентричности — ту-центричность (от лат. *tu* — ты, термин Е. В. Падучевой [Падучева 2018]), которая в нашем случае характеризует обращенность речи говорящего к другому лицу, рассматриваемому в перспективе смены его социального статуса в сторону деструкции.

Выводы

Предложенная методика лингвистической параметризации деструктивного текста востребована современной прикладной лингвистикой и в перспективе должна быть конкретизирована применительно к деструктивным текстам разного типа.

Обесценивание исторической памяти в медиадискурсе не просто трансформирует концептуальную картину мира целевой аудитории, но и приводит к переживанию этнотравмы, влекущей за собой разрушение речеповеденческой матрицы человека. Мониторинг концептуального пространства «историческая память» представляет интерес в аспекте выявления новых форм деструкции в массмедиа, а также в плане создания улучшенных риск-моделей в работе с потенциально опасными текстами с применением глубинных нейросетей и машинного обучения.

Предлагаемая параметризация деструктивного медиадискурса с обесцениванием исторической памяти позволяет провести комплексную вероятностную оценку возможных рисков в отношении атакуемых информационных мишеней, которые символизируют собой базовые ценности российской действительности.

Литература

- Бабенко, Л. Г. (2020). Типы лексических множеств в структурно-семантическом, когнитивно-дискурсивном и лексикографическом освещении: динамика интерпретаций. *Научный диалог*, 9, 9–47.
- Вершинин, С. Е., Борисова, А. Г. (2009). *Концепция социальной деструкции Франкфуртской школы (историко-философский анализ)*. Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический ун-т.
- Волкова, Я. А. (2014). *Деструктивное общение в когнитивно-деструктивном аспекте*. Дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград.
- Воскресенская, М. А. (2022). Историческая информация в современной российской прессе: языки медийной репрезентации. *Медиалингвистика*, 9 (4), 288–308.
- Гостюнина, В. А. (2021). *Методы и алгоритмы классификации текстовой информации по индикаторам деструктивной направленности*. Дис. ... канд. технич. наук. Астрахань.
- Давидюк, Н. В., Гостюнина, В. А., Байдулова, Д. Р. (2019). Интеллектуальный алгоритм идентификации деструктивной информации в тексте. *Вестник Астраханского государственного технического университета*, 2, 29–39.
- Демидова, Т. А., Сойко, В. В. (2017). Использование концепции С. Карпмана для исследования созависимых отношений. *Таврический журнал психиатрии*, 1 (78), 33–37.
- Дмитриева, О. А. (2021). Токсичность как тип деструктивного поведения (на материале текстов масс-медиа). *Биология и интегративная медицина*, 6 (53), 60–64.
- Долгушин, М. Д., Исмакова, Д. К., Бидуля, Ю. В., Барская, Г. Б. (2021). Разработка web-аpи классификации токсичных текстов. В А. Г. Ивашко, И. Н. Глухих и др. (Ред.), *Математическое и информационное моделирование: материалы Всероссийской конференции молодых ученых* (с. 74–79). Тюмень: Тюменский государственный университет.
- Злоказов, К. В. (2015). Контент-анализ текстов деструктивной направленности. *Политическая лингвистика*, 1 (51), 244–251.
- Иванов, В. Ф. (2013). *Массовая коммуникация*. Киев: Академия Украинской Прессы; Центр Свободной Прессы.
- Карабулатова, И. С., Копнина, Г. А. (2022). Лингвистическая параметризация деструктивного массмедийного текста: к постановке проблемы. В Л. Р. Дускаева (Ред.), *Медиалингвистика. Вып. 9. Язык в координатах массмедиа: мат-лы VI Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 30 июня — 2 июля 2022 г.)* (с. 364–367). СПб.: Медианапир.
- Катышев, П. А., Осадчий, М. А. (2018) Метод параметрического моделирования в судебной лингвистике. *Вестник Волгоградского государственного университета*, 3 (17), 24–34.
- Кобозева И. М. (2003). Лингвопрагматический аспект анализа языка. В М. Н. Володина (Ред.), *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования*. М.: Изд-во МГУ.
- Кознова, И. Е. (2003). Историческая память и основные тенденции ее изучения. *Социология власти*, 2, 23–32.
- Левицкий, А. А., Дединкин, А. Л. (2021). Динамика современного деструктивного дискурса. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*, 5 (114), 48–55.
- Мельничук, Н. В. (2019). *Конструктивное и деструктивное речевое взаимодействие в аргументативном дискурсе (на материале парламентских дебатов в Бундестаге)*. Дис. ... канд. филол. наук. Калуга.
- Моржов, С. В. (2020). Современные методы детектирования и классификации токсичных комментариев с использованием нейронных сетей. *Моделирование и анализ информационных сетей*, 1 (27), 48–61.
- Осадчий, М. А. (2012а). Судебно-лингвистическая параметризация экстремистского призыва. *Современные исследования социальных проблем*, 11 (19). Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebno-lingvisticheskaya-parametrizatsiya-ekstremistskogo-prizyva/viewer>.
- Осадчий, М. А. (2012б). Судебно-лингвистическая параметризация вербальной угрозы. *Современные проблемы науки и образования*, 6. Электронный ресурс <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7633>.
- Остапенко, А. Г., Калашников, А. О., Остапенко, О. А., Шварцкопф, Е. А., Соколова, Е. С., Резов, А. А., Ломов, А. А. (2015). *Теория сетевых войн. Социальные сети как инструмент «цветных революций»*. Воронеж: Воронежский государственный технический университет.
- Падучева Е. В. (2018). *Эгоцентрические языковые единицы*. М.: Языки славянской культуры.
- Перевалов, А. М., Курушин, Д. С. (2020). Автоматическое выявление токсичных текстовых комментариев. В *Автоматизированные системы управления и информационные технологии: мате-*

- риалы всероссийской научно-технической конференции (с. 158–163). Пермь: Пермский национальный исследовательский политехнический университет.
- Рыжов, Б. Н. (2013). Системная психометрика напряженности. *Системная психология и социология*, 7, 5–25.
- Самусевич, О. М. (2017). Феномен речевой агрессии в белорусской прессе. *Медиалингвистика*, 2 (17), 41–51.
- Сорокин, Ю. А. (Ред.). (2003). Стилистика дискомфорта и дискомфортная стилистика. В *Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры* (с. 141–151). М.: Гнозис.
- Шестакова, Э. Г. (2015). Образы войны в публицистике донецких журналистов. *Медиалингвистика*, 4 (10), 129–140.
- Gläsel, Ch., Paula, K. (2020). Sometimes Less Is More: Censorship, NewsFalsification, and Disapproval in 1989 East Germany. *American Journal of Political Science*, 3 (64), 682–698.
- Karabulatova, I. (2020). Possibilities of artificial intelligence in assessing the impact of potentially dangerous texts in modern news discourse: problem of statement. In *International Scientific Forum “Issues of Modern Linguistics and the Study of Foreign Languages in the Era of Artificial Intelligence (dedicated to World Science Day for Peace and Development)”* (LLT Forum 2020). Электронный ресурс https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2020/16/shsconf_lltforum2020_01001.pdf.
- Zhang, L., Karabulatova, I., Nurmukhametov, A., Lagutkina, M. (2023). Association Strategies of Speech Behavior of Communicators in Coding Discourse: An Interdisciplinary Approach Towards Understanding the Role of Cognitive and Linguistic Processes in Communication. *Journal of Psycholinguistic Research*. Электронный ресурс <https://link.springer.com/article/10.1007/s10936-023-09966-z>.

Статья поступила в редакцию 3 февраля 2023 г.;
рекомендована к печати 16 мая 2023 г.

Контактная информация:

Карбулатова Ирина Советовна — д-р филол. наук, проф.; radogost2000@mail.ru
Копнина Галина Анатольевна — д-р филол. наук, доц.; okornin@mail.ru

Specificity of linguistic parameterization of destructive mass media text with devaluation of historical memory*

I. S. Karabulatova^{1,2,3}, G. A. Kopnina⁴

¹ Lomonosov Moscow State University,

1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

² Bauman Moscow State Technical University,

5, ul. 2-ya Baumanskaya, Moscow, 105005, Russian Federation

³ Heilongjiang University,

74, Xuefu Road, Nangang District, Harbin, Heilongjiang Province, 150080, China

⁴ Siberian Federal University,

82, pr. Svobodnyi, Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation

For citation: Karabulatova I. S., Kopnina G. A. (2023). Specificity of linguistic parameterization of destructive mass media text with devaluation of historical memory. *Media Linguistics*, 10 (3), 319–335. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.303> (In Russian)

Scientific problems are posed: definitions of destructiveness in the aspect of correlation with related concepts (manipulativeness, illegality, toxicity, etc.); selection and systematization of criteria for destructive text. The solution of these problems is recognized as extremely important in the context of increasing threats to the national security of society and the state. The

---

* The work was supported within the framework of the Priority 2030 program under the project “Development of technology and architecture of new software tools for monitoring and forecasting public threats based on soft Power methods” (Bauman Moscow State Technical University).

conceptual apparatus and methodology of linguistic research of a destructive text are also considered. The destructeme is interpreted as a key semantic unit of the text, which is determined based on the intention of destruction inherent in it and the corresponding purpose of influence, which find expression in its linguistic fabric. Linguistic parameterization of the destructive is defined by the authors of the article as the identification of verbal and nonverbal (in the case of its creolization) indicators of destructive meaning and their description (the first stage), as well as linguistic processing for subsequent automatic recognition (the second stage). The article examines the first stage of linguistic parameterization and offers a brief description of the destructive resources used in mass media texts, which trace the strategy of devaluing the achievements of the country and the historically significant personalities associated with them. The authors of the article come to the conclusion that this type of destructeme, being aimed at transforming the recipients' worldview and destroying the objective perception of reality, poses a threat to the national security of the state, contributing in a certain context to the involvement of citizens in socially dangerous or potentially dangerous groups and communities. The method of linguistic parameterization of destructive text is in demand by modern applied linguistics and in the future should be specified in relation to the types of destructive texts correlated with the types of destructeme.

Keywords: destructive text, destructeme, linguistic parametrization, historical memory, deviation.

References

- Babenko, L. G. (2020). Types of lexical sets in structural-semantic, cognitive-discursive and lexicographic coverage: dynamics of interpretations. *Nauchnyi dialog*, 9, 9–47. (In Russian)
- Davidiuk, N. V., Gostiunina, V. A., Baidulova, D. R. (2019). Intelligent algorithm of identifying destructive information in the text. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*, 2, 29–39. (In Russian)
- Demidova, T. A., Soiko, V. V. (2017). The use of S. Karpman's concept for the study of codependent relationships. *Tavrisheskii zhurnal psikhologii*, 1 (78), 33–37. (In Russian)
- Dmitrieva, O. A. (2021). Toxicity as a type of destructive behavior (based on mass media texts). *Biologiya i integrativnaya meditsina*, 6 (53), 60–64. (In Russian)
- Dolgushin, M. D., Ismakova, D. K., Bidulia, Iu. V., Barskaia, G. B. (2021). Development of a web-api for the classification of toxic texts. In A. G. Ivashko, I. N. Glukhikh et al. (Eds), *Matematicheskoe i informatsionnoe modelirovanie: materialy Vserossiiskoi konferentsii molodykh uchennykh* (pp. 74–79). Tiumen': Tiimenskii gosudarstvennyi universitet Publ. (In Russian)
- Gläsel, Ch., Paula, K. (2020). Sometimes Less Is More: Censorship, NewsFalsification, and Disapproval in 1989 East Germany. *American Journal of Political Science*, 3 (64), 682–698.
- Gostiunina, V. A. (2021) Methods and algorithms for classifying textual information by indicators of destructive orientation. PhD thesis. Astrakhan. (In Russian)
- Ivanov, V. F. (2013). *Mass communication*. Kiev: Akademiia Ukrainskoi Pressy; Tsentr Svobodnoi Pressy Publ. (In Russian)
- Karabulatova, I. (2020). Possibilities of artificial intelligence in assessing the impact of potentially dangerous texts in modern news discourse: problem of statement. In *International Scientific Forum "Issues of Modern Linguistics and the Study of Foreign Languages in the Era of Artificial Intelligence (dedicated to World Science Day for Peace and Development)" (LLT Forum 2020)*. Retrieved from https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2020/16/shsconf_lltforum2020_01001.pdf.
- Karabulatova, I. S., Kopnina, G. A. (2022). Linguistic parametrization of destructive mass media text: towards the formulation of the problem. In L. R. Duskaeva (Ed.), *Media Linguistics. Vyp. 9. Iazyk v koordinatakh massmedia: mat-ly VI Mezhdunar. nauch. konf. (Sankt-Peterburg, 30 iyunia — 2 iuliia 2022 g.)* (pp. 364–367). St. Petesburg: Mediapapir Publ. (In Russian)
- Katyshev, P. A., Osadchii, M. A. (2018). A method of parametric modeling in forensic linguistics. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3 (17), 24–34. (In Russian)
- Kobozeva I. M. (2003). Linguopragmatic aspect of language analysis. In M. N. Volodina (Ред.), *Iazyk SMI kak ob»ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniia*. Moscow: Lomonosov Moscow University Press. (In Russian)

- Koznova, I. E. (2003). Historical memory and the main trends of its study. *Sotsiologiya vlasti*, 2, 23–32. (In Russian)
- Levitskii, A. A., Dedinkin, A. L. (2021). The dynamics of modern destructive discourse. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 5 (114), 48–55. (In Russian)
- Meĭnichuk, N. V. (2019). *Constructive and destructive speech interaction in argumentative discourse (based on the parliamentary debates in the Bundestag)*. PhD thesis. Kaluga. (In Russian)
- Morzhov, S. V. (2020). Modern approaches to detect and classify comment toxicity using neural networks. *Modelirovanie i analiz informatsionnykh setei*, 1 (27), 48–61. (In Russian)
- Osadchii, M. A. (2012a). Parameterization of verbal call in aspect of forensic linguistics. *Sovremennye issledovaniia sotsial'nykh problem (elektronnyi nauchnyi zhurnal)*, 11 (19). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/sudebno-lingvisticheskaya-parametrizatsiya-ekstremistskogo-prizyva/viewer>. (In Russian)
- Osadchii, M. A. (2012b). Parametrizations of verbal threat in forensic linguistics aspect. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 6. Retrieved from <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7633>. (In Russian)
- Ostapenko, A. G., Kalashnikov, A. O., Ostapenko, O. A., Shvartskopf, E. A., Sokolova, E. S., Rezov, A. A., Lomov, A. A. (2015). *The theory of network wars. Social networks as a tool of “color revolutions”*. Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet Publ. (In Russian)
- Paducheva E. V. (2018). *Egocentric language units*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury Publ. (In Russian)
- Perevalov, A. M., Kurushin, D. S. (2020). Automatic detection of toxic text comments. In *Avtomatizirovannye sistemy upravleniia i informatsionnye tekhnologii: materialy vsrossiiskoi nauchno-tekhnicheskoi konferentsii* (pp. 158–163). Perm: Permskii natsional'nyi issledovatel'skii politekhnicheskii universitet Publ. (In Russian)
- Ryzhov, B. N. (2013). System psychometrics of tension. *Sistemnaia psikhologiya i sotsiologiya*, 7, 5–25. (In Russian)
- Samusevich, O. M. (2017). The phenomenon of speech aggression in the Belarusian press. *Media Linguistics*, 2 (17), 41–51. (In Russian)
- Shestakova, E. G. (2015). Images of war in the journalism of Donetsk journalists. *Media Linguistics*, 4 (10), 129–140. (In Russian)
- Sorokin, Iu. A. (Ed.). (2003). The style of discomfort and uncomfortable style. In *Perevodovedenie: status perevodchika i psikhogermenevticheskie protsedury* (pp. 141–151). Moscow: Gnozis Publ. (In Russian)
- Vershinin, S. E., Borisova, A. G. (2009). *The concept of social destruction of the Frankfurt School (historical and philosophical analysis)*. Ekaterinburg: Rossiiskii gosudarstvennyi professional'no-pedagogicheskii universitet Publ. (In Russian)
- Volkova, Ia. A. (2014). *Destructive communication in the cognitive-destructive aspect*. Doctor thesis. Volgograd. (In Russian)
- Voskresenskaia, M. A. (2022). Historical information in the modern Russian press: languages of media representation. *Media Linguistics*, 9 (4), 288–308. (In Russian)
- Zhang, L., Karabulatova, I., Nurmukhametov, A., Lagutkina, M. (2023). Association Strategies of Speech Behavior of Communicators in Coding Discourse: An Interdisciplinary Approach Towards Understanding the Role of Cognitive and Linguistic Processes in Communication. *Journal of Psycholinguistic Research*. Retrieved from <https://link.springer.com/article/10.1007/s10936-023-09966-z>.
- Zlokazov, K. V. (2015). Content analysis of texts with destructive direction. *Politicheskaia lingvistika*, 1 (51), 244–251. (In Russian)

Received: February 3, 2023

Accepted: May 16, 2023

Authors' information:

Irina S. Karabulatova — Dr. Sci. in Philology, Professor; radogost2000@mail.ru

Galina A. Kopnina — Dr. Sci. in Philology, Associate Professor; okopnin@mail.ru

Когда понимание становится оскорблением — к вопросу о семантике и роли неологизма “Putinverstehер” в политическом медиадискурсе

М. В. Петрова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Для цитирования: Петрова М. В. (2023). Когда понимание становится оскорблением — к вопросу о семантике и роли неологизма “Putinverstehер” в политическом медиадискурсе. *Медиалингвистика*, 10 (3), 336–356. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.304>

Исследование посвящено политическому неологизму «понимающий Путина». Проведен комплексный анализ языкового материала: помимо контент-анализа, работа содержит словообразовательный, стилистический и семантический виды анализа неологизма на материалах публикаций СМИ в период с конца 2013 по 2018 г. Для перепроверки и полноты данных, помимо архивных материалов изданий, использовались корпуса новостных текстов, в первую очередь «Ляйпциг Корпора Коллекшн» (Leipzig Corpora Collection) и корпуса цифрового словаря немецкого языка (Corpora im DWDS). Хронологические рамки исследования обусловлены историко-политическим контекстом и максимальной частотностью упоминаний слова и его производных в данный временной период. Отбор источников осуществлялся исходя из принципов релевантности СМИ в системе массовой прессы и количества упоминаний слова. В рамках семантического анализа были определены когнитивный и прагматический компоненты значения лексемы “Putinverstehер” и дана характеристика интерпретационному полю концепта «понимание». Исследование показало, что неологизм “Putinverstehер” встречается главным образом в художественно-публицистических и аналитических жанрах журналистики. Номинативная функция лексемы “Putinverstehер” дополнена сигнификативной, оценочной и экспрессивной функциями, что позволяет рассматривать неологизм как метафорический фрейм, концептуализирующий определенное политическое видение. Использование неологизма в медиатексте служит не только усилению экспрессивности текста, но и является инструментом формирования общественного мнения, когда комплексные общественно-политические процессы «сжимаются» до предустановленного суждения, зафиксированного в значении новообразованного слова. Неизбежным следствием широкого использования подобных неологизмов является упрощение сложных политических феноменов, создание и закрепление в отношении общественно-политических акторов определенных стереотипов (фреймов) и утверждение легитимной идеологии.

Ключевые слова: “Putinverstehер”, политическая медиаречь, политические неологизмы, политический медиадискурс, речевая агрессия.

Постановка проблемы

Средства массовой информации не только создают площадку для общественной дискуссии, но и посредством отбора и интерпретации фактов формируют и транслируют особую, не тождественную действительности, медиареальность, на

которой основывается наше представление о мире [Luhmann 1995: 7]. Массмедиа во многом определяют «угол зрения» на происходящее в политической сфере: расставляют приоритеты в политической повестке и в значительной степени влияют на образ того или иного носителя власти в глазах общественности.

Значительность СМИ как социального института и «четвертой власти», осуществляющей критику действий государственной власти и ее контроль и оказывающей определяющее влияние на формирование общественного мнения, обуславливает позиционирование журналистики как оплота «режима правды». По концепции теоретика культуры и социальных наук философа М. Фуко, «каждое общество имеет свой режим правды, свою общую политику правды, а именно типы дискурсов, которые оно принимает и заставляет функционировать как правда» [Foucault 1978: 51]. Согласно этому представлению, информирование должно отвечать критериям объективности, взвешенности, нейтральности и точности.

Однако в последние годы в западных исследованиях в области медиакоммуникации доминирует критика журналистики и констатация искажения демократии в особую форму «медиакратии». Термин «медиакратия» ввел в научный дискурс политолог Томас Майер [Meyer 2001]. Данный подход выделяет деструктивное влияние СМИ на политический процесс, медиатизацию политики: политическая коммуникация и политическое противостояние осуществляются в медийной, а не политической сфере, адаптируясь по своей форме, содержанию и структуре к логике СМИ. Как справедливо отмечает С. С. Бодрунова, происходит «сращение властных (политических) и медийных институтов в сфере интересов и коммуникации; путем сращения посредник (medium) становится аффилированным» [Бодрунова 2012: 211].

В языке СМИ Германии в настоящее время сочетаются две противоположные тенденции. Первая — это преобладание языковых средств политической корректности, что влечет за собой запрет на использование определенных слов и выражений, способных вызывать негативные ассоциации [Базылев 2007: 8]. С другой стороны, жанры аналитической журналистики и художественно-публицистические тексты характеризуются острой и выразительной манерой, которая дополняет сбалансированность и нейтральность политической корректности.

Словообразовательные возможности языка служат в текстах СМИ как средством выразительности, так и рычагом речевого воздействия на аудиторию. Это воздействие осуществляется за счет того, что в лексическое значение новообразованной лексемы как составной элемент входит прагматический компонент, который передает отношение говорящего к объекту и включает в себя общественно осознанные коннотации культурно-исторического характера или индивидуально-психологические коннотации.

Лексический состав языка — это динамическая, открытая и изменчивая система, которая реагирует на актуальную повестку дня, формируемую СМИ, включением в нее новых слов. Неологизмы можно считать маркерами актуальной языковой картины мира данного речевого сообщества. Под языковой картиной мира мы понимаем «комплекс суждений, более или менее закрепленных в языке, содержащихся в значениях слов или имплицитированных этими значениями, которые говорят о признаках и способах существования объектов внеязыкового мира» [Бартминьский 2005: 305]. Языковая картина мира включает в себя всю полноту

«общих для данного языкового коллектива знаний и представлений о внеязыковой действительности, содержащуюся в языке в виде суммы лексических значений и семантических коннотаций его смысловых единиц, материально выраженную в конкретном (медиа)тексте» [Петрова 2019: 105]. Таким образом, идеологический дискурс включается в структуру языкового восприятия мира.

В данной статье рассматривается вопрос влияния политического коммуникационного противоборства на семантику слова, а именно: проблема семантического расхождения лексических единиц языков на примере немецкого неологизма “Putinverstehер”, также “Putin-Verstehер” (дословный перевод с немецкого языка: «понимающий(ие) Путина»). Работа посвящена подробному словообразовательному, стилистическому, семантическому видам анализа данной лексемы, которая является ярким представителем современного политического «новояза», порожденного информационными войнами в СМИ.

Задача настоящего исследования — на основе анализа текстов немецких СМИ определить соотношение когнитивного и прагматического компонентов значения лексемы “Putinverstehер” и дать характеристику семантических изменений в интерпретационном поле концепта «понимание» в немецком языке.

История вопроса

Существенной областью в вопросе изучения языковой стороны политического коммуникационного противоборства выступает смысловая сторона слова: исследование аспектов лексического значения и процесса изменений значений слова. Как отмечал выдающийся русский лингвист и литературовед XX века В. В. Виноградов, формирование нового понятия или новое понимание понятия «осуществляется на базе имеющегося языкового материала», становясь «элементом смысловой структуры данного языка в целом» [Виноградов 1977: 164].

Центральными понятиями семантики являются понятия «концепт» и «сема». И концепт, и сема — это элементы смысловой структуры языка, которые, однако, служат единицами описания различных аспектов семантики — когнитивного содержания (концепт) и семантического содержания (сема).

Концепт — термин когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. В связи с междисциплинарностью категории в лингвистике образовалось несколько подходов к пониманию концепта. Представители первого подхода (Е. С. Кубрякова, И. А. Стернин, Н. А. Болдырев) интерпретируют концепт как мыслительный конструкт индивидуального сознания человека, «отражающий когнитивную связь между человеком и познаваемым им миром» [Кудинова 2008: 49]. Представители второго подхода (Н. Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, В. И. Карасик, М. М. Анжелова) рассматривают концепт как коллективное ментальное образование с этнокультурной спецификой.

Согласно М. М. Анжеловой, в лингвокультурологическом контексте концепт представляет собой единицу коллективного сознания, обладающую языковым выражением, этнокультурной спецификой и отражающую высшие духовные ценности [Анжелова 2004: 6].

Концепт обладает сложной, неоднородной структурой. Различают базовый когнитивный слой, или ядро концепта, и интерпретационное поле, то есть когни-

тивные слои, выражающие дополнительные когнитивные признаки. Интерпретационное поле концепта также называют его периферией. Интерпретационное поле отражает «интерпретацию отдельных концептуальных признаков и их сочетаний в виде утверждений, установок сознания, вытекающих в данной культуре из содержания концепта» [Титова 2010: 17].

Структура значения слова — это сложный феномен, который так же, как и концепт, можно разложить на микроэлементы. Минимальная единица значения слова обозначается в лингвистике термином «сема». Если концепт представляет собой элемент концептуальной системы, то сема — это элемент семантического содержания, выраженный в лексической форме (лексеме) или ее части, ср.: [Кудинова 2008: 49]. Семы, образующие структуру значения лексемы, неоднородны. В. Г. Гак, автор фундаментальных трудов по семантике и лексикологии, которые заложили основы современных научных представлений в области семантики, различает ядерные семы, или семы родового значения лексемы («архисемы»), дифференциальные семы видового значения и потенциальные семы, отражающие побочные характеристики обозначаемого объекта [Гак 1972]. В качестве инструментов семантического анализа в современной лингвистике широко используется анализ лексико-семантических полей и лексико-семантических групп. Данные виды анализа позволяют вычлнить когнитивный и прагматический компоненты семантики лексемы и определить ее валентность.

Изучение концептов и разбор семантической структуры слова взаимообусловлены: если ономазиология, наука об обозначении вещей и концептов, изучает номинацию и идет от вещи, явления и концептов (как ментальных конструкторов вещей или явлений в коллективном этнокультурном сознании) к обозначению их средствами языка, то семасиология, наука о семантическом значении лексических единиц языка, идет от лексической формы к значению, понятийному содержанию [Осипов 2015].

Таким образом, в качестве объекта исследования можно выделить семантическое значение лексемы “Putinverstehер” и концепт «понимание», актуализованный в некоторой совокупности текстов немецких СМИ, а в качестве предмета исследования — соотношение когнитивного и прагматического компонентов значения лексемы “Putinverstehер” и характеристики интерпретационного поля концепта «понимание».

Описание методики исследования

Методологической основой данной работы являются следующие принципы лингвистического анализа. Метод квантитативного контент-анализа позволил отследить частотность употребления лексемы и проанализировать, в текстах каких жанров и в каких тематических блоках она встречается чаще всего. Привлекались базовые принципы и методы филологического анализа особенностей языка и стиля исследуемых материалов. Через выделение семантических компонентов было установлено соотношение когнитивного и прагматического компонентов значения лексемы “Putinverstehер”. Контекстуальный анализ использовался для изучения функциональной специфики композитума “Putinverstehер”. Отдельные элементы концептуального анализа были применены при анализе языковых понятий и их

толкования в словарных статьях. Метод сопоставительного лексико-семантического анализа номинативных единиц был задействован при рассмотрении лексико-семантической группы (ЛСГ) «лица, демонстрирующие понимающее отношение»; метод анализа словарных дефиниций и метод компонентного анализа позволили дать характеристику минимальным семантическим составляющим словоформ. Дискриптивный метод использовался при описании функционирования лексики в немецкоязычных медиатекстах и при характеристике лексико-семантической группы слов.

В качестве материала исследования использовались следующие источники:

1. Материалы немецких новостных СМИ различной политической направленности и периодичности, в частности:

— архивы онлайн-версий ведущих общенациональных газет: «Шпигель» (Der Spiegel), «Шпигель онлайн» (Spiegel online)¹, «Тэгесшпигель» (Der Tagesspiegel)², «Зюддойче Цайтунг» (Süddeutsche Zeitung, SZ)³, «Тэгесцайтунг, тац» (Die Tageszeitung, taz)⁴, «Цайт» (Die Zeit), «Цайт онлайн» (Zeit online)⁵, «Вельт» (Die Welt), «Вельт онлайн» (Welt online)⁶, «Бильд» (Bild), «Бильд онлайн» (Bild online)⁷, «Юнге Вельт» (junge Welt)⁸;

— архивы ряда региональных газет: «Мэркише Альгемайне Цайтунг, МАЦ» (Märkische Allgemeine Zeitung, MAZ)⁹, «Франкфуртер Альгемайне Цайтунг» (Frankfurter Allgemeine Zeitung, FAZ)¹⁰, «Хамбургер Абендблатт» (Hamburger Abendblatt)¹¹;

— архивы немецких новостных сайтов и интернет-изданий, онлайн-журналов: «Хайзе онлайн» (Heise online)¹², «Блэттхен» (Das Blättchen)¹³, «НахДенкЗайтен» (NachDenkSeiten)¹⁴;

— корпуса новостных текстов: «Ляйпциг Корпора Коллекшн» (Leipzig Corpora Collection)¹⁵, «Джениос онлайн-прессеархив» (GENIOS Online-Pressearchiv)¹⁶, корпусы цифрового словаря немецкого языка (Korpora im DWDS)¹⁷, в том числе корпус «Ди Цайт ДВДС» (Korpus Die ZEIT des Digitalen Wörterbuchs der deutschen Sprache)¹⁸.

2. Онлайн-словари: цифровой словарь немецкого языка (DWDS)¹⁹, орфографический словарь немецкого языка «Дуден» (Duden)²⁰.

¹ Электронный ресурс <https://www.spiegel.de>.

² Электронный ресурс <https://www.tagesspiegel.de>.

³ Электронный ресурс <https://www.sueddeutsche.de>.

⁴ Электронный ресурс <https://taz.de>.

⁵ Электронный ресурс <https://www.zeit.de/>.

⁶ Электронный ресурс <https://www.welt.de>.

⁷ Электронный ресурс <https://www.bild.de>.

⁸ Электронный ресурс <https://www.jungewelt.de>.

⁹ Электронный ресурс <https://www.maz-online.de>.

¹⁰ Электронный ресурс <https://www.faz.net/aktuell/>.

¹¹ Электронный ресурс <https://www.abendblatt.de>.

¹² Электронный ресурс <https://www.heise.de>.

¹³ Электронный ресурс <https://das-blaettchen.de>.

¹⁴ Электронный ресурс <https://www.nachdenkseiten.de>.

¹⁵ Электронный ресурс https://corpora.uni-leipzig.de/en?corpusId=deu_newscrawl-public_2018/.

¹⁶ Электронный ресурс <https://www.genios.de/presse-archiv/>.

¹⁷ Электронный ресурс <https://www.dwds.de/d/korpora/>.

¹⁸ Электронный ресурс <https://www.dwds.de/d/korpora/zeit/>.

¹⁹ Электронный ресурс <https://www.dwds.de>.

²⁰ Электронный ресурс <https://www.duden.de>.

Отбор источников осуществлялся исходя из принципов релевантности СМИ в системе массовой прессы, а также количества упоминаний слова. Материалы исследования были отобраны путем выявления в медиатекстах (в заголовочных корпусах и текстах статей) лексемы “Putinverstehер”, также “Putin-Verstehер”. С помощью самостоятельного подсчета определена частотность упоминания композита в период с конца 2013 по 2018 г.

Хронологические рамки исследования — с конца 2013 по 2018 г. — обусловлены как историко-политическим контекстом, так и максимальной частотностью упоминаний слова и его производных в этот временной период, который можно обозначить как первый этап кризиса российско-европейских отношений.

Анализ материала

В начале 2000-х годов Германия как страна-лидер Европейского союза выступала за укрепление и расширение сотрудничества с Россией. Однако к 2012 г. у части германского политического истеблишмента нарастает критическое отношение как к внутренней (состояние демократических институтов в РФ), так и внешней политике Российской Федерации (позиция РФ по Сирии, действия России в ходе конфликта между Грузией и Южной Осетией). Поворотной точкой, резко обострившей отношения между Берлином и Москвой, стал украинский кризис.

События, развивающиеся на Украине с конца 2013 г. (приостановление Украиной подписания Соглашения об ассоциации между Украиной и Европейским союзом в ноябре 2013 г.; выход полуострова Крым из состава Украины; самопровозглашение народных республик на части территорий Донецкой и Луганской областей весной 2014 г.), оказываются в фокусе европейских, в том числе немецких СМИ. Тем не менее, несмотря на резкую критику позиции России в данном конфликте со стороны высшего руководства ФРГ, в германском политическом сообществе и бизнес-кругах сохраняется существенное количество сторонников сохранения связей с РФ, уклоняющихся от публичного осуждения политики РФ.

Вслед за декларируемой властью критической позицией в отношении России в немецких СМИ применительно к таким лицам начинают использоваться негативно окрашенные лексические единицы: “Putinverstehер”, также “Putin-Verstehер” и “Russlandverstehер” (дословный перевод с немецкого языка: «понимающий(ие) Россию»), служащие формированию у читателя отрицательного отношения к сторонникам продолжения диалога с РФ. В 2014 г. во многих немецких СМИ слова “Putinverstehер” и “Russlandverstehер” использовались для стигматизации публичных лиц, преимущественно политиков, которых обвиняли в избегании публичной критики в отношении России.

Самое раннее упоминание слова, найденное нами в архивах немецких СМИ, относится к 2011 г., оно появилось в аналитическом комментарии журнала «Шпигель»: *Высокомерие понимающих Путина (Die Arroganz der Putin-Verstehер)*. Авторство материала принадлежит немецкому журналисту Кристиану Нифу (Christian Neef). В данном тексте речь идет о скандале, разгоревшемся вокруг присуждения В. В. Путину, занимавшему на тот момент пост премьер-министра РФ, премии «Квадрига». Перечисляются предполагаемые лоббисты и выгодоприобретатели этого решения со стороны немецкого политического и бизнес-сообществ (Шпигель. 2011. № 30. 24 июля).

Словообразовательный разбор слова

В состав композита “Putinverstehер” входит два компонента: имя собственное “Putin” («Путин») и отглагольный аффикс “-verstehер” («понимающий»), который, с нашей точки зрения, можно рассматривать и как образованное от глагола “verstehen” («понимать») существительное “Verstehер” мужского рода («лицо, демонстрирующее понимание или сочувствие»). Это заключение позволяет сделать равно распространенная в медиатекстах лексикографическая закрепленность аналогичных, образованных по данной модели композитов, а именно их написание через дефис, второй компонент сложного слова при этом пишется с заглавной буквы: Frauen-Verstehер (понимающий(ая) женщин), KI-Verstehер (понимающий(ая) искусственный интеллект), Pferde-Verstehер (понимающий(ая) лошадей). Отметим, однако, что толковый словарь немецкого языка Duden рассматривает “-verstehер” не как полноценное существительное, а исключительно как словообразовательный суффикс [Dudenredaktion 2022]. Согласно значению, зафиксированному в толковом словаре, суффикс “-verstehер” в сочетании с существительными или именами собственными обозначает того, кто демонстрирует особое понимание, сочувствие в отношении лица или предмета.

Лексемы, образованные по описанной словообразовательной модели, относятся к одной лексико-семантической группе слов. Лексико-семантическая группа объединяет в себе слова одной части речи (в нашем случае существительные) с общим основным компонентом значения. Рассматриваемая словообразовательная модель является продуктивной, а сама ЛСГ, следовательно, потенциально открыта для вхождения в ее состав новых лексем. Опорным и постоянным словообразовательным компонентом лексем данной ЛСГ является отглагольный суффикс “-verstehер”. Второй компонент неологизма дополняет и конкретизирует его в семантическом отношении.

Грамматическое оформление модели допускает вариативность написания, но задает строгую фиксацию местоположения компонентов грамматической формы.

Исходя из вышеизложенного, интересующая нас лексема “Putinverstehер” является сложным существительным типизированной структуры, организованной по уже имеющейся в системе языка деривационной модели.

Контент-анализ

В ходе тематического изучения материалов был проведен контент-анализ отобранных для исследования медиатекстов. С помощью методов подсчета и статистического анализа 260 статей и заголовочных комплексов установлено количество упоминаний слова “Putinverstehер” и его производных, которое составило в общей сложности свыше 500 упоминаний. Для подсчета были сформированы текстовые массивы, исходя из рубрики, в которой размещался материал (из электронных архивов изданий) в период принятых хронологических рамок исследования (с конца 2013 по 2018 г.). Выявлено, что абсолютное большинство текстов, в которых встречается лексема “Putinverstehер” и ее производные, относятся к политической сфере и размещены в соответствующих разделах изданий (72% всех проанализированных текстовых массивов, при подсчете автор не делал разделения на внутреннюю

и внешнюю политику), значительно меньше — к культуре (16,8%) и экономике (8%). Оставшиеся 3,2% приходятся на телевидение (2%) и спорт (1,2%). Что касается представленных жанров, то речь идет прежде всего об аналитических жанрах (статья, комментарий, мнение, аналитическое интервью) и художественно-публицистических (фельетон, сатирический комментарий, эссе, памфлет).

Эту закономерность можно объяснить тем, что в зависимости от жанра медиатекста, общего стиля и профиля источника публикации материалы отличаются степенью эмоциональной языковой выразительности. Наименее экспрессивными являются информационные жанры журналистики. Там авторы, как правило, сдержанно используют средства языковой выразительности, ограничиваясь официально-деловым стилем. Более экспрессивными являются тексты аналитических жанров, в которых авторы имеют возможность наряду с официально-деловой лексикой прибегать к стилистически окрашенной лексике и иным средствам языковой выразительности. Художественно-публицистические жанры, находясь на стыке журналистики и литературы, позволяют авторам быть наиболее свободными в выборе изобразительно-выразительных средств. Контент-анализ текстовых массивов, сформированных по тематическим рубрикам, исходя из разделов, в которых были размещены данные материалы, показал, что художественно-публицистические тексты, содержащие лексику “Putinversther”, в большинстве своем относятся к жанру фельетона. Палитра аналитических жанров шире — это статья, комментарий, мнение, аналитическое интервью.

Контент-анализ значительной доли корпусных архивных материалов, проведенный автоматически с помощью аналитических программ, доступных пользователям текстового хранилища «Ляйпциг Корпора Коллекшн» (Leipzig Corpora Collection), позволил выявить наиболее частотные лексические единицы, употребляемые с композитумом “Putinversther” в рамках исследуемого периода²¹ (рис. 1 и 2).

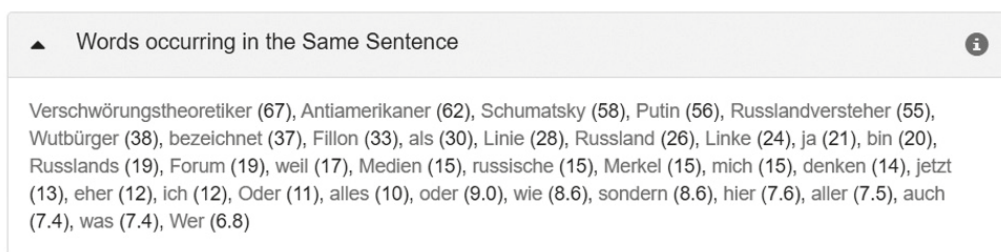

Рис. 1. Слова, встречающиеся в одном предложении

Исходя из отображенных графических представлений, мы видим, что слова, употребляемые с композитумом “Putinversther”, можно разделить на следующие значимые группы:

а) имена собственные: Шумяцкий (Boris Schumatsky, немецкоязычный писатель, журналист, автор книги очерков «Новый верноподданный. Популизм, пост-

²¹ Электронный ресурс https://corpora.uni-leipzig.de/en/res?corpusId=deu_newsrawl-public_2018&word=Putinversther/.

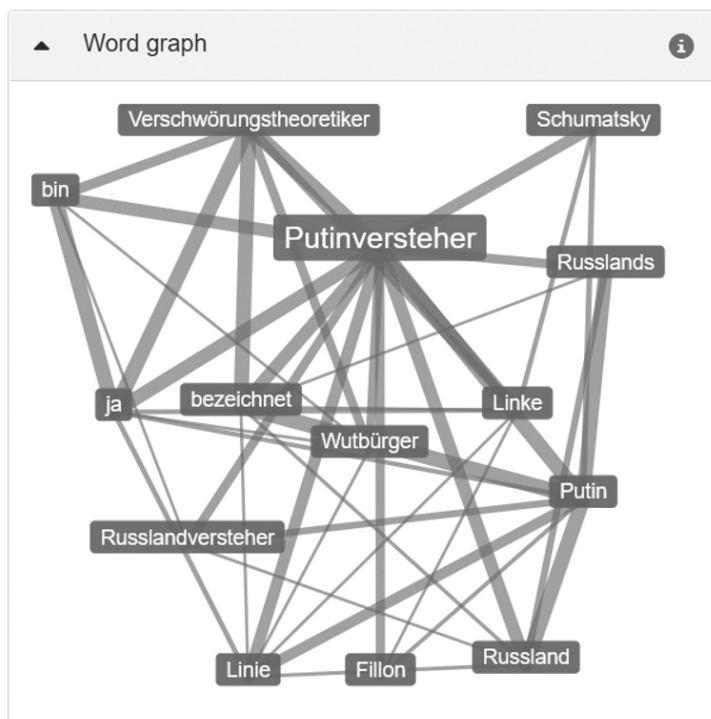

Рис. 2. Граф слов

модернизм, Путин») [Schumatsky 2016], Фийон (François Fillon, политический деятель, кандидат в президенты Франции на выборах 2017 г.), Россия, Путин;

б) сложные слова, которые были порождением СМИ, либо популяризованы СМИ. Наиболее часто (67 раз) наряду с композитумом “Putinverstehер” фигурирует неологизм “Verschwörungstheoretiker” (сторонники теории заговора, конспирологи). Приведем примеры таких употреблений.

1. Традиционные средства массовой информации клеймят критиков как «понимающих Путина» и слишком часто ставят на них штампель сторонников теории заговора (*Vertreter der traditionellen Medien brandmarken die Kritiker als “Putinverstehер” und stempeln sie allzu oft allgemein als Verschwörungstheoretiker ab*) (Хайзе онлайн. Ляйпциг Корпора Коллекшн. 2018).

2. Нередко из-за самоуверенной установки, в основном предполагающей, что критически настроенный оппонент находится не на той линии (правый, конспиролог, понимающий Путина или левый экстремист-восхвалитель (*Nicht selten aus einer selbstgewissen Haltung heraus, die dem kritischen Gegenüber grundsätzlich unterstellt, dass er auf der falschen Linie ist (rechts, Verschwörungstheoretiker, Putinverstehер oder auch Linksextremisten-Verherrlicher)*) (Хайзе онлайн. Ляйпциг Корпора Коллекшн. 2018).

3. Они называют это пикетами за мир, мирной зимой или пикетами по понедельникам. Оппоненты также называют их «алюминиевыми шляпами», «понимающими Путина» или «конспирологами». С весны 2014 года каждую неделю собираются разношерстные группы, чтобы выйти на демонстрации «за мир во всем мире»,

но и против «убийственной политики ФЕДа (Федеральной резервной системы. — М. П.) (Sie nennen es Friedensmahnwachen, Friedenswinter oder Montagsmahnwachen. Von ihren Gegnern werden sie auch “Aluhüte”, “Putin-Versteher” oder “Verschwörungstheoretiker” genannt. Seit Frühjahr 2014 versammeln sich jede Woche bunt zusammengewürfelte Gruppen, um “für Frieden auf der Welt” zu demonstrieren, aber auch gegen die “tödliche Politik der Fed”...) (Тагесшпигель. 2014. 29 декабря).

Примеры 1–3 наглядно демонстрируют, что терминологические единицы “Putinversteher” и “Verschwörungstheoretiker” как слова, принадлежащие к общей лексико-семантической группе (лица, имеющие определенные сомнительные убеждения), употребляются в одном ряду, что и обуславливает высокую частотность совместного словоупотребления.

Неологизм “Russlandversteher” (55 раз) следует рассматривать как полный синоним неологизма “Putinversteher”, также обладающий уничижительным значением: тот, кто может понять либо оправдывает действия России.

Авторство неологизма «вутбюргер» (“Wutbürger” дословно: «разъяренные граждане», 38 раз) принадлежит журналисту журнала «Шпигель» (Der Spiegel) Дирку Курбьювейту (Шпигель. 2010. 11 ноября). Вутбюргер — собирательный образ гражданина, который «из-за разочарования в некоторых политических решениях очень бурно публично протестует и выходит на демонстрации» [Dudenredaktion 2022]. Неологизм был выбран Обществом немецкого языка (Gesellschaft für deutsche Sprache, GfdS) словом 2010 г.;

в) название политических направлений, идеологий: Antiamerikaner (антиамериканцы), Linke (левые);

г) лексемы, проявляющие информационный повод или контекст: Forum (форум, в первую очередь Германо-Российский форум); Medien (СМИ), bezeichnet (обозначает): данная сочетаемость обусловлена наличием толкования неологизма в текстах;

д) грамматические и лексические связки: союзы, местоимения, вопросительные слова: bin (есть, форма 1 лица ед. ч. глагола «быть»), oder (или), ja (да), ich (я), weil (так как).

Следует отметить, что самостоятельный подсчет и контент-анализ отобранного материала подтверждают большую частотность имен собственных в сочетании с композитумом “Putinversteher”. В особенности в 2014 г. неологизм активно использовался в массмедиа, в том числе в качественной прессе, как порицающий ярлык в отношении фигур публичной политики. Приведем примеры таких употреблений.

1. Тип публикации — статья, заголовочный комплекс: *Экс-канцлер Шредер о крымском конфликте: понимающий Путина (Ex-Kanzler Schröder zum Krim-Konflikt: Der Putinversteher)* (Тагесцайтунг, тац. 2014. 9 сентября).

2. Раздел — политика, тип публикации — статья: *Штайнмайер ни в коем случае не хочет, чтобы в его связи возник, а точнее, возродился, образ понимающего Путина. Именно поэтому он меняет курс, в том числе, из самозащиты. В последние годы Штайнмайер не раз выходил из себя, когда его отношение к России приравнялось к позиции его бывшего наставника, экс-канцлера Герхарда Шредера (СДПГ) (Steinmeier möchte um keinen Preis das Bild des Putin-Verstehers aufkommen, besser gesagt: wieder aufleben lassen. Genau deshalb steuert er nun um, und dies auch aus Selbstschutz. Aus*

der Haut fuhr Steinmeier in den vergangenen Jahren immer wieder, wenn seine Haltung zu Russland mit der Position seines einstigen Mentors, Ex-Bundeskanzler Gerhard Schröder (SPD), gleichgesetzt wurde) (Вельт онлайн. 2013. декабрь).

3. Тип публикации — интервью: МАЦ: *Herr Stolpe, Sie sind auch ein Putin-Versteher?* (MAZ: Herr Stolpe²², sind Sie auch ein Putin-Versteher?) (Мэркише Альгемайне Цайтунг, МАЦ. 2014. 23 декабря).

4. Тип публикации — статья: *Sреди примерно 200 слушателей были видные сторонники Путина, такие как бывший федеральный председатель СДПГ и ныне председатель Немецко-российского форума Маттиас Платцек и новый посол России в Германии Сергей Нечаев (Unter den etwa 200 Zuhörern waren so prominente Putin-versteher wie der ehemalige Bundesvorsitzende der SPD und heutige Vorstandsvorsitzende des Deutsch-Russischen Forums Matthias Platzeck und der neue russische Botschafter in Deutschland, Sergej Netschajew)* (Бильд. 2018. 2 апреля).

Среди политических направлений больше всех попали под медийное обвинение в излишнем понимании России социал-демократы. Мишенью критики СМИ стали, например, экс-канцлеры Герхард Шрёдер и Гельмут Шмидт, как и большинство видных членов социал-демократической партии: Зигмар Габриэль, Франк-Вальтер Штайнмайер, Эгон Бар. Партии «Левых» (die Linke) и «Альтернативе для Германии» (Alternative für Deutschland, AfD) также вменяли пророссийскую позицию.

1. Раздел — политика, тип публикации — статья, заголовочный комплекс: *Левая партия в крымском кризисе. Понимающие Путина. У Владимира Путина в Берлине всего несколько друзей, но российский президент может положиться на «Левых». Сара Вагенкнехт и другие товарищи с глубоким пониманием относятся к его крымскому курсу (Linkspartei in der Krim-Krise. Die Putin-Versteher. Wladimir Putin hat nur noch wenige Freunde in Berlin — doch auf die Linken kann sich Russlands Präsident verlassen. Sagra Wagenknecht und andere Genossen zeigen tiefes Verständnis für seinen Krim-Kurs)* (Шпигель онлайн. 2014. 17 марта).

2. Тип публикации — статья, раздел — политика: *Кроме того, Гауланд²³ пробоует себя в качестве понимающего Путина (Gauland versucht sich zudem als Putin-Versteher)* (Вельт онлайн. Ляйпциг Корпора Коллекшн. 2018).

Стилистический анализ

Важно отметить, что применение авторами неологизма “Putinversteher” выступает в первую очередь лексическим средством выразительности и служит для эмоционального воздействия на читателя или непосредственно на собеседника (как в жанре интервью). Номинативная функция дополнена обобщающей (служащей классификации объектов окружающей действительности), оценочной и экспрессивной функциями. Ее использование позволяет сделать политическую дискуссию не только более острой, захватывающей, но и упрощает для аудитории сложное политическое содержание, «ужимая» его в одном слове, уже содержащем готовую оценку.

²² Манфред Штольпе, министр транспорта и строительства в 2002–2005 гг. Премьер-министр земли Бранденбург в 1990–2002 гг.

²³ Эберхардт Александр Гауланд, ведущий кандидат от партии АдГ на парламентских выборах 2017 г.

Более того, использование слова “Putinverstehер” определенно следует рассматривать как прямое проявление речевой агрессии, то есть «использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности; манера речи, оскорбляющая чье-либо самолюбие, достоинство» [Кожина 2006: 340]. В жанре интервью речевая агрессия создает эмоциональный накал между собеседниками, что позволяет привлечь внимание читателя: «гармония коммуникантов намеренно приносится в жертву публицистической выразительности» [Басовская 2004: 257]. Одна из ключевых задач речевой агрессии в медиадискурсе — это создание негативного впечатления и воздействие таким образом на сознание адресата [Самусевич 2017: 48].

В случае наличия неологизма “Putinverstehер” в заголовочном комплексе статьи, в особенности употребленного без кавычек, уже непосредственно из заголовочного комплекса можно «считать» позицию автора (и/или издания) по тематике публикации. В стилистическом отношении это — проявление тенденциозности подачи материала.

С другой стороны, контент-анализ отобранных для исследования медиатекстов показал, что использование кавычек в качестве стилистического приема, на графическом уровне позволяющего дистанцироваться от высказывания, как правило, свидетельствует о более взвешенной позиции издания (хотя бывают исключения). Сравним примеры.

1. Раздел — политика, тип публикации — статья: *Политическая опасность в крымском конфликте состоит в том, что сложное дело легко можно отравить модными словечками типа «понимающий Путина». Возможно, Линднер также является «понимающим Европу», который хочет улучшить переговорную позицию по отношению к США Дональда Трампа, показав, что Европа может использовать и другие альтернативы (Die politische Gefahr beim Krim-Konflikt besteht darin, dass sich die komplexe Materie leicht mit Schlagworten wie “Putinverstehер” vergiften lässt. Vielleicht ist Lindner aber auch ein “Europaverstehер”, der die Verhandlungsposition gegenüber Donald Trumps USA dadurch verbessern will, dass er aufzeigt, dass Europa auch andere Alternativen nutzen kann)* (Менеджер Магацин. 2017. 15 августа).

2. Тип публикации — статья: *В современной политике появились новые боевые термины: «Друг России» и «понимающий Путина» (Es gibt neue Kampfbegriffe in der aktuellen Politik: “Russenlandfreund” und “Putinverstehер”)* (Блэттхен. Ляйпциг Корпора Коллекшн. 2018).

3. Тип публикации — комментарий, заголовочный комплекс: *Маленькая грустная история понимающих Путина (Die kleine traurige Geschichte der Putin-Verstehер)* (Вельт онлайн. 2015. 27 июля).

Нельзя сказать, что первые два примера лишены оценочности и экспрессивности, об их наличии свидетельствует выбор лексики: «отравить», «модные словечки» (1) и «боевые термины» (2). Однако на метаязыковом уровне читатель распознает разницу между примерами 1, 2 и примером 3, которая заключается в том, за счет каких языковых средств (смягчения, дистанцирования или огрубления, констатации) и с какой целью автор передает информацию (подтолкнуть к размышлению или сформировать мнение).

Заголовочный комплекс третьего комментария лаконичен, но экспрессивен. Мнение автора статьи уже сформировано, оценка событиям вынесена — это

«грустная история». Читателю предлагается, таким образом, прочитав статью, лишь присоединится к мнению автора.

Подводя итог данного раздела, можно констатировать, что проведение контент-анализа позволило получить числовую оценку употребления неологизма “Putinverstehер” и качественную классификацию материала с точки зрения выявления тематических, лексических, жанровых и стилистических закономерностей. Понимание контекста важно для осмысления отношения общественного сознания к интересующим нас понятийно-тематическим единицам и для толкования интерпретационного поля концепта.

Семантический анализ

Концепт «понимание» представляет собой универсальное онтологическое понятие, которое обозначает:

- способность воспринимать и осмысливать значение и содержание чего-либо;
- состояние сознания, при котором становится ясным смысл чего-либо;
- наличие определенной точки зрения или интерпретации чего-либо²⁴.

Задача настоящего исследования состояла в том, чтобы на основе анализа контекстуальных употреблений репрезентанта концепта «понимание» охарактеризовать его интерпретационное поле и определить когнитивный и прагматический компоненты значения лексемы “Putinverstehер”.

Напомним, что интерпретационное поле концепта образуют те когнитивные признаки, которые не относятся к ядру (информационному содержанию) концепта, а интерпретируют или дают оценку основному информационному содержанию. Поскольку любая лексема имеет языковое значение, отображающее в себе часть содержания коррелирующего концепта, анализ ментальной структуры концепта и языкового значения взаимообусловлены.

Толкование значения композита “Putinverstehер” как сложного слова складывается из суммарной мотивировки значений слагаемых компонентов и может быть сведено к формулировке, варьирующейся в зависимости от историко-политического контекста: «чрезмерно понимающий Путина», «оправдывающий Путина» или «уклоняющийся от критики Путина». Прагматический компонент значения неологизма, то есть «та часть его содержания, которая остается в нем за вычетом когнитивного содержания» [Касьянова 2007: 37], может быть интерпретирован как «не заслуживающая одобрения пророссийская позиция».

Приведем цитату из публикации известной немецкой журналистки, писательницы Мели Кияк (Mely Kiyak) в ежедневной надрегиональной газете леволиберального толка «Цайт» (Die Zeit) от 19 ноября 2014 г., в которой содержится, на наш взгляд, одна из наиболее удачных и точных интерпретаций значения слова “Putinverstehер”: *В последнее время, когда кто-то пытается понять политические действия автократа, неуважительно говорится, что он является «понимающим». Обозначение «понимающий Путина» реализует утвердительное понимание политики Путина, в определенном смысле также одобрение его военной тактики. Однако ярлыки на тех, кто понимает Россию и Путина, наклеиваются сразу же,*

²⁴ Ср. «понимание» по толковому словарю Ожегова: [Ожегов 2018].

как политик или журналист пытается пройти по пути познания, прежде чем приступить к политическому анализу. Все же, как приблизиться к решению, если не понимаешь происходящего? Понимание как ругательство — это довольно странно (*Despektierlich heißt es ja neuerdings, wenn man versucht, das politische Handeln eines Autokraten nachzuvollziehen, man sei ein “Versteher”. Die Bezeichnung “Putinversteher” implementiert ein affirmatives Verständnis für Putins Politik, auf gewisse Art also auch eine Billigung seiner militärischen Taktik. Die Etiketten Russlandversteher und Putinversteher werden jedoch schon geklebt, sobald ein Politiker oder Journalist vor der politischen Analyse zunächst einmal den Weg der Erkenntnis abzustolpern versucht. Allein, wie soll man sich einer Lösung annähern, wenn man den Vorgang nicht nachvollzieht? Verständnis als Schimpfwort ist schon ganz schön skurril*) (Цайт. 2014. 19 октября).

В данном развернутом определении содержится прямое указание на прагматический компонент значения лексемы, а именно на то, что слово используется в политическом медиадискурсе в качестве оценочной и экспрессивной характеристики: «неуважительно говорится», «понимание как ругательство».

В оценочности Л. Ю. Касьянова видит определяющий маркер прагматического элемента значения слова: «в отличие от когнитивной информации прагматический компонент является носителем сведений не о референтах, а об их восприятии говорящими» [Касьянова 2007: 37]. Прагматический компонент значения передает отношение говорящего к объекту и включает в себя общественно осознанные коннотации культурно-исторического характера или индивидуально-психологические коннотации. Будучи дополнительным компонентом смысла, он конкретизирует когнитивный компонент, привнося в значение слова оценку и экспрессивность.

Чтобы определить и охарактеризовать прагматический компонент значения лексемы, необходимо было отделить его от когнитивной информации и определить характер семантических отношений между компонентами структуры слова.

Немецкий глагол «понимать», согласно словарю «Дуден», является многозначным и имеет несколько номинативных значений. К основным свободным значениям глагола, то есть, по В. В. Виноградову, таким значениям, которые непосредственно направлены «на “предметы”, явления, действия и качества действительности (включая сюда и внутреннюю жизнь человека)» и отражают их «общественное понимание» [Виноградов 1977: 162], можно отнести следующие значения: «четко расслышать сказанное» и «уловить смысл, постичь». Остальные значения соотносятся с основным номинативным значением, но «уже, теснее и специализированнее» [Морозова 2017: 38], то есть являются номинативно-производными, например третье и четвертое значения: 3а) «возможность поставить себя на чье-то место; проявить понимание по отношению к кому-то», 3б) «находить (чье-то поведение, отношение, реакцию, чувства с его точки зрения) естественным, последовательным, правильным, нормальным»; 4) «ладить с кем-то, иметь хорошие отношения», ср.: [Dudenredaktion 2022].

Таким образом, в семантическом составе структуры неологизма “Putinversteher”, помимо значения имени собственного “Putin” (фамилия Президента РФ), представлены номинативно-производные значения (3а, 3б и 4) глагола “verstehen”. Совокупность данных значений можно считать когнитивным компонентом семантической структуры слова.

Остальное содержание (уничижительное и порицающее отношение говорящего) выходит за рамки когнитивного значения, а следовательно, является праг-

матическим. Прагматическое содержание относится к интерпретационному полю концепта, поскольку интерпретирует и дает оценку основному информационному содержанию концепта.

О наличии в лексеме “Putinverstehet” прагматического компонента говорит и семантическая двуплановость, то есть присутствие и наложение в сознании говорящего прямого, конкретно-предметного и номинативно-производных значений слова [Черкасова 1968: 36]. Семантическая двуплановость и наличие оценочного момента, в свою очередь, свидетельствуют о состоявшейся метафоризации. Метафоризация предполагает расширение смыслового объема слова за счет взаимодействия «основного (прямого, конкретно-предметного и производного значений), которое «видоизменяет и осложняет номинативную функцию слова: оно уже служит не только средством наименования того или иного предмета», но и средством выражения субъективной оценки предметов и явлений действительности со стороны говорящего» [Черкасова 1968: 35]. Метафоризация — это одна из ведущих техник фрейминга, значимого стилистического приема журналистики. Фрейминг, то есть «создание определенной схемы кодирования реальности» [Chong, Druckman 2007: 102] задает реципиенту рамку восприятия информации, направляя его внимание на те свойства или действия объекта, на которых ему следует сосредоточиться, подводя его тем самым к определенному выводу или отношению.

Таким образом, можно констатировать, что номинативная функция лексемы “Putinverstehet” дополнена обобщающей (сигнификативной), оценочной и экспрессивной функциями, что позволяет рассматривать неологизм как метафорический фрейм, концептуализирующий определенное политическое видение.

Критика неологизма

Критической оценке слова “Putinverstehet” посвящена значительная доля отобранных для исследования материалов. Использование новообразования вызвало широкую общественную негативную реакцию из-за пейоративного характера данного слова, что считается неприемлемым в информационной журналистике. Первая негативная оценка нового слова как маркера политически ангажированной журналистики прозвучала еще в 2014 г., когда неологизм был номинирован как «самое плохое слово года» (также «не-слово года», нем. “Unwort des Jahres”). Лингвистическая кампания по критике языка «Самое плохое слово года» направлена на привлечение внимания к общественным формам использования языка и на повышение языковой осознанности и восприимчивости к языку среди населения: «Рефлексия и критика использования “не-слов” направлены на повышение осведомленности о дискриминационном, стигматизирующем, эвфемистическом, вводящем в заблуждение или негуманном использовании языка и ответственности говорящего в отношении языковых действий»²⁵. В ходе конкурсного голосования в 2014 г. победил термин “Lügenpresse” («лживая пресса»), тематизирующий ту же проблемную сферу, что привлекло внимание общественности к проблеме аффилированности СМИ и политики как социальных институтов.

²⁵ Лингвистическая кампания по критике языка «Самое плохое слово года» (Sprachkritische Aktion “Unwort des Jahres”). Электронный ресурс <https://www.unwortdesjahres.net/index.php?id=2>.

В настоящее время неологизм значительно реже появляется в СМИ. Тем не менее аналогичные лексемы, образованные с использованием данной словообразовательной модели (“Trump-Versteher”, “Macron-Versteher”, “Merkel-Versteher” и др.), периодически встречаются в медиатекстах для обозначения круга лиц, демонстрирующих показательную поддержку действий того и иного политика. Это свидетельствует о том, что такая словообразовательная модель продуктивна и продолжает использоваться в политическом медиадискурсе.

Результаты исследования

В ходе исследования неологизм “Putinversteher” был рассмотрен с точки зрения словообразовательного, стилистического и семантического видов анализа. Кроме того, были задействованы методики контекстного анализа и количественного контент-анализа.

Первоначальный отбор источников осуществлялся исходя из принципов релевантности СМИ в системе массовой прессы, а также количества упоминаний слова. В исследование были включены материалы немецких новостных СМИ различной политической направленности и периодичности, как общенациональных, так и региональных изданий, а также архивы немецких новостных сайтов и интернет-изданий, онлайн-журналов. Для перепроверки и полноты данных использовались корпусы новостных текстов, в первую очередь «Ляйпциг Корпора Коллекшн» (Leipzig Corpora Collection) и корпусы цифрового словаря немецкого языка (Corpora im DWDS). Временные рамки исследования — с конца 2013 по 2018 г. — были интересны для настоящего исследования тем, что это время закрепления политического неологизма “Putinversteher” в немецком языке и его широкого распространения, в том числе за пределы Германии.

Словообразовательный анализ показал, что неологизм “Putinversteher” не обладает уникальной словообразовательной структурой, а организован по уже имеющейся в системе языка деривационной модели и входит в лексико-семантическую группу слов одной части речи (существительные), объединенных общим элементом значения: «лица, демонстрирующие особое понимание в отношении лица или предмета». Лексема обладает вариативностью написания — слитно и через дефис.

Контент-анализ материала, в ходе которого были проанализированы 260 статей и заголовочных комплексов, выявил, что 72% текстов, содержащих лексему “Putinversteher” и ее производные, относятся к политической сфере и размещены в соответствующих разделах изданий. Значительно меньшее количество материалов посвящено культурной тематике (16,8%) и экономике (8%). Неологизм “Putinversteher” встречается, главным образом, в художественно-публицистических и аналитических жанрах. Это объясняется тем, что в зависимости от жанра тексты статей различаются уровнем лексической выразительности: наименее экспрессивно окрашены информационные жанры, художественно-публицистические жанры, находясь на стыке журналистики и литературы, оперируют наиболее широкими возможностями задействования изобразительно-выразительных средств.

Контент-анализ текстовых массивов, сформированных по тематическим рубрикам, исходя из разделов, в которых были размещены данные материалы, показал, что художественно-публицистические тексты, содержащие лексему “Putinversteher”,

в большинстве своем относятся к жанру фельетона; палитра аналитических жанров шире — это статья, комментарий, мнение, аналитическое интервью.

С помощью аналитических программ, доступных пользователям баз данных медиатекстов, была установлена характерная лексическая сочетаемость с композитумом “Putinverstehер”. Были выявлены пять групп лексических единиц, наиболее часто встречающихся с лексемой в одном предложении:

1) имена собственные составляют наиболее обширную и разнообразную группу;

2) неологизмы сложной структуры, которые были порождены СМИ либо популяризованы СМИ. Наиболее часто (67 раз) наряду с композитумом “Putinverstehер” фигурирует неологизм “Verschwörungstheoretiker” (сторонники теории заговора, конспирологи). Терминологические единицы “Putinverstehер” и “Verschwörungstheoretiker” можно отнести к одной лексико-семантической группе: лица, имеющие определенные сомнительные убеждения.

Неологизм “Russlandverstehер” (55 раз) следует рассматривать как полный синоним неологизма “Putinverstehер”, также обладающий уничижительным значением: кто-то, кто может понять, либо оправдывает действия России;

3) название политических направлений, идеологий и носители соответствующих идеологий: “Antiameгikanismus” (антиамериканизм) “Antiameгikaner” (антиамериканцы, 62 раза), “Linke” (Левая партия, 24 раза);

4) лексемы, проявляющие информационный повод или контекст;

5) грамматические и лексические связки: союзы, местоимения, вопросительные слова.

В рамках стилистического анализа можно констатировать, что использование слова “Putinverstehер” следует рассматривать как прямое проявление речевой агрессии с целью эмоционального воздействия на читателя или непосредственно на собеседника, как, например, в жанре интервью. Таким образом происходит попытка формирования у аудитории предустановленного мнения о лице или группе лиц, в отношении которого (которых) употреблено данное существительное.

С точки зрения стилистики мы рассматриваем такие тексты как проявление тенденциозности в подаче материала. В случае наличия неологизма “Putinverstehер” в заголовочном комплексе статьи уже из него считывается мнение автора (и издания) по тематике публикации.

Выделение слова “Putinverstehер” кавычками, как правило, носит значимый характер в качестве стилистического приема, на графическом уровне позволяющего дистанцироваться от высказывания.

В качестве задач семантического анализа в рамках данного исследования нами были выделены две ключевые задачи: во-первых, на основе анализа контекстуальных употреблений репрезентанта концепта охарактеризовать интерпретационное поле концепта «понимание»; во-вторых, определить когнитивный и прагматический компоненты значения лексемы “Putinverstehер”.

Данные задачи тесно связаны между собой, поскольку описывают одни и те же языковые факты с разных сторон, ведь любая лексема имеет языковое значение, отображающее в себе часть ментального содержания коррелирующего концепта.

Концепт «понимание» представляет собой универсальное онтологическое понятие, в котором находят отображение различные аспекты. В частности, он описывает непосредственно саму способность осмысливать значение и содержание чего-либо. Кро-

ме того, «понимание» отражает состояние сознания, которому ясен смысл предмета или явления. Наконец, этот концепт также относится к наличию различных точек зрения и толкований в отношении рассматриваемого объекта. Остальное содержание (в случае лексемы “Putinverstehер” — это уничижительное и порицающее отношение говорящего к обозначаемому лицу или группе лиц) выходит за рамки ядра концепта и относится к интерпретационному полю концепта. Это прагматическое содержание интерпретирует и дает оценку ядру (информационному содержанию) концепта.

Семантический анализ языковых значений композита “Putinverstehер” был проведен на основе анализа дефиниций толковых словарей русского и немецкого языков. Была дана характеристика когнитивного и прагматического компонентов слова. В структуре рассматриваемой лексемы, помимо значения имени собственного “Putin”, представлены номинативно-производные значения (3а, 3б и 4) глагола “verstehen”. Совокупность данных значений и является когнитивным компонентом семантической структуры слова. Прагматический компонент значения неологизма, как то дополнительное содержание, которое привносится в значение, помимо когнитивного содержания, может быть сформулирован как «не заслуживающая одобрения пророссийская позиция» или, в зависимости от контекста, как «воздержание от публичной критики политических действий РФ».

Прагматический элемент значения слова по определению оценочен и служит для увеличения экспрессивности текста, передачи отношения автора высказывания к объекту. Отношение автора текста считывается за счет наличия в лексическом значении слова “Putinverstehер” общественно осознанных коннотаций культурно-исторического характера. Номинативная функция слова, таким образом, дополняется обобщающей, оценочной и экспрессивной функциями. Неологизм представляет собой образный (метафорический) фрейм, посредством которого те или иные общественные акторы (в том числе СМИ) конструируют выгодное им видение и оценку значимых общественно-политических событий, конфликтов, а также создают имидж политических деятелей.

Выводы

На языковую картину мира члена любого речевого сообщества в современном мире оказывает огромное влияние медиатизированная информация, которую он черпает из различных коммуникационных систем. СМИ, как ключевые участники информационного поля, обладающие широтой охвата аудитории и наработанным авторитетом в качестве источника получения информации, играют значимую роль в формировании общественного мнения и, в конечном итоге, в принятии членами общества политических решений.

Медиатексты как артефакты времени фиксируют фреймы и повестку дня того или иного исторического периода. Это «трансляторы смыслов» [Чиркова 2018: 153], выраженных на лексическом, синтаксическом, метатекстовом и графическом уровнях.

Неологизм “Putinverstehер”, по сути, представляет собой готовое суждение, образный фрейм, закрепляющий на языковом уровне определенную политическую идеологию, а именно осуждение и крайне негативную оценку той или иной политической силы или общественно-политических акторов в связи с их позицией по отношению к политике России.

Литература

- Ангелова, М. М. (2004) «Концепт» в современной лингвокультурологии. В М. А. Блох, Е. Л. Фрейдина, Е. А. Никулина (Ред.), *Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики* (с. 3–10). М.: Прометей.
- Базылев, В. Н. (2007). Языковые императивы «Политической корректности». *Политическая лингвистика*, 3 (23), 8–10.
- Бартминский, Е. (2005). *Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике*. М.: Индрик.
- Басовская, Е. Н. (2004). Творцы черно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации. *Критика и семиотика*, 7, 257–263.
- Бодрунова, С. С. (2012). Медиакратия: современные подходы к определению термина. *Вестник Санкт-Петербургского университета*, 3, 203–215.
- Виноградов, В. В. (1977). Основные типы лексических значений слова. В В. Г. Костомаров (Ред.), *Лексикология и лексикография: избр. тр.* (с. 162–189). М.: Наука.
- Гак, В. Г. (1972). Повторная номинация и ее стилистическое использование. *Вопросы французской филологии*, 1, 120–127.
- Касьянова, Л. Ю. (2007). Коннотативно-прагматическое содержание неологизма. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, 7 (28), 36–49.
- Кожина, М. Н. (Ред.). (2006). *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. М.: Флинта; Наука.
- Кудинова, Е. А. (2008). Концепт и его соотношение с лексико-семантическим полем. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 1 (1), 48–50.
- Морозова, А. Н. (2017). К проблеме описания лексического значения в учебном словаре (на примере слова “time”). *Поволжский педагогический вестник*, 3 (16), 34–40.
- Ожегов, С. И. (2018). *Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений*. М.: АСТ: Мир и Образование. Электронный ресурс <https://onlinedic.net/ozhegov/index.php>.
- Осипов, Ю. С. (Ред.). (2015). *Большая российская энциклопедия*. Т. 29. Электронный ресурс <https://bigenc.ru/linguistics/text/3547030>.
- Петрова, М. В. (2019). Интервью как средство развития языковых навыков студентов (на примере внеучебного студенческого проекта «Немецкая Россия» факультета журналистики МГУ). *Вестник Московского университета*, 3, 95–109.
- Самусевич, О. М. (2017). Феномен речевой агрессии в белорусской прессе. *Медиалингвистика*, 2 (17), 41–51.
- Титова, Ю. В. (2010). Структура концепта и методы его описания. *Вестник УлГТУ*, 4 (52), 16–21.
- Черкасова, Е. Т. (1968). Опыт лингвистической интерпретации тропов (метафора). *Вопросы языкознания*, 2, 28–38.
- Чиркова, Н. В. (2018). Будущее книги: текст, который движется. В *Восьмье Азаровские чтения. Библиотека. Культура. Общество* (с. 148–155). Самара: Самар. гос. ин-т культуры.
- Chong, D., Druckman, J. N. (2007). A theory of framing and opinion formation in competitive elite environments. *Journal of Communication*, 1, 99–118.
- Dudenredaktion (2022). -verstehet. In *Duden online*. Электронный ресурс <https://www.duden.de/node/90389/revision/90425>.
- Foucault, M. (1978). *Die Dispositive der Macht*. Berlin: Merve.
- Luhmann, N. (1995). *Social Systems*. Stanford: Stanford University Press.
- Meyer, Th. (2001). *Mediokratie: Die Kolonisierung der Politik durch das Mediensystem*. Frankfurt: Suhrkamp.
- Schumatsky, B. (2016) *Der neue Untertan. Populismus, Postmoderne, Putin. Essaybuch*. Salzburg: Residenz Verlag.

Статья поступила в редакцию 20 января 2023 г.;
рекомендована к печати 17 мая 2023 г.

Контактная информация:

Петрова Мария Владимировна — канд. филол. наук; pmascha@yandex.ru

When understanding becomes an insult — to the question of semantics and the role of the neologism “Putinversteher” in the political media discourse

M. V. Petrova

Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

For citation: Petrova M. V. (2023). When understanding becomes an insult — to the question of semantics and the role of the neologism “Putinversteher” in the political media discourse. *Media Linguistics*, 10 (3), 336–356. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.304> (In Russian)

The study is devoted to the political neologism “Putinversteher”. A comprehensive analysis of the language material was carried out: in addition to content analysis, the work contains word-formation, stylistic and semantic types of analysis of neologism based on media publications from the end of 2013 to 2018. In order to double-check and complete the data, in addition to the archival materials of the publications, corpora of news texts were used, primarily the Leipzig Corpora Collection and the corpora of the digital dictionary of the German language (Korpora im DWDS). The chronological framework of the study is determined by the historical and political context and the maximum frequency of mentions of the word and its derivatives in this time period. The selection of sources was carried out on the basis of the principles of media relevance in the system of the mass press and the number of mentions of the word. As part of the semantic analysis, the cognitive and pragmatic components of the meaning of the lexeme “Putinversteher” were determined and the interpretative field of the concept “understanding” was characterized. The study showed that the neologism “Putinversteher” is found mainly in the artistic and journalistic and analytical genres of journalism. The nominative function of the lexeme “Putinversteher” is complemented by significative, evaluative and expressive functions, which allows us to consider neologism as a metaphorical frame that conceptualizes a certain political vision. The use of neologism in a media text serves not only to enhance the expressiveness of the text, but also is a tool for shaping public opinion, when complex socio-political processes are “compressed” to a pre-established judgment, fixed in the meaning of the newly formed word. An inevitable consequence of the widespread use of such neologisms is the simplification of complex political phenomena, the creation and consolidation of certain stereotypes (frames) in relation to socio-political actors and the establishment of a legitimate ideology.

Keywords: “Putinversteher”, political media speech, political neologisms, political media discourse, verbal aggression.

References

- Angelova, M. M. (2004) “Concept” in modern linguoculturology. In M. A. Blokh, E. L. Freidina, E. A. Nikulina (Eds), *Aktual'nye problemy angliiskoi lingvistiki i lingvodidaktiki* (pp. 3–10). Moscow: Prometei Publ. (In Russian)
- Bartmin'skii, E. (2005). *Language Image of the World: Essays on Ethnolinguistics*. Moscow: Indrik Publ. (In Russian)
- Basovskaia, E. N. (2004). Creators of black and white reality: on verbal aggression in the media. *Kritika i semiotika*, 7, 257–263. (In Russian)
- Bazylev, V. N. (2007). Language imperatives of “Political Correctness”. *Politicheskaiia lingvistika*, 3 (23), 8–10. (In Russian)
- Bodrunova, S. S. (2012). Mediocracy: modern approaches to the definition of the term. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta*, 3, 203–215. (In Russian)
- Cherkasova, E. T. (1968). Experience of linguistic interpretation of tropes (metaphor). *Voprosy iazykozna-niia*, 2, 28–38. (In Russian)

- Chirkova, N. V. (2018). The future of the book: text that moves. In *Vos'mye Azarovskie chteniia. Biblioteka. Kul'tura. Obshchestvo* (pp. 148–155). Samara: Samar. gos. in-t kul'tury Publ. (In Russian)
- Chong, D., Druckman, J. N. (2007). A theory of framing and opinion formation in competitive elite environments. *Journal of Communication*, 1, 99–118.
- Dudenredaktion (2022). -versteh. In *Duden online*. Retrieved from <https://www.duden.de/node/90389/revision/90425>.
- Foucault, M. (1978). *Die Dispositive der Macht*. Berlin: Merve.
- Gak, V. G. (1972). Renomination and its stylistic use. *Voprosy frantsuzskoi filologii*, 1, 120–127. (In Russian)
- Kas'ianova, L. Iu. (2007). Connotative-pragmatic content of neologism. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 7 (28), 36–49. (In Russian)
- Kozhina, M. N. (Ed.). (2006). Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language. Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ. (In Russian)
- Kudinova, E. A. (2008). The concept and its correlation with the lexico-semantic field. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 1 (1), 48–50. (In Russian)
- Luhmann, N. (1995). *Social Systems*. Stanford: Stanford University Press.
- Meyer, Th. (2001). *Mediokratie: Die Kolonisierung der Politik durch das Mediensystem*. Frankfurt: Suhrkamp.
- Morozova, A. N. (2017). On the problem of describing the lexical meaning in the educational dictionary (on the example of the word “time”). *Povolzhskii pedagogicheskii vestnik*, 3 (16), 34–40. (In Russian)
- Osipov, Iu. S. (Ed.). (2015). *Great Russian Encyclopedia*. V. 29. Retrieved from: <https://bigenc.ru/linguistics/text/3547030>. (In Russian)
- Ozhegov, S. I. (2018). *Explanatory dictionary of the Russian language: about 100,000 words, terms and phraseological expressions*. Moscow: AST: Mir i Obrazovanie Publ. Retrieved from <https://onlinedic.net/ozhegov/index.php>. (In Russian)
- Petrova, M. V. (2019). Interview as a means of developing students' language skills (on the example of the extracurricular student project “German Russia” of the Faculty of Journalism of Moscow State University). *Vestnik Moskovskogo universiteta*, 3, 95–109. (In Russian)
- Samusevich, O. M. (2017). Phenomenon of speech aggression in the Belarussian press. *Media Linguistics*, 2 (17), 41–51. (In Russian)
- Schumatsky, B. (2016) *Der neue Untertan. Populismus, Postmoderne, Putin. Essaybuch*. Salzburg: Residenz Verlag.
- Titova, Iu. V. (2010). The structure of the concept and methods of its description. *Vestnik UIGTU*, 4 (52), 16–21. (In Russian)
- Vinogradov, V. V. (1977). The main types of lexical meanings of the word. In V. G. Kostomarov (Ed.), *Leksikologiya i leksikografiya: izbr. tr.* (pp. 162–189). Moscow: Nauka Publ. (In Russian)

Received: January 20, 2023

Accepted: May 17, 2023

Author's information:

Maria V. Petrova — PhD; pmascha@yandex.ru

МЕДИАСТИЛИСТИКА

УДК 81'42:81'27

«...Это сделали советские ученые»: репрезентации научных социальных практик в советских детских журналах (1980-е годы)*

Т. В. Дубровская

Пензенский государственный университет,
Российская Федерация, 440026, Пенза, ул. Красная, 40
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Российская Федерация, 308015, Белгород, ул. Победы, 85

Для цитирования: Дубровская Т. В. (2023). «...Это сделали советские ученые»: репрезентации научных социальных практик в советских детских журналах (1980-е годы). *Медиалингвистика*, 10 (3), 357–375. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.305>

Автор обращается к текстам советской детской периодики 1980-х годов и ставит задачи выявить характеристики репрезентаций мира науки, степень отражения в них государственной политики, а также определить, какие семиотические ресурсы транслируют взрослые социальные практики детской аудитории. Анализ публикаций из журналов «Пионер» и «Костер» проводился методами контент-анализа и дискурс-анализа. Установлено, что материалам о науке отводилось важное место, в журналах существовали регулярные рубрики о науке, причем основная часть публикаций касалась точных и естественно-научных отраслей. Выявлены такие характеристики репрезентаций, как ссылки на экспертное мнение, трансляция агональности, эмоционализация и идеологизация. Достоверность научной информации была гарантирована экспертным статусом автора или приглашенного гостя: его профессионализмом и общественным признанием. Включенность в тексты тактик аргументации, характерных для академической коммуникации, воспроизводила социальные практики взрослых на страницах детского журнала. Показано, что в детской периодике рациональная сфера науки дискурсивно конструируется как источник эмоциональных переживаний, в частности удивления. Диктумная составляющая дополняется модусом эмоциональной экспрессии и актуализируется лексическими маркерами удивления, оценочными элементами и стилистическими приемами. Доказано, что журналы в то же время выступают

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00775, проект «Медиастилизованная модель советского общества в детской периодике», <https://rscf.ru/project/22-28-00775/>.

инструментом диалога между властью и подрастающим поколением, а репрезентации научных социальных практик содержат маркеры идеологизации. Автор утверждает, что в процессе представления научных практик происходит конвергенция научного, медийного и политического типов дискурса, а результирующие репрезентации создают аксиологические установки у подрастающего поколения, поддерживают идейные ориентиры, формируют научную и идеологическую картину мира.

Ключевые слова: детская периодика, советский, наука, репрезентация.

Постановка проблемы

В советскую эпоху развитие науки и техники было закреплено в качестве одного из государственных приоритетов. Программы КПСС от 1961¹ и затем 1986² г. выделяли в отдельный параграф задачи государства в области науки: «Политика партии в области науки нацелена на создание благоприятных условий для динамичного прогресса всех отраслей знания, концентрацию кадров, материальных и финансовых ресурсов на наиболее перспективных направлениях, призванных ускорять достижение намечаемых экономических и социальных целей, духовное развитие общества, обеспечивать надежную обороноспособность страны»³. Более того, само определение коммунизма как конечной цели развития государства ставило одним из условий идеального общественного порядка постоянное развитие науки и техники: «Коммунизм — это бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где вместе со всесторонним развитием людей вырастут и производительные силы **на основе постоянно развивающихся науки и техники**, все источники общественного богатства польются полным потоком и осуществится великий принцип “От каждого — по способностям, каждому — по потребностям”»⁴ (жирный шрифт наш. — Т. Д.).

Приоритет науки в СССР не только декларировался в программных документах партии, но и реализовывался на практике. Как отмечает создатели сборника «Наука в СССР: Современная зарубежная историография», «высокий престиж науки в СССР и массовое увлечение техникой составляли существенную характеристику советского общества», а «научные достижения Советского Союза... внесли столь существенный вклад в формирование его международного престижа в послевоенные годы» [Большакова 2014: 5]. Иными словами, наука являлась одной из важнейших социальных практик советского общества.

В структуре любой социальной практики Н.Фэрклоф выделяет следующие элементы: действие и взаимодействие, социальные отношения, люди с их убеждениями, установками и личными историями, материальный мир и дискурс. При этом дискурс, реализуемый через письмо, говорение и другие формы семиозиса, является одним из способов действия и взаимодействия, создающим различные репрезентации материального мира [Fairclough 2004: 25–26]. Мы принимаем эту

---

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза (1961). Электронный ресурс <http://museumreforms.ru/node/13891>.

² Новая редакция Программы КПСС (1986). Электронный ресурс <http://музейреформ.рф/node/14030>.

³ Там же.

⁴ Там же.

позицию как базовую предпосылку и более подробно не останавливаемся на природе дискурса.

Применительно к нашему исследованию тезис о реализации социальных практик посредством практик дискурсивных означает не только то, что в научных практиках язык используется для систематизации научного знания, создания и презентации научной картины мира, но и то, что язык и другие семиотические ресурсы задействованы в создании стратегически выверенных репрезентаций общественных практик, бытующих в научной сфере. Такие репрезентации характерны для медийных текстов, которые, с одной стороны, распространяют научное знание, адаптируя его для определенной аудитории, а с другой стороны, транслируют аксиологические установки, связанные с наукой как частью общественной жизни. Именно они являются объектом нашего исследования. В данной статье мы ставим задачи выявить принципиальные характеристики репрезентаций мира науки в советских детских журналах, степень отражения в них политики руководства страны, а также определить, какие семиотические ресурсы были задействованы для трансляции взрослых социальных практик с учетом ориентации журнала на детскую аудиторию. В более общем смысле полученные результаты позволяют сделать выводы теоретического характера — о специфике текстов о науке в детском журнале советского времени.

История вопроса

Источники, непосредственно связанные с объектом нашего исследования, можно разделить на две основные группы: 1) работы, освещающие разные стороны функционирования детской прессы в Советском Союзе; 2) работы, авторы которых обсуждают социальные и языковые аспекты репрезентации науки в медиа. Что касается первой группы исследований, то мы подготовили подробный обзор этих трудов [Мусорина, Дубровская 2022]. Обобщая написанное ранее, можно сказать, что взаимосвязь советского общества, СМИ и детства изучалась с точки зрения культурной политики в части формирования нового человека [De la Fe 2013; Balina, Oushakine 2021], с позиции анализа тенденций развития СМИ в советскую эпоху [Капустина 2014; Кондратенко 2014] и представленных в детской периодической печати моделей государства и общества [Кравченко 2015; Мухинова 2016]. Отечественные и зарубежные исследования выявляют роль советских СМИ как «организатора масс» и утверждают, что, выполняя роль коммуникатора между властью и обществом, официальные советские газеты и журналы создавали общее коммуникативное пространство для формирования феномена «советский народ», частью которого было подрастающее поколение. Через призму детской периодики были представлены разные аспекты жизни советских школьников, включая учебу и труд, ценности и идеалы, их повседневность. Доминирующая позиция исследователей состоит в признании советской детской периодики инструментом идеологической пропаганды, однако авторы отмечают и конструктивную роль детской прессы в формировании нравственной, интеллектуально развитой и активной личности.

Что касается второй группы работ, то взаимосвязь науки и медиа изучается как в рамках социальных наук, так и в лингвистических терминах. Социологи Р. Н. Абрамов и А. А. Кожанов, концептуализируя феномен *popular science*, обсуж-

дают теоретические модели популярной науки и модели коммуникации [Абрамов, Кожанов 2015]. Важными для нашего исследования представляются следующие выдвинутые учеными тезисы: границы между собственно научным и научно-популярным знанием проницаемы; в советском обществе существовала тесная связка науки, общества и медиа; наука — часть государственного аппарата, которая работает на повышение его конкурентоспособности. Социологами и политологами также изучаются модели производства и передачи научного знания в обществе, основные общественные запросы для получаемой научной информации и новые форматы публичности в условиях возросшей технологичности [Кириллов 2012; Емельянова 2018].

В рамках дискурсивных исследований ставится вопрос о сущности и основных характеристиках научно-популярного дискурса, отмечается его ценностная ориентация на преумножение объективного знания [Багиян 2014], выделяются особенности речевого формулирования в научно-популярном тексте [Чернявская 2005: 43–45], новые каналы коммуникации научного знания [Beasco, Claudel, Dougy et al. 2002] и жанры научной журналистики [Пастухов 2018], обсуждается множественность ролей адресата научно-популярного текста и обусловленность тематики государственными приоритетами [Костяшина 2010].

При всем богатстве тематики работ и углов зрения внимание дискурс-аналитиков направлено исключительно на современное состояние медиатизации научного знания. Между тем это не новое явление. Чтобы точнее определить характер взаимосвязи между обществом, государством, наукой и медиа, важно рассматривать данный феномен в исторической перспективе. Обращение к материалам советской детской периодики позволит оценить создаваемые репрезентации с точки зрения их социальных импликаций и в некоторой степени заполнить указанный пробел.

Описание методики исследования

Материал для анализа выбран из журналов «Пионер» и «Костер» (1982, 1986–1989 гг.) и включает 76 публикаций на научную тематику (54 из «Пионера» и 22 из «Костра»). Количественное различие обусловлено тем, что «Костер» обычно размещал один материал о науке, но он был объемный и занимал целый разворот. «Пионер» чаще размещал серию небольших по объему материалов, объединенных одной рубрикой. Однако, поскольку такие материалы были композиционно завершены и тематически самостоятельны, мы считаем их отдельными единицами анализа. Обработка материала проводилась методом контент-анализа. Данные о разных публикациях были внесены в кодировочную таблицу, в ней были отражены следующие интересующие нас аспекты: область науки, экспертный статус источника научного знания, наличие/отсутствие идеологических маркеров. В основе качественного анализа — дискурс-анализ, построенный на выявлении типичных семиотических форм трансляции научного знания, включая лексические единицы и их семантику, синтаксическое строение предложений, стилистические ресурсы, аргументативную структуру текстов, элементы визуализации. Такая комбинированная методика обработки материала позволяет избежать излишне субъективных интерпретаций, а также представить некоторые количественные показатели для подтверждения наших выводов.

Анализ материала и результаты исследования

Политика КПСС, нацеленная на развитие в стране науки и техники, реализовывалась в значительной мере посредством СМИ, важная роль которых признавалась официально: «Работа печати, телевидения и радиовещания должна отличаться политической ясностью и целеустремленностью, глубиной содержания, оперативностью, информационной насыщенностью, яркостью и доступностью выступлений. Партия и впредь будет оказывать прессе, всем средствам массовой информации и пропаганды активную поддержку и помощь»⁵. Очевидно, что детские СМИ не стали исключением: именно посредством детских СМИ происходила социализация подрастающего поколения, которому прививались актуальные ценности и установки. Обсуждая журнал «Пионер», Н. И. Маругина выделяет ценностно ориентированную и культурно-образовательную функции советских детских изданий [Маругина 2018].

Актуализация научно ориентированных практик осуществлялась в значительной мере специализированными детско-юношескими журналами, такими как «Юный техник», «Техника — молодежи», «Юный натуралист». В то же время издания, выполнявшие функции литературно-художественных и общественно-политических журналов, также включали материалы о научных открытиях и рассказы о том, как работают ученые. К таким журналам относятся рассматриваемые нами журналы «Пионер» и «Костер». Наука выделена как одна из ключевых тем журнала «Пионер» в работе Я. А. Блохиной [Блохина 2022].

Набор жанров и рубрик, освещающих вопросы науки, достаточно широк и разнообразен. В журнале «Пионер» существовало несколько регулярных рубрик, в той или иной форме репрезентирующих мир науки. Рубрика с эксплицитным названием «На научной волне» включала несколько подразделов, которые могли меняться от журнала к журналу. Раздел «Дело для XXI века» обычно содержал статью с описанием нового изобретения, еще не ставшего распространенным, но представленного как революционное и решающее важную практическую задачу. Основой раздела «Зачем и почему?» выступал вопрос, заданный в письме школьника, ответ на который давал специалист в соответствующей сфере знаний. Похожей, но более объемной рубрикой в журнале «Костер» была рубрика «Знак вопроса», включающая вопрос читателя и развернутый (на 2–3 страницы) ответ на него. Но специальные рубрики о науке не единственный источник репрезентаций мира науки в детских журналах. В ряде публикаций тема научного познания мира и человека как движущей силы научного прогресса является побочной, вспомогательной. К примеру, в одном из материалов постоянной рубрики «Клуб силачей», цель которой состоит в побуждении читателя к гармоничному физическому развитию, обсуждаются вопросы: «Нужна ли физическая сила людям умственного труда?» и «Как она влияет на их работу?». В качестве положительных примеров успешного совмещения интеллектуальной деятельности с физической активностью приведены имена и фрагменты биографий ученых разных стран и эпох, включая Леонардо да Винчи, академика И. П. Павлова, авиационного конструктора А. А. Микулина⁶.

⁵ Новая редакция Программы КПСС. (1986). Электронный ресурс <http://музейреформ.рф/node/14030>.

⁶ Пионер (1987). № 9.

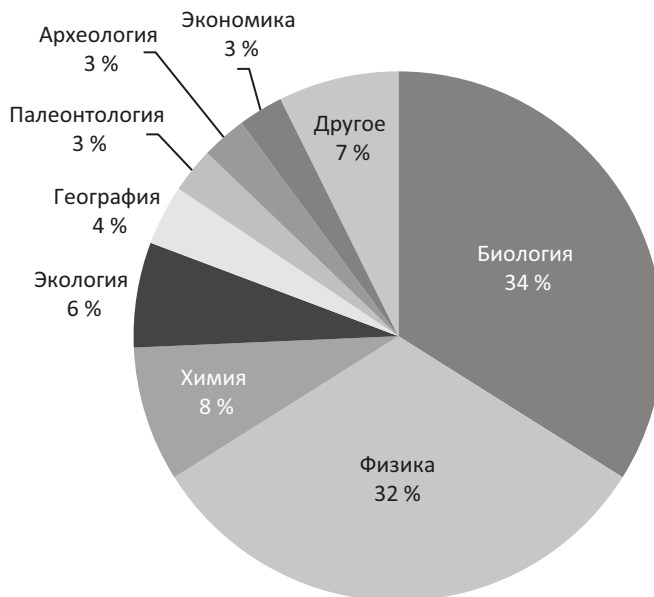

Рис. 1. Распределение публикаций по отраслям знаний

Из диаграммы, представляющей распределение публикаций по отраслям знаний (рис. 1.), видно, что основная часть публикаций касалась естественных и точных наук. Лидерами были биология (34%) и физика (32%). Не всегда представляется возможным однозначно определить отрасль научного знания: в материалах по биологии нередко речь идет также и об экологическом понимании окружающего мира, а публикации о покорении или устройстве космоса чаще всего обращены к физическим явлениям, и мы отнесли их к этой категории.

Явный приоритет точного и естественно-научного знания в детских журналах можно объяснить, с одной стороны, политикой государства, направленной на развитие наук, обеспечивающих промышленный рост, строительство и обороноспособность, т.е. выполнение прагматических задач. С другой стороны, акцент на точных и естественных науках обусловлен тем, что в отличие от гуманитарных и общественных наук они представляют более однозначную и менее идеологизированную картину мира. Это позволяло редакции избегать противоречивых или идеологически неодобряемых интерпретаций общественного развития.

Таким образом, тема науки и человека науки занимает значительное место в советских детских журналах, а репрезентации мира науки и человека науки имеют ряд типичных характеристик, которые мы рассматриваем далее.

Важность экспертного мнения

Обращение за экспертным мнением образует одну из существенных характеристик публикаций о науке в нашем материале. Если классифицировать рассматриваемый материал как научно-популярные тексты, в которых осуществляется «коммуникация между ученым-специалистом и неспециалистом, дилетантом о предмете,

относящемся к сфере научных познаний ученого» [Чернявская 2005: 42], то эксплицитные указания на авторитетный статус ученого как гарантия достоверности знаний закономерны. В детских журналах, как и в дискурсе взрослых, языковыми маркерами общественного признания выступают ученые степени, ученые звания, занимаемые должности, государственные награды, которые всегда указываются рядом с именем эксперта. Так, 29 (38,15 %) из 76 рассмотренных публикаций или написаны специалистами в определенной области науки, или содержат ссылки на экспертные мнения с указанием имени и статуса научного авторитета. Таким образом, наука в детских журналах в значительной степени персонализирована.

Эксперт может быть непосредственным автором журнальной статьи: *Мурад Аджиев, кандидат экономических наук*⁷; *Г. С. Воронов, кандидат физико-математических наук*⁸; *Академик Э. Л. Андроникашвили*⁹. Специалисты также приглашаются в качестве рассказчиков или комментаторов, и тогда их «появлению» предшествует метатекстовая вводная ремарка журналиста.

(1) *Об экологии северного заповедника рассказывает кандидат биологических наук Виталий Витальевич Бианки*¹⁰.

Авторитетный статус дискурсивно конструируется не только через эксплицитное указание на должность эксперта, но и посредством точного названия научного локуса и его материальных атрибутов, связанных в наивном сознании со сферой науки.

(2) *Мы сидим с экспертом-химиком Алексеем Ивановичем Гвыттьевым в лаборатории научно-технического отдела Главного управления внутренних дел. Кругом колбы, пробирки, горелки, вытяжные шкафы — предметы, знакомые по школьным урокам химии. Но есть и загадочные, непонятные приборы — сложная аппаратура в металлической броне*¹¹.

Специфика медиатекста обуславливает выход за рамки собственно науки. Эпитеты (*загадочные, непонятные, сложная*) и метафора (*аппаратура в броне*) ориентированы на наивное, а не собственно научное восприятие текста читателем. Информация о формальном статусе ученых, указания на который было бы достаточно в академической среде, дополняется в медиатексте оценочным компонентом.

(3) *Рассказать о завтрашнем дне голографии мы попросили одного из ведущих специалистов в этой области члена-корреспондента АН СССР, профессора Юрия Николаевича Денисюка. <...> Разговор продолжает научный сотрудник Государственного оптического института (а в прошлом юнкор «Костра») В. Парфенов*¹².

Высокая оценка научного статуса одного специалиста и ссылка на близость к детской журналистике другого реализуют типичные характеристики медиатекста: оценочность и интимизацию общения с читателем.

Таким образом, будучи ориентированным на непрофессиональную невзрослую аудиторию и выполняя функцию популяризации науки и научного знания, медиатекст о науке в советском детском журнале выходит за рамки строго акаде-

⁷ *Пионер* (1982). № 9.

⁸ *Пионер* (1982). № 9.

⁹ *Пионер* (1987). № 1.

¹⁰ *Костер* (1989). № 2.

¹¹ *Пионер* (1982). № 9.

¹² *Костер* (1988). № 7.

мического дискурса и стилистически, и содержательно, включает журналистскую метатекстовую рамку, оценочные компоненты и лексические маркеры наивно-го восприятия научного мира. В то же время такие тексты основаны на доверии к приглашенным ученым и их общественному статусу, что транслирует взрослые социальные практики и установки, а именно, признание научной картины мира и важности научных исследований.

Трансляция агональности в медиатекстах

Наука как сфера деятельности предполагает агональность, существование альтернативных точек зрения, особенно на малоизученные явления в природе и обществе, и необходимость аргументированно защищать свои убеждения. (Об агональности в собственно научном дискурсе см. работы Е. В. Соловьяновой: [Соловьянова 2021].) Это свойство научной коммуникации транслируется читателю в рассматриваемых нами журнальных публикациях. Медиатекст как мультимодальный комплекс задействует специфические ресурсы для актуализации агональности. Рассмотрим их на примере статьи «Скоро ли кончится нефть?»¹³. Само название, имеющее вопросительную форму, провокативно, поскольку это не риторический вопрос, а спорная тема для обсуждения, маркированная лексемой «спорят» в первом предложении статьи, обозначающем проблему.

(4) *Более двух веков ученые всего мира спорят о происхождении нефти*¹⁴.

Далее следует краткий экскурс в историю вопроса с упоминанием теорий и названий работ Ломоносова и Менделеева. Этот экскурс подводит к современному состоянию проблемы и определению практической ценности ее решения.

(5) <...> *Спор, начатый Ломоносовым с самим собой, с особой силой разгорелся в 80-х годах прошлого века, когда Д. И. Менделеев опубликовал свою минеральную (неорганическую) гипотезу происхождения нефти. Продолжается он и сейчас. Действительно, как же рождается «черное золото»? Установление истины в этом споре имеет огромное значение для всех нас. Будут ли автомобили XXI века ездить на бензине, а в кухнях будет гореть газ или мы будем вынуждены искать другие источники энергии?*¹⁵

Основное «тело» статьи составляет дискуссия двух приглашенных ученых, придерживающихся разных теорий происхождения нефти. Представляя экспертов, журналист называет их оппонентами, сразу определяя их взаимный научный статус.

(6) *Сегодня в гостях у «Костра» член-корреспондент Академии наук СССР, заведующий отделом научных основ прогноза нефтегазоносности Всесоюзного нефтяного научно-исследовательского института — Василий Дмитриевич Наливкин. Его оппонент — старший научный сотрудник того же института, кандидат геолого-минералогических наук Кирилл Александрович Аникиев*¹⁶.

Дискутируя о происхождении нефти, гости «Костра» выстраивают аргументацию в соответствии с принципами научной коммуникации:

¹³ Костер (1988). № 9.

¹⁴ Костер (1988). № 9.

¹⁵ Костер (1988). № 9.

¹⁶ Костер (1988). № 9.

— ссылаются на исходные предпосылки (*Если исходить из ее неорганического происхождения — будущее нефтяной промышленности в добыче этого сырья с больших глубин: с точки зрения органической теории происхождения нефти, <...> ее промышленные запасы ограничены...*);

— указывают на причинно-следственные связи (*В результате большого давления и высокой температуры из органического илистого «бульона» начала как бы «вывариваться» нефть; Если на своем пути он (газ. — Т.Д.) натывается на плотную «крышу», начинается накопление под ней нефти*);

— применяют определения (*Метан — это основной «строительный» материал для всех углеводородов*);

— подтверждают тезисы практическими наблюдениями (*Мы неоднократно наблюдали на практике, как в течение очень короткого времени уже выработанное месторождение снова заполняется нефтью; Об этом свидетельствуют результаты глубокого бурения в Америке...*);

— высказывают гипотезы (*Скорее всего, она просто подтекает из соседних пластов...*).

Сложно не заметить, что структура рассматриваемой журнальной статьи, по сути (хотя и в очень сжатом виде), соответствует структуре научной статьи с обязательными ее компонентами (постановка проблемы, степень изученности вопроса / обзор литературы, результаты исследования), а выделенные выше тактики аргументации при ведении дискуссии в полной мере соответствуют практикам академической сферы. Иными словами, ученые переносят типичные для них во взрослой жизни формы коммуникации на страницы детского журнала. Между тем создатели журнала медиатизируют науку, используя и другие ресурсы, в частности мультимодальные комплексы. В рассматриваемом материале агональность как принципиальная характеристика научных практик визуализирована в виде рисунков, схематично представляющих две разные теории происхождения нефти, фотографий ученых-пропонентов, а также ключевых тезисов этих теорий, оформленных в виде цитат (рис. 2).

Коммуникативная задача текста о науке в детском журнале не сводится только лишь к передаче научного знания от адресанта-эксперта к адресату-обывателю и популяризации научного знания. Одновременно с этим происходит еще один важный процесс — процесс трансляции образцов взрослой жизни, принципов общественного устройства и коммуникации. Иными словами, текст создает не только естественно-научную картину мира, которая усваивается юным читателем, но и репрезентацию самой научной среды, включая человека науки и принятых в этой сфере социальных практик поиска истины, основанных на критическом анализе фактов.

Место эмоций в медийных репрезентациях науки

Указание на эмотивность современных медиа давно стало общим местом в медиалингвистике. Растущую эмоционализацию как тенденцию новостного дискурса отмечает Т.Г. Добросклонская, ссылаясь в том числе и на зарубежные работы [Dobrosklonskaya 2021]. Стратегия эмоционализации выделяется в современных исследованиях как важный инструмент создания медийных репрезентаций самых разных общественных явлений и отношений [Sowińska, Dubrovskaya 2012; Данкова

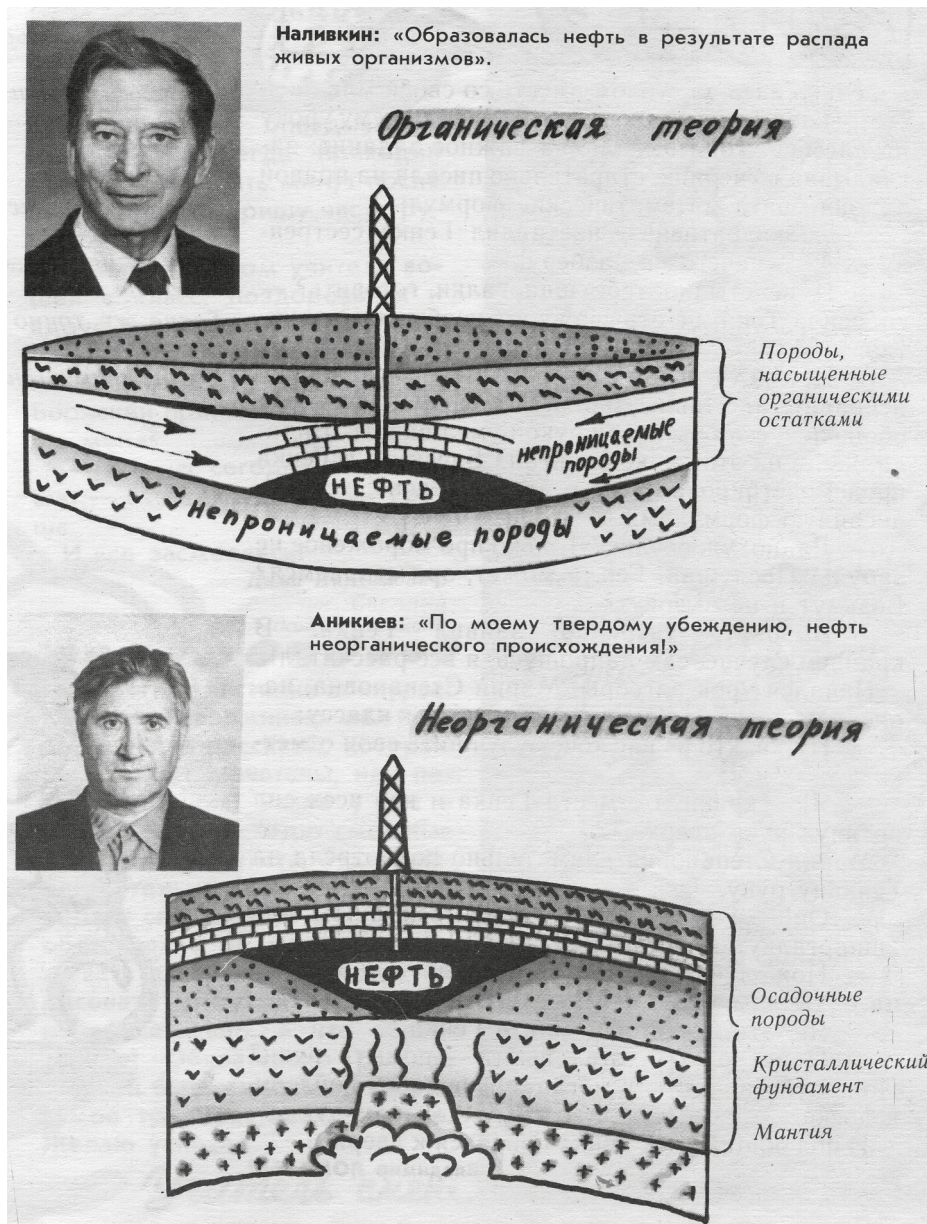

Рис. 2. Иллюстрация к статье «Скоро ли кончится нефть?»¹⁷

2016], а международный коллектив авторов отмечает также персуазивную функцию эмоционализации: «Конструирование эмоций и апелляция к ним должны в целом рассматриваться как инструмент, применяемый в рамках медийных персуазивных стратегий» [Zappettini, Ponton, Larina 2021: 589] (здесь и далее перевод наш. — Т. Д.). При этом эмоциям обычно приписывается отрицательный аксиологический статус

¹⁷ Костер (1988). № 9.

и манипулятивный потенциал, который лишает человека способности рационально мыслить: «В обществе постмодерна утрачиваются сдерживающие механизмы для эмоциональных флуктуаций. <...> Современный индивид гораздо более раздражителен, импульсивен, и вообще изменчив. В этом смысле он даже чем-то приблизился к первобытному состоянию. Импульсивное эмоциональное поведение становится доминирующим. Современный индивид редко предпосылает собственной деятельности продуманное рассуждение, апеллирующее к логике» [Якуба 2014: 13].

Прежде всего отметим, что эмоционализация, которую мы понимаем как намеренное создание модуса эмоциональной экспрессии, не есть новая тенденция СМИ. Скорее, это онтологическая характеристика медийного текста. Во-вторых, эмоционализация далеко не всегда вытесняет критическое и аналитическое восприятие действительности. Напротив, маркеры эмоционального состояния могут дополнять диктумную составляющую и рациональные репрезентации, как мы можем увидеть это в факт-ориентированных текстах о науке для детей. В-третьих, эмоционализация не обязательно имеет отрицательный аксиологический статус и манипулятивную направленность. Эмоционализацию можно рассматривать в терминах «позитивной пропаганды», то есть стратегических действий СМИ, которые имеют положительное воздействие на общество [Buşu, Teodorescu, Gifu 2014].

Сфера науки и научного знания представляет собой глубоко рационализированную область социальных практик, о чем свидетельствует набор аргументативных тактик, применяемых при актуализации агональности. Обращение к логике, причинно-следственным связям, обоснование исходных положений — все это имеет отношение исключительно к рациональному типу мышления. В то же время научная сфера как объект репрезентации, помещенный в медийную рамку, приобретает характеристики объекта, способного вызвать эмоциональный отклик как у людей, непосредственно вовлеченных в научную деятельность, так и у сторонних наблюдателей.

Рассмотренные тексты о науке в детских журналах содержат значительное количество лексических маркеров эмоционального состояния и эмоционального отношения. Ключевой эмоцией, конструируемой в текстах, выступает удивление. Л. Г. Бабенко так описывает типовую семантику удивления в словаре-тезаурусе эмотивной лексики: «Чувство, вызываемое обычно сильным впечатлением от того, что поражает неожиданностью, странностью или непонятностью. Объект — источник удивления — нечто необычное, нелепое, необыкновенное, то, что нечасто встречается в реальной повседневной жизни, не является обыденным явлением, событием, предметом и др. и поражает своими признаками, формой, интенсивностью, особенностями протекания разных процессов действительности» [Бабенко 2021: 157–158].

В одном из журнальных материалов встречаем описание того, как эмоция удивления, вызванная странным физическим явлением (в тексте — *чудо*), становится базисом для научных открытий.

(7) *А началось-то все с чего? С удивления, отчего фосфор вдруг перестал светиться. С небольшого чуда в колбе, за которым зоркий глаз ученого разглядел важнейший закон природы*¹⁸.

В числе лексических маркеров удивления обнаруживаем: *поразительно, удивление, удивительный, недоумение, непонятный, захватить* (в значении увлечь),

¹⁸ Пионер (1987). № 1.

необыкновенный, неожиданный, загадочный, чудо, причуды, чертовщина. Почти все эти лексемы или производные от них включены в словарь эмотивной лексики [Бабенко 2021] как репрезентанты эмоционального состояния, отношения, воздействия и характеристики, которые связаны с удивлением. Эмотивные маркеры могут выступать предикатами как изучаемых природных явлений (примеры 8–10), так и научных разработок и открытий (примеры 11 и 12).

(8) *Секрет удивительной сверхпрозрачности океанской воды пока не открыт, хотя и предлагаются разные гипотезы...*¹⁹; (9) *Космонавты нередко наблюдают явления, природа которых непонятна*²⁰; (10) *Реакция гаснет каждый раз при разном давлении воздуха. Чертовщина какая-то!*²¹; (11) *Нет сомнений, что будут открыты новые, неожиданные свойства голограмм*²²; (12) *И вот пришел 1987 год — год удивительных открытий*²³.

Удивление как эмоциональное состояние характеризует субъекта научной деятельности (ученого, испытателя, космонавта).

(13) *Такая водная толща, согласно законам физики, абсолютно непрозрачна! Было от чего прийти в недоумение ученым*²⁴; (14) *<...> этот кадр поставил меня в трудное положение*²⁵.

Удивление может быть выражено метатекстовой конструкцией, которая в таком случае транслирует эмоциональное отношение автора к описываемому явлению или ситуации в целом.

(15) *Поразительно, сколь разные явления оказались связанными друг с другом одним и тем же законом*²⁶.

Сопровождающее научную работу удивление нередко связано с неизвестностью, нераскрытой тайной, загадкой, и семантика непонятного и непознанного реализуется как лексически, так и речевыми способами через антитезы, риторические вопросы и вопросно-ответные ходы. Диалогический характер последних вовлекает в сферу эмоциональных переживаний и читателя.

(16) *И все упорнее начинают связываться эти новые открытия с тайнами недр — с глубинными механизмами*²⁷; (17) *Наука знает много... Однако далеко не всё*²⁸; (18) *Что-то ждет впереди полярников? Пожелаем же им удачи!*²⁹; (19) *Что это было? Никто не знает...*³⁰

Таким образом, для медиатизированных репрезентаций мира науки и научной деятельности в советских детских журналах характерен модус эмоциональной экспрессии, который дополняет строго рациональную диктумную составляющую публикаций о явлениях природы, научных открытиях и людях науки. Ключевой эмоцией научной сферы выступает удивление, которое репрезентировано как необходимое

¹⁹ Костер (1989). № 4.

²⁰ Костер (1989). № 4.

²¹ Пионер (1987). № 1.

²² Костер (1988). № 7.

²³ Пионер (1987). № 9.

²⁴ Костер (1989). № 4.

²⁵ Костер (1989). № 4.

²⁶ Пионер (1987). № 1.

²⁷ Костер (1988). № 9.

²⁸ Пионер (1986). № 9.

²⁹ Костер (1989). № 8.

³⁰ Костер (1989). № 4.

качество людей науки, увлеченных своим делом и желающих познать тайны природы. Окружающему миру же присваивается свойство быть неисчерпаемым источником удивления, ведущего к открытиям и прогрессу. Детские журналы транслируют модель мира, в которой научная деятельность — это не только строгий и формализованный процесс рационального познания, но и источник положительных эмоциональных переживаний. Модус эмоциональной экспрессии обусловлен, с одной стороны, задачами медиатекста, предназначенного для юного читателя, его заточенностью на привлечение и удержание внимания. С другой стороны, это стратегически выверенная репрезентация науки, направленная на популяризацию не только знаний, но и самой сферы деятельности, что соответствует Программе КПСС.

Идеологизация научных практик в медиа

Наука в Советском Союзе никогда не была полностью свободна от идеологического контроля. Исследователи советского прошлого утверждают, что «почти сразу после установления советской власти отечественная наука попала под жесткий идеологический надзор правящей партии» [Яковлев 2017: 76–77]. Проявления такого контроля включали запреты на некоторые направления научных исследований (например, кибернетику), репрессии и высылку многих ученых, в том числе представителей естественно-научного и гуманитарного знания, пресечение инакомыслия в исторической науке [Никонова 2015]. Иными словами, «определение правильного научного пути осуществлялось по соображениям политического характера» вплоть до конца 1980-х годов [Яковлев 2017: 77].

Другой стороной государственного контроля была стратегически и идеологически выстроенная популяризация научного знания, в том числе через детские журналы. Идеологизация научной сферы в представлении для детей имела свои рекуррентные формы выражения, и, следовательно, можно говорить об их типичности.

1. Публикации содержат информацию об отечественных научных исследованиях, а обращение к истории науки или зарубежным достижениям образует фон для представления советских достижений. Идеологическим маркером выступают многочисленные употребления **номинативного словосочетания «советские ученые»**. При этом нередко подчеркивается сложность решенной задачи и роль советских ученых как первопроходцев.

(20) *Теперь в этих случаях на помощь врачу придет цветной «термометр». Сделали его **советские ученые**³¹; (21) *Ответить на этот вопрос оказалось чрезвычайно трудно. После множества неудачных попыток это сделали **советские ученые** из Института теоретической и экспериментальной физики³².**

В приведенных примерах стоит обратить внимание и на синтаксическую структуру предложений, а именно на тема-рематическое членение. Ремой предложений, которая несет новую информацию и на которую падает логическое ударение, выступает субъект — советские ученые.

2. Использование ряда **идеологем**, характерных для советского политического дискурса и не имеющих прямого отношения к науке, добавляет текстам о науке до-

³¹ *Пионер* (1987). № 7.

³² *Пионер* (1982). № 9.

полнительный идеологический подтекст и сигнализирует об их соответствии официальной политической линии. Идеологема, по определению Г. Ч. Гусейнова, — это «минимальный отрезок письменного текста или потока речи, предмет или символ, который воспринимается автором, слушателем, читателем как отсылка — прямая или косвенная — к метаязыку или к воображаемому своду мировоззренческих норм и фундаментальных идейных установок, которыми должно руководствоваться общество» [Гусейнов 2004: 28].

В числе обнаруженных идеологем, отсылающих читателей к советским идейным установкам, следующие: *Коммунистическая партия; съезд Коммунистической партии; пятилетка; народное хозяйство; Леонид Ильич Брежнев; Запад; лозунг Миру — мир!* и др. Роль партии и ее руководителя представлена как ведущая в принятии решений относительно развития технологий, хотя очевидно, что съезд как орган руководства партией некомпетентен в добыче угля и любых других инженерно-технических вопросах.

(22) *На XXV съезде Коммунистической партии решено было по-новому добывать уголь в Канско-Ачинском бассейне*³³.

В другом тексте автор, объясняя принцип работы жидкокристаллического циферблата, проводит аналогию между действиями молекул в жидком кристалле и людьми на большом поле, выстраивающимися так, что появляются слова «Миру — мир!»³⁴. Широко известный и часто воспроизводимый в публичном пространстве СССР лозунг «Миру — мир!» связывает сферу науки со сферой идеологии и узнаваемой читателями идейной установкой, имплицитно маркируя «советскость» науки. Воспроизведение лозунга выполняет не только прагматическую функцию в рамках объяснения принципов работы устройства, но и способствует поддержанию озвученных идеологических принципов.

3. Эксплицитные или имплицитные **сравнения советской науки с зарубежной** дискурсивно конструируют ее особый статус, который определяется рядом характеристик:

— советская наука идет в ногу со временем и вписывается в мировой контекст.

(23) *Работа по созданию одной из первых синтетических тканей проводилась в Нью-Йорке и Лондоне одновременно. <...> Другой материал, разработанный химиками Германской Демократической Республики (сокращенно ГДР, или по-немецки произносится ДДР), назвали в честь нее «дедерон». А синтезированную у нас ткань назвали первыми буквами создавшего ее учреждения: Лаборатории высокомолекулярных соединений Академии наук СССР. Ты, наверное, уже расшифровал, что это всем известный «лавсан»*³⁵;

— некоторые отрасли советской науки и их практические разработки занимают передовые позиции в мире.

(24) *По примеру советских «шахт будущего» такие станции подземной газификации строят ныне во многих других странах — в США, ФРГ, Польше, Бельгии, Японии, Италии. Всюду*³⁶.

Акцент на прорывных достижениях Советского Союза соответствует духу Программы КПСС, которая утверждала, что «выдающихся успехов добились со-

³³ *Пионер* (1982). № 9.

³⁴ *Пионер* (1987). № 7.

³⁵ *Пионер* (1988). № 2.

³⁶ *Пионер* (1982). № 9.

ветская наука и техника. В Советском Союзе построены первая атомная электростанция и первый атомный ледокол, запущен первый искусственный спутник Земли, стартовал первый космический корабль с человеком на борту»³⁷;

— русские ученые и их последователи в советской науке беззаветно преданы делу и способны предвосхитить ход научной мысли.

(25) *Большинство зоологов в те времена просто разглядывали и описывали неизвестных зверей. Северцов же этим не ограничивался, он искал законы, которые управляют строением и поведением живых существ. <...> Позднее выяснилось, что он вместе с другими первопроходцами начинал строить учение, важность которого оценили лишь в наше время. Всем теперь известно слово «экология» — наука об организации живых сообществ*³⁸; (26) *Николай Алексеевич перенял увлеченность зоологией от отца — и передал ее сыну. Сын, Алексей Николаевич, стал крупным советским биологом, академиком*³⁹.

Выделенные идеологические маркеры характеризуют 25 публикаций (32,89 %) из 76. Этот показатель свидетельствует о наличии идеологической рамки, в которую помещались факты из научной сферы. Советские журналы для детей не только транслировали научное знание, но и создавали идеологически нагруженные репрезентации советской науки, которые соответствовали государственной политике. В то же время многие материалы были свободны от идеологизации и выполняли исключительно образовательную функцию.

Выводы

Материалам о науке отводится важное место в советских детских журналах 1980-х годов, причем основная часть публикаций касается точных и естественно-научных отраслей. Тексты разных жанров, объемов и форматов, посвященные научно-практическим достижениям, нерешенным спорным вопросам и людям науки, имеют базовую функцию научно-популярных текстов: достоверная научная информация передается от специалиста неспециалистам. При этом статус эксперта гарантирован его общественным признанием, должностью, научными регалиями, которые эксплицитно указываются для легитимизации предоставляемой информации. Включенность в тексты публикаций тактик аргументации, характерных для академической коммуникации, маркирует их принадлежность к научной коммуникации и одновременно создает репрезентацию научной среды и принципов научного исследования. Таким образом, происходит перенос взрослых социальных практик на страницы детского журнала.

Медийный формат представления научных социальных практик предопределяет такие характеристики репрезентаций, как широкое использование мультимодальных комплексов и средств визуализации, выполняющих одновременно и объяснительную, и развлекательную функции. Кроме того, глубоко рационализированная сфера науки дискурсивно конструируется в медиа как источник эмоциональных переживаний. При этом ключевой эмоцией выступает удивление,

³⁷ Новая редакция Программы КПСС. (1986). Электронный ресурс <http://музейреформ.рф/node/14030>.

³⁸ *Пионер* (1986). № 9.

³⁹ *Пионер* (1986). № 9.

вызванное природными явлениями и научными открытиями, а носителями удивления являются сами ученые и авторы текстов, вовлекающие в сферу своих переживаний читателя. Диктумная составляющая дополняется модусом эмоциональной экспрессии, который создается целым рядом лексем-репрезентантов, маркеров удивления, а также оценочными элементами и стилистическими приемами (оценочная лексика, метафоры, эпитеты).

Поскольку общественные практики имеют взаимопроникающий характер, репрезентации научных социальных практик в детских медиа содержат маркеры идеологизации, что свидетельствует о сохранении основной функции печатных изданий «Пионер» и «Костер» — быть печатным органом ЦК ВЛКСМ, общественно-политическим журналом, инструментом диалога между властью и подрастающим поколением. Поколение юных читателей воспитывалось в рамках стратегически выверенных идейных установок, соответствующих государственной политике и Программе КПСС, в том числе и относительно науки: советская наука признавалась передовой, имеющей богатые традиции и идущей в ногу со временем, а советские ученые — энтузиастами своего дела, достойными уважения. В идеологизации задействованы советские идеологемы и приемы сравнения, а проблемные стороны научных практик не затрагиваются.

Таким образом, можно говорить о конвергенции научного, медийного и политического типов дискурса, происходящей в процессе представления научных практик в советских детских журналах. Результирующие репрезентации выступают средством социального регулирования и создания аксиологических установок у подрастающего поколения, поддерживают идейные ориентиры, формируют научную и идеологическую картину мира.

Литература

- Абрамов, Р.Н., Кожанов, А.А. (2015). Концептуализация феномена Popular Science: модели взаимодействия науки, общества и медиа. *Социология науки и технологий*, 6 (2), 45–59.
- Бабенко, Л.Г. (2021). *Алфавит эмоций: словарь-тезаурус эмотивной лексики*. Екатеринбург. М.: Кабинетный ученый.
- Багян, А.Ю. (2014). Сущностные свойства и основные характеристики научно-популярного дискурса. *Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета*, 3, 81–86.
- Блохина, Я.А. (2022). Тематическая характеристика журнала «Пионер» как источника репрезентаций советского общества. *Политическая лингвистика*, 2 (92), 172–182.
- Большакова, О.В. (Ред.). (2014). Предисловие: История науки — история страны. В *Наука в СССР: Современная зарубежная историография* (с. 5–14). М.: ИНИОН РАН.
- Гусейнов, Г.Ч. (2004). *Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х*. М.: Три квадрата.
- Данкова, Н.С. (2016). Стратегия эмоционализации как средство репрезентации судебной власти в российских и английских печатных СМИ. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион*, 4 (40), 102–114.
- Емельянова, Н.Н. (2018). Научная информация в масс-медиа: специфика генерации и воспроизводства. *Философия науки и техники*, 23 (1), 128–140.
- Капустина, Г.Л. (2014). *Современная детская газета как тип издания*. Дис. ... канд. филол. наук. Тамбов.
- Кириллов, А.А. (2012). Наука и медиа: история и современность. *Гуманитарные и социально-экономические науки*, 1, 8–13.
- Кондратенко, А.И. (2014). Молодежная и детская пресса Орловской губернии в 1920-е годы. *Ученые записки Орловского государственного университета*, 5, 228–234.
- Костяшина, Е.А. (2010). Дискурсивная организация картины мира научно-популярного медицинского журнала. *Вестник Томского государственного университета*, 3 (11), 41–47.

- Кравченко, А. В. (2015). Дети и политика десталинизации: рассказ о сталинизме на страницах журнала «Пионер» (1985–1995 гг.). *Журнал исследований социальной политики*, 13 (3), 377–390.
- Маругина, Н. И. (2018). Дискурс журнала «Пионер» как средство социализации детей и юношества советского периода. В О. М. Коморникова, С. А. Парфенова, Н. Ф. Чипинова (Ред.), *Молодежные движения и организации XX века (к столетию образования ВЛКСМ): материалы Всероссийской очно-заочной научно-практической конференции с международным участием* (с. 154–157). Шадринск: Шадринский государственный педагогический университет.
- Мусорина, О. А., Дубровская, Т. В. (2022). Советская детская печать как средство медиатизации советских образов культур: аналитический обзор. *Вопросы теории и практики журналистики*, 11 (2), 249–263.
- Мушинова, Н. А. (2016). Военно-патриотическое воспитание школьников накануне и в начальный период Великой Отечественной войны (по материалам журнала «Пионер»). В В. А. Кудинов (Ред.), *Детское и молодежное движение: история и современность: материалы междунар. науч.-практ. конф.* (с. 41–43). Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова.
- Никонова, С. И. (2015). Историческая наука в последние десятилетия советской власти (1960–1980-е гг.). *Современные проблемы науки и образования*, 2 (2), 651.
- Пастухов, А. Г. (2018). Освещение научной проблематики в немецкоязычном медиатексте: жанровые особенности. *Современные лингвистические и методико-дидактические исследования*, 1 (37), 130–146.
- Соловьянова, Е. В. (2021). *Агональность в академическом дискурсе*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж.
- Чернявская, В. Е. (2005). *Интерпретация научного текста*. М.: КомКнига.
- Яковлев, Д. А. (2017). Наука и идеология в советском государстве. *Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России*, 2 (12), 76–79.
- Якуба, Э. В. (2014). Эмоции и СМИ в эпоху постмодерна. *Известия вузов. Северо-Кавказский регион*, 2, 10–15.
- Balina, M., Oushakine, S. (Ред.). (2021). *The Pedagogy of Images: Depicting Communism for Children*. Toronto: University of Toronto Press.
- Beacco, J.-C., Claudel, C., Doury, M., Petit, G., Reboul-Touré, S. (2002). Science in media and social discourse: new channels of communication, new linguistic forms. *Discourse Studies*, 4 (3), 277–300.
- Buşu, O.-V., Teodorescu, M., Gifu, D. (2014). Communicational positive propaganda in democracy. *International Letters of Social and Humanistic Sciences*, 27, 82–93.
- De la Fe, L. (2013). *Empire's Children: Soviet Childhood in the Age of Revolution*. PhD thesis. Электронный ресурс <https://digitalcommons.fiu.edu/etd/812>.
- Dobrosklonskaya, T. G. (2021). Markers of emotionality in Russian news coverage of the 75th anniversary of WWII Victory. *Russian Journal of Linguistics*, 25 (3), 705–722.
- Fairclough, N. (2004). *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London; New York: Routledge.
- Sowińska, A., Dubrovskaya, T. (2012). Discursive strategies in the media construction of Poland, Russia and the USA in the context of the debate on the US antiballistic missile defense shield in Polish and Russian quality papers. In W. Skrzypczak, T. Fojt, S. Waciewicz (Eds.), *Exploring Language through Contrast* (с. 268–287). Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.
- Zappettini, F., Ponton, D. M., Larina, T. V. (2021). Emotionalisation of contemporary media discourse: A research agenda. *Russian Journal of Linguistics*, 25 (3), 586–610.

Статья поступила в редакцию 10 января 2023 г.;
рекомендована к печати 14 апреля 2023 г.

Контактная информация:

Дубровская Татьяна Викторовна — д-р филол. наук, доц.; gynergy74@gmail.com

«...It was done by Soviet scientists»: Representations of scientific social practices in Soviet magazines for children (the 1980s)*

T. V. Dubrovskaya

Penza State University,
40, ul. Krasnaya, Penza, 440026, Russian Federation
Belgorod State National Research University,
85, ul. Pobedy, Belgorod, 308015, Russian Federation

For citation: Dubrovskaya T. V. (2023). «...It was done by Soviet scientists»: Representations of scientific social practices in Soviet magazines for children (the 1980s). *Media Linguistics*, 10 (3), 357–375. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.305> (In Russian)

The author explores the texts of Soviet periodicals for children and sets the task to reveal how science is represented in relation to state policy, as well as defining the semiotic resources that convey grown-ups' social practices to children's audience. Methodologically, the study builds on content analysis and discourse analysis of the publications drawn from the magazines "Pioneer" and "Kostyor". It has been found that publications on science occupied an important place in the magazines, sections on science were regular, and most of them had exact and natural sciences as their subject. Specific features of representations have been discovered, including references to experts' opinions, channeling of agonality, emotions and ideologies. The validity of scientific information provided was guaranteed by the expert status of the author or commentator: their professionalism and public recognition. The texts contained argumentation tactics that were typical of academic communication, and thus, grown-ups' social practices were transferred to children's magazines. The author claims that the rational sphere of science was discursively constructed as a source of emotional experience, specifically — the feeling of wonder. The factual component was complemented by the emotional modus and actualized through the lexical markers of wonder, evaluative elements and stylistic devices. The journals were used as an instrument of dialogue between the state and a younger generation, and the representations of scientific social practices contained markers of ideology. The author claims that convergence of scientific, media and political discourses is taking place in the process of representation of scientific practices. The resulting representations build axiological attitudes of a younger generation, maintain ideological guidelines, and determine a scientific and ideological worldview.

Keywords: children's periodicals, Soviet, science, representation.

References

- Abramov, R. N., Kozhanov, A. A. (2015). Conceptualization of the Popular Science Phenomenon: Models of interaction between science, society and the media. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 6 (2), 45–59. (In Russian)
- Babenko, L. G. (2021). *The alphabet of emotions: thesaurus of lexis of emotions*. Ekaterinburg; Moscow: Kabinetnyi uchenyi Publ. (In Russian)
- Bagijan, A. Yu. (2014). Essential properties and main characteristics of popular science discourse. *Vestnik Piatigorskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 3, 81–86. (In Russian)
- Balina, M., Oushakine, S. (Eds). (2021). *The Pedagogy of Images: Depicting Communism for Children*. Toronto: University of Toronto Press.
- Beacco, J.-C., Claudel, C., Doury, M., Petit, G., Reboul-Touré, S. (2002). Science in media and social discourse: new channels of communication, new linguistic forms. *Discourse Studies*, 4 (3), 277–300.
- Blokhina, Ia. A. (2022). Thematic characteristics of the magazine "Pioneer" as a source of representations of Soviet society. *Politicheskaya lingvistika*, 2 (92), 172–182. (In Russian)
- Bol'shakova, O. V. (Ed.). (2014). Introduction: History of science — history of the country. In *Nauka v SSSR: Sovremennaya zarubezhnaya istoriografiya* (pp. 5–14). Moscow: INION RAN Publ. (In Russian)

* The research was done with the support of Russian Science Foundation, project no. 22-28-00775 "Mediatized model of the Soviet society in children's periodicals", <https://rscf.ru/project/22-28-00775/>.

- Buşu, O.V., Teodorescu, M., Gifu, D. (2014). Communicational positive propaganda in democracy. *International Letters of Social and Humanistic Sciences*, 27, 82–93.
- Cherniavskaia, V.E. (2005). *Interpretation of a scientific text*. Moscow: KomKniga Publ. (In Russian)
- Dankova, N.S. (2016) Strategy of emotionalisation as a means of representation of judicial power in Russian and English print media. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region*, 4 (40), 102–114. (In Russian)
- De la Fe, L. (2013). *Empire's Children: Soviet Childhood in the Age of Revolution*. PhD thesis. Retrieved from <https://digitalcommons.fiu.edu/etd/812>.
- Dobrosklonskaya, T.G. (2021). Markers of emotionality in Russian news coverage of the 75th anniversary of WWII Victory. *Russian Journal of Linguistics*, 25 (3), 705–722.
- Emel'ianova, N.N. (2018). Scientific information in mass media: specifics of production and re-production. *Filosofia nauki i tekhniki*, 23 (1), 128–140. (In Russian)
- Fairclough, N. (2004). *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London; New York: Routledge.
- Guseinov, G.Ch. (2004). *Soviet ideologemes in the Russian discourse of the 1990s*. Moscow: Tri kvadrata Publ. (In Russian)
- Iakovlev, D.A. (2017). Science and ideology in the Soviet state. *Traditsionnye natsional'no-kul'turnye i dukhovnye tsennosti kak fundament innovatsionnogo razvitiia Rossii*, 2 (12), 76–79. (In Russian)
- Iakuba, E.V. (2014). Emotions and media in the postmodern epoch. *Izvestiia vuzov. Severo-Kavkazskii region*, 2, 10–15. (In Russian)
- Kapustina, G.L. (2014). *Modern children's newspaper as a type of publication*. PhD thesis. Tambov. (In Russian)
- Kirillov, A.A. (2012). Science and the media: history and modernity. *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki*, 1, 8–13. (In Russian)
- Kondratenko, A.I. (2014). Youth and Childrens Press in Orel Region in the 1920s. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 5, 228–234. (In Russian)
- Kostiashina, E.A. (2010). Discursive organization of the worldview in a scientific-popular medical magazine. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3 (11), 41–47. (In Russian)
- Kravchenko, A.V. (2015). Children and De-Stalinization policies: varratives about Stalinism in the “Pioneer” Magazine (1985–1995). *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki*, 13 (3), 377–390. (In Russian)
- Marugina, N.I. (2018). Discourse of the “Pioneer” magazine as a means of socializing children and youth in the Soviet epoch. In O.M. Komornikova, S.A. Parfenova, N.F. Chipinova (Eds), *Molodezhnye dvizheniia i organizatsii XX veka (k stoletiiu obzhzovaniia VLKSM): materialy Vserossiiskoi ochno-zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* (pp. 154–157). Shadrinsk: Shadrinskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet Publ. (In Russian)
- Mukhinova, N.A. (2016). Military-Patriotic Education of Schoolchildren the Day Before and in an Initial Period of Great Patriotic War (based on the “Pioneer” magazine). In V.A. Kudinov (Ed.), *Detskoe i molodezhnoe dvizhenie: istoriia i sovremennost': materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* (pp. 41–43). Kostroma: KGU im. N.A. Nekrasova Publ. (In Russian)
- Musorina, O.A., Dubrovskaya, T.V. (2022). Mediatization of Soviet cultural patterns in Soviet print media for children: Analytical Review. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 11 (2), 249–263. (In Russian)
- Nikonova, S.I. (2015). Historical studies in the last decades of the Soviet rule (the 1960–1980s). *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 2 (2), 651. (In Russian)
- Pastukhov, A.G. (2018). Science coverage in German language media texts: specifics of genre. *Sovremennye lingvisticcheskie i metodiko-didakticheskije issledovaniia*, 1 (37), 130–146. (In Russian)
- Solov'ianova, E.V. (2021). *Agonality in academic discourse*. Abstract PhD thesis. Voronezh. (In Russian)
- Sowińska, A., Dubrovskaya, T. (2012). Discursive strategies in the media construction of Poland, Russia and the USA in the context of the debate on the US antiballistic missile defense shield in Polish and Russian quality papers. In W.Skrzypczak, T.Fojt, S.Wacewicz (Eds), *Exploring Language through Contrast* (pp. 268–287). Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.
- Zappettini, F., Ponton, D.M., Larina, T.V. (2021). Emotionalisation of contemporary media discourse: A research agenda. *Russian Journal of Linguistics*, 25 (3), 586–610.

Received: January 10, 2023

Accepted: April 14, 2023

Author's information:

Tatiana V. Dubrovskaya — Dr. Sci. in Philology, Associate Professor; gynergy74@gmail.com

Особенности репрезентации медиаобраза науки (на материале регионального новостного сетевого издания 1obl.ru)

Н. В. Мамонова

Челябинский государственный университет,
Российская Федерация, 454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

Для цитирования: Мамонова Н.В. (2023). Особенности репрезентации медиаобраза науки (на материале регионального новостного сетевого издания 1obl.ru). *Медиалингвистика*, 10 (3), 376–393. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.306>

Статья посвящена выявлению особенностей речевой репрезентации медиаобраза науки в официальном новостном сетевом издании Челябинской области, освещающем события промышленного российского региона. В качестве объекта исследования послужили новостные медиатексты регионального новостного портала 1obl.ru, отобранные методом систематической выборки, релевантные ключевому слову «наука». Специфика формирования медиаобраза науки Южного Урала анализируется с использованием частотного и нечастотного контент-анализа. Единица анализа — частотные лексемы текстового корпуса, релевантные теме «наука». Для реализации частотного контент-анализа используется автоматическая семантическая обработка исследуемого материала, позволяющая выявить дискурсивные особенности, ядерные и периферийные смысловые конструкции исследуемого концепта, передающие частотные паттерны поведения и культурно-ценностные ориентиры. В качестве инструментария используется программа автоматического семантического анализа Miratext. Статистический анализ отобранного материала представляется в виде лексического облака, позволяющего судить о частотности употреблений лексем в данном материале, в виде диаграммы популярности лексических единиц, диаграммы медианы плотности словосочетаний из двух слов, таблицы данных статистики словоупотреблений. Нечастотный контент-анализ предусматривает определение языковых и когнитивных механизмов, с помощью которых представляется медиаобраз науки, эмоционально-ценностных характеристик, определяющих значимые смысловые компоненты, входящие в структуру концепта «наука» и, более того, проверяет точность вхождения в смысловые структуры концепта, а также исключает статистические погрешности автоматического семантического анализа. Анализ материала позволяет утверждать, что при медийном освещении научного потенциала региона следует учитывать эмоциональный фон подачи материала и сопряженные с ним коннотации. Это стимулирует включенность, заинтересованность и повышает грамотность регионального читателя в вопросах развития региональной науки, а также поднимает престиж региона. Разъяснительная функция медиопубликаций способствует принятию государственных приоритетов в сфере науки и закреплению ценностных ориентиров в языковом сознании читателя региональных медиаисточников. В выводах представляются выявленные особенности медиаобраза науки Южного Урала.

Ключевые слова: наука, регион, медиадискурс, медиаобраз, популяризация научного знания.

Постановка проблемы

На сегодняшний день в российском обществе на первый план выступили такие вопросы, как потребность в научных открытиях и дефицит научных кадров. В связи с этим в 2021 г. на государственном уровне были сформулированы основные цели популяризации и продвижения научного знания, а именно: привлечение талантливой молодежи, повышение вовлеченности профессионального сообщества в научно-технологическое развитие РФ и формирование у граждан нашей страны четкого представления о реализуемых государством и бизнесом инициативах¹.

Для реализации данных целей требуется последовательное и систематичное освещение российского научно-технологического развития в средствах массовой информации с целью формирования положительного медиаобраза науки. Одной из важнейших задач популяризации науки является «продвижение нового знания в целях возможного его использования» [Дускаева 2022: 94].

Актуален вопрос экспертного мнения, а также широко распространенного на текущий момент противоположного феномена псевдоэкспертности. Авторы Т. К. О'Брайен, Р. Палмер, Д. Альбаррасин в ходе экспериментов доказывают, что люди с более высоким доверием к науке уязвимы пред дезинформацией, содержащей псевдонаучный контент, где простое наличие научных ярлыков в медиаконтенте способствует вере в дезинформацию и повышает вероятность ее распространения [O'Brien, Palmer, Albarracín 2021].

Так, М. В. Шматко отмечает, что российские СМИ «активно транслируют, формируют образ знания, альтернативный научному» [Шматко 2008: 180]. Более того, «расширяющаяся практика создания информационных продуктов, пропагандирующих антинауку — под видом науки или в качестве ее альтернативы, — способствует размыванию образа науки, созданию в массовом сознании искаженных представлений о науке» [Шматко 2008: 181].

В частности, Н. Н. Болдырев и Т. Н. Ефименко справедливо замечают, что с целью привлечения внимания «наибольшего числа пользователей... авторы новостных сообщений прибегают к явному манипулированию массовой аудиторией с помощью заголовков за счет выдвижения на передний план неоднозначной оценивающей составляющей в своей интерпретации в том числе научных данных» [Болдырев, Ефименко 2022: 364].

Появление в медиaprостранстве большого количества псевдоэкспертов в области науки создает искаженную картину мира, что способствует формированию негативного медиаобраза науки и влечет каскады неблагоприятных последствий для научно-технологического развития страны и регионов.

Таким образом, чрезвычайно актуальным представляется медиареализация государственных векторов развития через траекторию популяризации научного знания в средствах массовой информации, в том числе и на региональном уровне, непосредственно формирующая языковое сознание регионального обывателя.

---

¹ Год науки и технологий. 2021 год был объявлен президентом России Годом науки и технологий (2021). *Национальные приоритеты*. Электронный ресурс <https://национальныеприоритеты.рф/projects/godnauki/>.

История вопроса

Исследователи выделяют ряд функций популяризации научного знания. С точки зрения эффективности продвижения научных идей в цифровой медиасреде П. И. Рысакова пишет о необходимости повышения медиаграмотности аудитории, гибком использовании «медийных фреймов научного знания, расширении аудитории научной коммуникации и преодолении предубеждений относительно новых научных достижений» [Рысакова 2022: 323].

Анализируя методологические особенности популяризации науки, Н. Гай и Дж. Ло Дико также уделяют особое внимание объяснению основных эпистемологических понятий для аудитории, созданию ценного образа научного открытия, несмотря на его вероятностный характер, принятию во внимание потребностей аудитории, для которой предназначена информация, изложению стратегии исследования и его цели [Gaj, Lo Dico 2021]. Иначе говоря, уровень знаний потребителя научного медиаконтента имеет значение.

Эта идея подтверждается в исследовании Л. С. Дэвиса, Б. Леона, М. Бурка, В. Финклера. Ученые приходят к выводу, что при потреблении научного контента респонденты отдают предпочтение повествованию с изложением научного материала, причем люди без университетского образования предпочитают информационно-развлекательную подачу материала [Davis, León, Bourk et al. 2020].

Опираясь на основные положения когнитивного подхода к изучению языка и теории языковой интерпретации, Н. Н. Болдырев и Т. Н. Ефименко полагают, что интерпретация научного знания в СМИ «основана на реализации ее трех основных функций: селективной, классифицирующей и оценочной», что позволяет медиаисточникам реализовывать «функции информирования, разъяснения, просвещения и популяризации научного знания... благодаря использованию когнитивных (профилирование, генерализация и конкретизация) и языковых (нетерминологической, популярно-терминологической и оценочной номинации) механизмов» [Болдырев, Ефименко 2022: 365]. Исходя из полученных авторами данных, следует полагать, что эффективность предполагаемого взаимодействия между автором медиаконтента и читателем определяется некоторым преднамеренным искажением научного знания с целью устранения дисбаланса между уровнем эксперта и степенью восприятия и оценки знаний реципиентом.

Важно подчеркнуть, что уровень знаний аудитории, если быть точнее, когнитивные и ценностные установки самих пользователей, а также коммуникативные намерения автора медиаконтента определяют принятие или непринятие научной коммуникации аудиторией в медиадискурсе [Болдырев, Ефименко 2022: 360–361; Рысакова 2022: 323]. Все эти факторы необходимо учитывать при формировании медиаобраза науки в языковом сознании реципиентов медиадискурса.

Привлекает внимание подход к исследованию научно-популярных медиатекстов Л. Р. Дускаевой, при котором трактуется возражение в качестве структурной единицы «полемиического речевого поведения в научно-популярной коммуникации, форма выражения которого обусловлена когнитивными и коммуникативными факторами» [Дускаева 2022: 106]. С этой точки зрения неравновесное, дискуссионное взаимодействие популяризатора и авторов концепции научного знания позволяет реализовать объяснительную функцию медиатекстов, популяризирующих науку.

Среди путей повышения популярности медиаконтента в цифровой среде Дж. Бергер и К. Милкман в своем исследовании отводят особую роль эмоциям, вызываемым медиаконтентом у читателей, и утверждают, что «позитивный контент более вирулентен, чем негативный» [Berger, Milkman 2012: 192]. Другими словами, популяризация научного знания может быть реализована через эмоциональную репрезентацию научных фактов.

Разноплановые подходы к репрезентации научного знания также применяются зарубежными учеными. Так, М. Чимба и Дж. Китцингер, А. А. Филлипс, К. Р. Уолш, К. Грейсон, К. Э. Пенни, Ф. Хусейн и другие женщины-ученые пишут о важности роли СМИ в формировании медиаобраза науки в гендерном аспекте в языковом сознании читателей [Chimba, Kitzinger 2010; Phillips, Walsh, Grayson et al. 2022]. К. П. Каллио, А. М. Хейккинен, Дж. Райдинг уделяют внимание взаимосвязи глобальных и локальных процессов в популяризации научного знания, а именно в работе исследователи обращают внимание на монолингвистическое развитие в науке и его недостатки, которые выражаются в глобальном неравенстве в области производства знаний для тех, кто не является носителем английского языка, и настаивают на языковом плюрализме в научной сфере [Kallio, Heikkinen, Riding 2021].

Все эти подходы в совокупности способствуют формированию траектории популяризации научного знания в средствах массовой информации, создают медиаобраз науки в языковом сознании читателей через медиаресурс. Важность таргетного формирования медиаобраза в языковом сознании общества, особенно среди молодежи, отмечают многие ученые. Так, «семантические и семиотические эффекты как саморепрезентации науки в собственной среде, так и презентации и репрезентации этой сферы в обществе оказывают заметное влияние на формирование образов восприятия науки, в том числе в среде молодых ученых, которые в силу возраста остаются представителями определенной группы общества» [Яковлева, Селезнева, Емельянова 2020: 211].

Медиаобраз как термин трактуется учеными по-разному: как «своеобразный пазл», «форма фрагмента мира, которая требует лишь индивидуально выбранных, “заточенных” под него других пазлов (адресатов)», делая тем самым картину мира устойчивее и шире, или как «репрезентированный в медиатекстах фрагмент информационной (медийной) картины мира; относительно устойчивая, непрерывно развивающаяся виртуальная модель того или иного объекта/явления действительности, конструируемая СМИ, которая как отражает, так и рефреймирует и/или формирует знания и представления адресата» [Хочунская 2013: 93; Малышева 2016: 136]. Медиаобраз дает возможность «личности в информационном обществе ощущать адекватную его представлениям и ценностям картину мира, позволяющую определять смысл жизни и конструировать эффективный жизненный сценарий» [Хочунская 2013: 93]. Медиаобраз характеризуется «стереотипностью», «утрированностью», «кратковременностью», «двойственностью» и «эмоциональностью» [Барабаш 2015]. Важную роль играет наличие оценочных номинаций при описании образа субъекта [Горина, Никульникова 2022].

Наиболее полно дается трактовка термина «медиаобраз» в лингвокогнитивном подходе, где он понимается как «совокупность когнитивных представлений о чем-либо, выраженных в медиатексте» [Драчева 2019: 18; Ильина, Драчева, Фишер и др. 2022]. Иначе говоря, *медиаобраз науки* определяется нами как некая совокупность

лингвокогнитивных представлений о науке и научном знании, встроенных в культурно-ценностную матрицу языкового сознания реципиента медиаконтента.

Изучение языковых особенностей и репрезентаций предполагает принятие во внимание не только наличия или отсутствия языковых элементов, а также их количественную составляющую в рамках исследуемого лингвистического материала. Контент-анализ представляет собой «метод сбора данных и анализа содержания текста», позволяющий сравнить множество текстов и проанализировать их с помощью количественной методики [Ньюман 1998: 120–121]. Данная трактовка контент-анализа понимается как частотная модель, по Е. Я. Таршису. Для реализации частотного контент-анализа целесообразно использовать автоматическую семантическую обработку исследуемого материала, включающую в себя токенизацию, морфологический и семантический анализ, «устанавливающий семантические отношения между словами текста и объединяющий языковые выражения» [Аношин 2017: 211].

Автоматический семантический анализ позволяет выявить дискурсивные особенности, ядерные и периферийные смысловые конструкции исследуемого концепта, передающие частотные паттерны поведения и культурно-ценностные ориентиры.

Наряду с частотной моделью контент-анализа существует нечастотная модель по В. Я. Проппу, в рамках которой исследуются «механизмы порождения текста», выявляются «имплицитные структуры содержания» [Таршис 2021: 72; Пропп 2001]. Оба данных метода (частотный и нечастотный контент-анализ) дополняют друг друга и позволяют объективно, качественно и в количественном выражении представить данные на основании исследования медиатекстов. Применение частотной и нечастотной моделей в совокупности способствует реализации наиболее полной концептуальной картины о науке и научном знании с помощью изучения медиадискурсивных практик.

Описание методики исследования

В работе в качестве инструментария используется программа автоматического семантического анализа Miratext в режиме полного семантического анализа текста по таким критериям, как плотность популярных слов, плотность всех слов, поиск словосочетаний и их плотность, медиана частотности словоупотреблений, генерирование лексического облака для наглядной демонстрации полученных данных и др.

За единицу измерения принимаются лексические единицы, репрезентированные в медиатекстах, релевантных ключевому слову «наука». Частотность употребления тех или иных лексем характеризует ядерные и периферийные смысловые компоненты исследуемого концепта. Нечастотный контент-анализ позволяет проверить точность вхождения в смысловые структуры концепта, исключая статистические погрешности автоматического семантического анализа.

На **первом этапе** данного исследования определяются цель и методы исследования, источник материала исследования, локальный сайт lobl.ru, транслирующий официальную точку зрения региональных государственных структур.

На **втором этапе** производится автоматический отбор медиатекстов через поисковое окно на сайте lobl.ru по релевантности ключевому слову «наука». Из по-

лученного корпуса текстов каждый пятый отбирается в качестве материала исследования. Таким образом, материалом для проведения контент-анализа служит 242 медиатекста за 2021–2022 гг. областного новостного портала 1obl.ru, официального регионального источника. Метод систематической выборки позволяет отобрать материал с высокой долей репрезентативности.

На **третьем этапе** определяются количественные характеристики исследуемого корпуса методом автоматического семантического анализа. В качестве объекта исследования выбираются наиболее частотные лексические единицы в полученном корпусе медиатекстов, релевантных ключевому слову «наука» на данном областном новостном портале. Генерация лексического облака наглядно демонстрирует частотность лексических единиц, связанных с темой «наука», позволяет визуально представить ядерную и периферийную зоны исследуемого концепта. Популярность иллюстрирует общую встречаемость данных словоформ в корпусе текстов. Медиана — это значение, разделяющее верхнюю часть выборки и нижнюю. Медиана более точно демонстрирует средние значения выборки в отличие от среднеарифметического и более устойчива к искажениям больших и малых значений. Автоматический семантический анализ выявляет доминирующие смысловые компоненты в медиаобразе науки согласно статистическим данным.

На **четвертом этапе** определяются языковые и когнитивные механизмы, с помощью которых представляется медиаобраз науки в данном региональном СМИ, его эмоционально-ценностные характеристики, в результате чего устанавливается точность вхождения наиболее значимых смысловых компонентов медиаобраза науки, выделенных при помощи автоматического семантического анализа на третьем этапе.

Данный подход на третьем и четвертом этапах исследования позволяет реализовать **цель** нашего исследования — выявить особенности речевой репрезентации медиаобраза науки в региональном официальном медиаисточнике Челябинской области 1obl.ru.

Анализ материала

Рассмотрим, как представлен концепт «наука» в областном сетевом издании 1obl.ru, определяющем медиаобраз науки в языковом сознании жителей Челябинской области. Для реализации поставленной цели автоматически обработанный текст представим в виде лексического облака, где в центре располагаются наиболее частотные лексемы, а в периферийной области — менее частотные (рис. 1).

В центральной части облака находятся такие лексемы, как *наука, новость*, топонимы *Челябинский, Челябинск*, что коррелирует с целенаправленно отобранным материалом.

Ниже представлена статистика словоупотреблений в частотных фразах (таблица).

Из представленных статистических данных следует выделить явно прослеживаемые смысловые доминанты в медиаобразе науки. Это *образование, челябинская наука, экология, медицина, русский язык, культура*.

Рассмотрим первые два компонента: *образование* и *челябинская наука*. Как показано в следующем примере (по материалам речи губернатора Челябинской области), концепт «наука» прежде всего ассоциирован со смысловыми компонентами

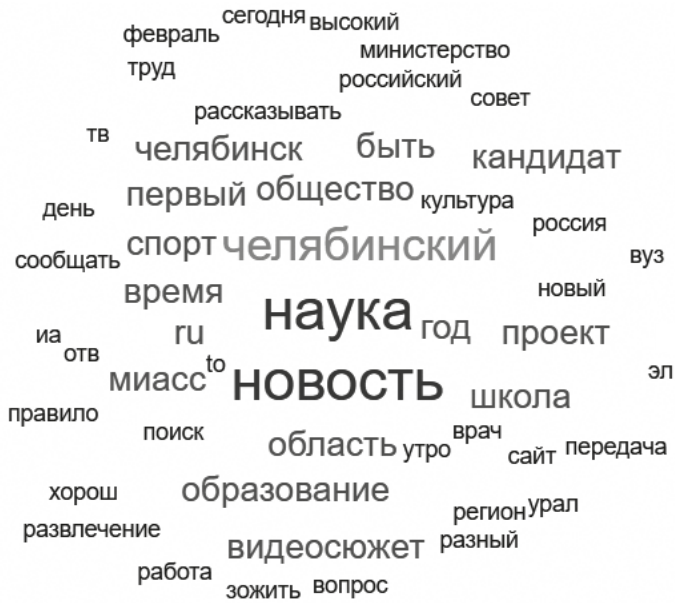

Рис. 1. Лексическое облако концепта «наука» по материалам официального регионального источника 1obl.ru

«развитие технологий» и «система образования»²: «...в первую очередь интеллектуальный и кадровый результат, то есть результат **системы образования**», — заметил Текслер. Благодаря **вузовской науке** Южный Урал уже преуспел в **развитии технологий**. Несколько наших **университетов** вошли в состав **Уральского научно-го центра** и работают...³; «...профессиональный праздник», — отметил Валерий Фальков. Установление профессионального праздника в 2021 году, объявленном президентом России **годом науки и технологий**, поможет **повысить престиж профессии преподавателя высшей школы**⁴.

Лексема «наука» зачастую сопряжена с лексемой «технологии», что непосредственно свидетельствует о крайней востребованности развития и появления новых технологий в регионе. Сюда же можно отнести смысловой конструкт «повысить престиж», где ценностный ориентир обозначен словосочетанием «престиж профессии преподавателя высшей школы», а функциональная нагрузка передается глаголом «повысить». Через использование популярно-терминологических номинаций («развитие технологий», «вузовская наука», «год науки и технологий») реализуется информативная функция медиадискурса. Лексические повторы «интеллектуальный и кадровый результат», «результат системы образования», глаголы «преуспел», «работают» создают положительный медиаобраз науки Южного Урала.

² В цитатах сохранено правописание источников.

³ Алексей Текслер назвал ключевые задачи в сфере образования на новый учебный год (2022). 1obl.ru. Электронный ресурс <https://www.1obl.ru/news/o-lyudyakh/aleksey-teksler-nazval-klyuchevye-zadachi-v-sfere-obrazovaniya-na-novyy-uchebnyy-god/>.

⁴ В России 19 ноября будет отмечаться День преподавателя высшей школы (2021). 1obl.ru. Электронный ресурс <https://www.1obl.ru/news/o-lyudyakh/v-rossii-10-noyabrya-budet-otmechatsya-den-prepodavatelya-vysshey-shkoly/>.

Таблица. Статистика словоупотреблений на материале корпуса текстов, релевантных ключевому слову «наука», официального регионального источника Iobl.ru

Фраза	Фразы	Популярность	Медиана
новость общество	новости общество	100	18
челябинский область	челябинской области, челябинская область, области челябинский, челябинскую область	98	15
время новость	время новостей, новостей время	78	12
министерство образование	министерства образования, министерство образования, министерстве образования, образования министерства	31	4
видеосюжет время	видеосюжеты время	29	4
наука челябинский	науки челябинской	29	5
зеленый передача	зеленая передача, зеленую передачу, зеленой передачи	26	3
медицинский наука	медицинских наук, медицинской науки, медицинские науки, медицинская наука	24	2
первый областной	первое областное, первый областной, первому областному, первого областного	22	3
совет врач	совет врача	20	2
быть вопрос	есть вопрос	18	3
ао обл	ао обл	18	3
русский язык	русского языка, русскому языку, русский язык	18	3
новость культура	новости культура	17	3
пресса служба	пресс службе, пресс служба	16	3
министр образование	министра образования, министр образования, министру образования	15	4
большой студия	большая студия, большой студии	15	2
простой правило	простые правила	15	4

Фраза	Фразы	Популярность	Медиана
область елена	области еленой, области елена	14	2
новость коронавирус	новости коронавирус	13	1
филологический наука	филологических наук	13	3
хорош песня	хорошие песни	12	2
экологика тик	экологика тик	12	2
миссия быть	миссия есть	12	2
спорт время	спорт время	12	2
миасс дикий	миасс дикий	12	2
урал дипломатический	урал дипломатическая	12	2
дикий урал	дикий урал	12	2
дипломатический миссия	дипломатическая миссия	12	2
общество происшествие	общество происшествия	12	2
уральный хлеб	уралым хлеба	12	2
врач народный	врача народная	12	2
песня экологика	песни экологика	12	2
поиск самоцвет	поисках самоцветов	12	2
зрелище хорош	зрелищ хорошие	12	2
г челябинск	г челябинск	12	2

Кроме того, смысловые конструкты «Уральский научный центр», «университеты», «интеллектуальный и кадровый результат» иллюстрируют целенаправленную деятельность региональных властей, обращенную на развитие научных направлений на локальном уровне.

Проблемы науки на международном уровне нашли свое отражение в региональных медиатекстах, например: ...*Все **российские вузы исключены** из Болонского процесса по решению Болонской группы. Об этом в понедельник, 6 июня, со ссылкой на замминистра науки и высшего образования РФ Дмитрия Афанасьева сообщает РИА Новости. 11 апреля Болонская группа объявила решение **прекратить** представительство...*⁵

Смысловый конструкт «российские вузы исключены» представляет собой структуру, где сочетание «российские вузы», рассматриваемое нами как ценность, которая символизирует определенный уклад/этап жизни, вносящий значимый

⁵ Все вузы России исключены из Болонского процесса (2022). *1obl.ru*. Электронный ресурс <https://www.1obl.ru/news/o-lyudyakh/vse-vuzy-rossii-isklyucheny-iz-bolonnskogo-protsesssa/>.

вклад в формирование мировоззрения молодежи, находится рядом с глаголами «исключены» и «прекратить», которые передают попытку резекции интеллектуального и кадрового потенциала российских вузов и ограничения возможностей его развития. Данные фразы сопряжены с отрицательными коннотациями и ассоциированы с фактом отрицания. Подобный пример иллюстрирует разъяснительную функцию СМИ, когда подача информации адаптирована для читательской аудитории. Такой прием позволяет сгладить негативные оценочные номинации.

Кроме того, лексема «наука» ассоциирована в челябинском медиадискурсе с лексемой «школа» и с конструкцией «Министр/Министерство образования и науки Челябинской области». Достаточно большое количество медиатекстов посвящено данной тематике и сопряжено с положительными коннотациями, позитивным эмоциональным фоном. В отобранных примерах преобладает классифицирующая функция языковой интерпретации, когда производится конкретизация информации в медиатексте (от общего к частному): *Ученые свет! В Челябинске появятся 2 новые школы. Построят их в рамках концессионного соглашения. Его подписали министр образования и науки Александр Кузнецов и заместитель генерального директора «Про школа» Александр Антонов. Строительство начнется в 33-м и 34-м микрорайонах...*⁶; *Министр образования и науки Челябинской области Александр Кузнецов рассказал, когда учреждение примет первых учеников. В Челябинске новая школа на 1100 мест в микрорайоне...*⁷; *...магнитогорская школа № 5 с углубленным изучением математики (92-е место). В топ-50 по направлению «Технические, естественнонаучные направления и точные науки» попали челябинский физико-математический лицей № 31 (3-е место) и челябинский лицей № 97 (26-е место). В топ-50 по направлению «Экономика»...*⁸

Направленность на развитие технологий и формирование технического кадрового потенциала региона начинается со школьной среды: *...федерального проекта «Цифровая образовательная среда» национального проекта «Образование» при поддержке министерства образования и науки Челябинской области. Куратором центров цифрового образования «IT-куб», сети детских технопарков «Кванториум» выступает Региональный...*⁹

Лексические единицы «сеть детских технопарков» свидетельствуют о системности работы в данном направлении. Классифицирующая функция языковой интерпретации осуществляется за счет когнитивного механизма конкретизации уже существующих понятий, например, «цифровая образовательная среда», «цифровое образование».

---

⁶ В Челябинске построят 2 новые школы (2022). *1obl.ru*. Электронный ресурс <https://www.1obl.ru/tv/vremya-novostey/vremya-novostey-ot-23-05-2022/v-chelyabinske-postroyat-2-novye-shkoly/>.

⁷ В Челябинске завершили строительство школы на 1100 мест в Академ Riverside (2021). *1obl.ru*. Электронный ресурс <https://www.1obl.ru/news/o-lyudyakh/v-chelyabinske-zavershili-stroitelstvo-shkoly-na-1100-mest-v-akadem-riverside/>.

⁸ Агентство RAEX назвало 20 лучших школ Челябинской области (2021). *1obl.ru*. Электронный ресурс <https://www.1obl.ru/news/o-lyudyakh/agentstvo-raex-nazvalo-20-luchshikh-shkol-chelyabinskoy-oblasti/>.

⁹ Четыре новых «IT-куба» откроют 1 сентября в Челябинской области (2022). *1obl.ru*. Электронный ресурс <https://www.1obl.ru/news/o-lyudyakh/chetyre-novykh-it-kuba-otkroyut-1-sentyabrya-v-chelyabinskoy-oblasti/>.

Основная форма распространения научных идей и концепций в региональном медиадискурсе представлена лексемой «проект», что, безусловно, способствует популяризации научного знания благодаря информационно-развлекательной форме подачи: ...**систему наставничества**. Егор Хвесьюк расскажет, какое из предприятий первым поддержало **проект**. Росчерк пера и **Министерство образования и науки области, Челябинский трубопрокатный завод**, а также промышленно-гуманитарный **техникум** становятся партнерами федерального **проекта**...¹⁰; ...открылся новый мультимедийный **проект**. «Мы первые» — это цикл выставок о **наиболее значимых успехах и достижениях** нашей страны в культуре, науке и спорте. Первые гости смогли отправиться в необычное **виртуальное путешествие** по России и принять участие в **мастер-классе** по каллиграфии...¹¹; На эти цели **правительство России** в 2022 году выделит более 1 млрд рублей. **Российские сельхозпроизводители**, участвующие в реализации комплексных научно-технических **проектов**, смогут претендовать на получение **специального гранта**. В **федеральном бюджете** на эти цели в 2022 году предусмотрено более 1 млрд рублей¹²; ...**семь и шесть** — в сферах «Поддержка **проектов** в области науки, образования, просвещения» и «Поддержка **проектов** в области культуры и искусства» соответственно; **три инициативы**¹³.

Лексема «проект» ассоциирована со значением «совместное сотрудничество, направленное на улучшение благосостояния региона и его жителей». Также часто встречаются лексические единицы «платформа», «лаборатория», «ток-шоу», «мини-лекции» с положительным эмоциональным фоном: ...**практики письма, сделают правила более полными, приведет их в соответствие с современным состоянием русского языка и актуальным уровнем науки о нем**¹⁴; ...**одноступенчатой ракетой-носителем и универсальной космической платформой**», — рассказал руководитель лаборатории, кандидат технических наук Юрий Капелюшин. **Все сотрудники лаборатории — молодые ученые и инженеры**. Набор в команду продолжается¹⁵; ...**ток-шоу «Разберем на атомы» — это проект Информационного центра по атомной энергии Челябинска, где ученые просто и непринужденно говорят о науке в атмосфере дружеской встречи**. 28 октября в рамках **ток-шоу** пройдут **три мини-лекции от трех разных спикеров — изобретателя, путешественни-**

¹⁰ ЧТПЗ стал партнером «Профессионалитета» (2022). *Iobl.ru*. Электронный ресурс <https://www.Iobl.ru/tv/vremya-novostey/vremya-novostey-ot-23-08-2022/chtptz-stal-partnyerom-professionaliteta/>.

¹¹ Новый проект в парке «Россия — Моя история» в сюжете «Мы первые» (2022). *Iobl.ru*. Электронный ресурс <https://www.Iobl.ru/tv/nashe-utro/nashe-utro-ot-10-06-2022/novyy-proekt-v-parke-rossiya-moya-istoriya-v-syuzhete-my-pervye/>.

¹² Аграрии Челябинской области смогут получить гранты на научные проекты (2022). *Iobl.ru*. Электронный ресурс <https://www.Iobl.ru/news/ekonomika/agrarii-chelyabinskoy-oblasti-smogut-poluchit-granty-na-nauchnye-proekty/>.

¹³ Президентские гранты получили 60 проектов южноуральских некоммерческих организаций (2021). *Iobl.ru*. Электронный ресурс <https://www.Iobl.ru/news/o-lyudyakh/shestdesyat-proektov-yuzhnouralskikh-nekommercheskikh-organizatsiy-poluchili-prezidentskie-granty/>.

¹⁴ Минпросвещения РФ подготовило проект новых правил русского языка (2021). *Iobl.ru*. Электронный ресурс <https://www.Iobl.ru/news/o-lyudyakh/minprosveshcheniya-rf-podgotovilo-proekt-novykh-pravil-russkogo-yazyka/>.

¹⁵ В вузе Челябинской области начали создавать двигатели для масштабного космического проекта (2021). *Iobl.ru*. Электронный ресурс <https://www.Iobl.ru/news/nauka/v-vuze-chelyabinskoy-oblasti-nachali-sozdavat-dvigateli-dlya-masshtabnogo-kosmicheskogo-proekta/>.

ка...¹⁶; ...Светлана Шляпникова: расскажет об **истории стрит-арта** и его значении для **уральской культуры**. Выбор лектора в Публичке объясняют **тесной связью науки и искусства** и желанием запустить **проект** «ARTпространство», объединяющий архитектуру и городскую среду. Встреча со Светланой Шляпниковой...¹⁷; ...**Челябинские врачи** научили детей накладывать гипс в **проекте «Sciencely. Умные города»**...¹⁸; ...**общественного экологического совета** Александр Лагунов. Победителей определит **независимый экспертный совет**, состоящий из представителей науки, органов власти, бизнеса, некоммерческих организаций и общественников. **Грантовый конкурс экологических проектов** станет частью комплексной...¹⁹

Оценочная функция языковой интерпретации передает значимость того или иного действия, например: *сделает правила более полными; приведет их в соответствие с современным состоянием*. Классифицирующая функция языковой интерпретации конкретизирует предмет действия, а именно: *одноступенчатой ракетой-носителем; все сотрудники лаборатории — молодые ученые и инженеры*. Использование лексического контраста, то есть лексического ряда синонимичных словосочетаний, передает легкость решения трудных задач: *ток-шоу «Разберем на атомы»; просто и непринужденно; в атмосфере дружеской встречи*. Введение в текст контекстуального антонимического словосочетания «информационный центр по атомной энергии Челябинска» отражает всю сложность данного феномена и раскрывает суть возражения.

Лексемы «грантовый конкурс», «независимый экспертный совет», «общественный совет» свидетельствуют о значительной включенности научных кадров в решение практических вопросов региона, обуславливающих как региональную перспективность, так и экспертность в решении вопросов, требующих научных знаний и компетентности.

В приведенных примерах четко прослеживается присутствие смысловых доминант в медиаобразе науки Челябинской области: *русский язык, культура, экология, медицина*.

Ограничения, оказывающие влияние на науку, представлены лексемами «санкции», «производство», в качестве текущих ценностных ориентиров они взаимосвязаны с имеющими функциональную нагрузку глаголами «толкают», «развивают», «расти», которые передают значение вынужденного действия, усиления, способствующего проявлению каких-либо качеств: *Станислав Твердохлеб: санкции толкают нас к синергии... подталкивает нас к этому. Ведь производство одного единственного нового станка автоматически развивает десятки отраслей: об-*

---

¹⁶ В Челябинске пройдет научно-популярное ток-шоу «Разберем на атомы» (2021). *1obl.ru*. Электронный ресурс <https://www.1obl.ru/news/kultura/v-chelyabinske-proydet-nauchno-populyarnoe-tok-shou-razberem-na-atomy/>.

¹⁷ В Публичной библиотеке устроят праздник в честь Года науки и технологий (2021). *1obl.ru*. Электронный ресурс <https://www.1obl.ru/news/kultura/v-publichnoy-biblioteke-ustroyat-prazdnik-v-chest-goda-nauki-i-tehnologiy/>.

¹⁸ Челябинские врачи научили детей накладывать гипс в проекте «Sciencely. Умные города» (2021). *1obl.ru*. Электронный ресурс <https://www.1obl.ru/news/o-lyudyakh/chelyabinskie-vrachi-nauchili-detey-nakladivat-gips-v-proekte-sciencely-umnye-goroda/>.

¹⁹ Миасс принимает участие в конкурсе экологических проектов (2021). *1obl.ru*. Электронный ресурс <https://www.1obl.ru/tv/vremya-novostey-miass/vremya-novostey-miass-ot-25-02-2021/miass-prinimaet-uchastie-v-konkurse-ekologicheskikh-proektov/>.

разование, науку, социальную сферу. Так что оснований для **паники я не вижу**. Да, ситуация далеко **не идеальная**, но нам **есть** куда **расти**: в России на тысячу...²⁰

Коннотации в данном примере противоречивы. С одной стороны, через лексемы «санкции», «паника» передаются отрицательные значения, связанные с вероятными лишениями и ограничениями, а также невозможностью вести привычный уклад жизни региона, в том числе и в научной сфере. С другой стороны, лексемы «расти», «толкают», «развивают» и пр. свидетельствуют о возникшей необходимости перемен и пересмотра привычных региональных траекторий развития в целом и в частности. Таким образом, возражение в данном случае корректирует кругозор читателя и эксплицируется союзами с противопоставительным значением и отрицательными частицами.

Результаты исследования

Южный Урал как промышленно развитый регион ставит специфические задачи перед своими научными кадрами. Согласно исследованию, ведущая координирующая роль в решении данных вопросов отводится губернатору и региональному Министерству образования и науки. Практическая реализация проводится через ряд образовательных ступеней, а именно: школу, вуз и производственные площадки. С этой целью в области реализуются проекты и грантовые конкурсы, опирающиеся на мнение экспертного сообщества области.

Отобранный материал можно представить наглядно в виде двух диаграмм. Первая диаграмма отображает частотность употребления лексических единиц (или их популярность) в исследуемом корпусе текстов, релевантных теме «наука» (рис. 2). На рисунке присутствуют такие лексические единицы, как «общество», «новость», «видеосюжет», «поиск», «кандидат», «сообщать», которые позволяют проиллюстрировать публичность и открытость при проведении мероприятий, ассоциированных с продвижением науки в Челябинской области. Присутствие лексем «российский», «Россия» передает назревшую необходимость в обладании российскими технологиями и в развитии российского научного потенциала.

Использование показателя «медиана вхождений» позволяет проиллюстрировать более точно статистические данные плотности словосочетаний из двух слов в исследуемом корпусе медиатекстов (рис. 3). На рис. 3 представлены 11 наиболее часто встречаемых словосочетаний, в совокупности составляющих более 50% от общего объема исследуемого материала.

Появление устойчивого по частотности словосочетания «русский язык» подтверждает идею о востребованности русского языка как удобного и доступного средства общения и передачи научного знания. Другое сочетание лексем «быть» и «вопрос», на наш взгляд, передает критический период времени, бросающий непростые вызовы региональной управленческой структуре, научному сообществу региона, а также региону в целом.

К тому же, опираясь на исследованный материал, следует отметить присутствие гендерной асимметрии в медиаобразе науки. Наличие достаточно большого количества имен и фамилий (135) в текстовом корпусе, релевантного теме «наука»,

²⁰ Станислав Твердохлеб: санкции толкают нас к синергии (2022). *1obl.ru*. Электронный ресурс <https://www.1obl.ru/news/o-lyudyakh/stanislav-tverdokhlebsanktsii-tolkayut-nas-k-sinergii/>.

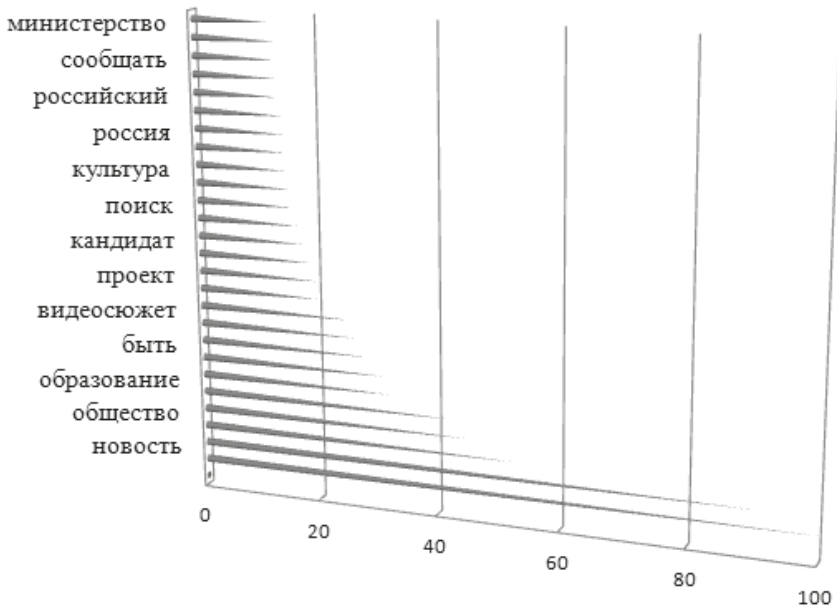

Рис. 2. Популярность первых 100 лексических единиц корпуса текстов, релевантных теме «наука». Рис. 2 и 3 составлены автором

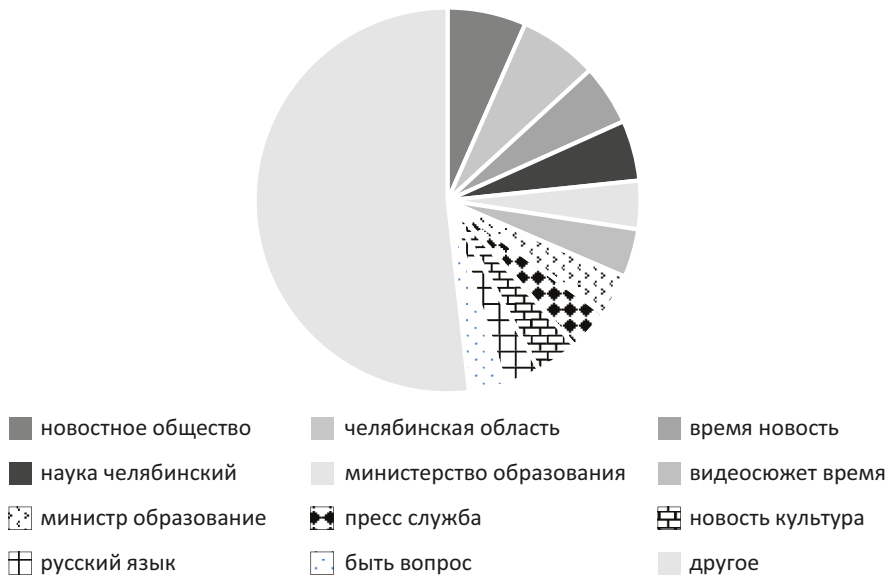

Рис. 3. Медиана плотности словосочетаний из двух слов

позволило определить преимущественное мужское лицо медиаобраза науки на Южном Урале: 58 % мужских имен и фамилий против 42 % женских. В данном корпусе текстов самыми популярными мужскими медиаперсонами оказались губернатор Челябинской области А. Текслер и министр образования и науки Челябинской области А. Кузнецов, женскими — первый заместитель Министра образования и науки Челябинской области Е. Коузова и кандидат филологических наук Г. Иваненко, ведущая рубрику о правилах русского языка.

Выводы

Медиаобраз научных исследований достаточно широко освещен в 1obl.ru — региональном официальном источнике СМИ. Наличие публикаций в медийном пространстве о ведении региональных научных исследований и их качество позволяют сделать вывод о реализации не только информационной функции, но и разъяснительной, что способствует снижению присутствия когнитивных искажений научного знания в медиадискурсивном пространстве.

В целом исследование корпуса текстов, релевантного теме «наука», регионального источника 1obl.ru выявило ряд особенностей медиаобраза науки Южного Урала.

1. Медиаобраз науки ассоциируется со смысловыми конструктами «образование», «челябинская наука», «экология», «медицина», «русский язык», «культура» как по количественным характеристикам контент-анализа, так и по качественным.

2. В медиаобразе науки наблюдается преобладание положительных коннотаций над отрицательными.

3. Отмечается присутствие определенных сложностей в научном развитии региона, как внешних, так и внутренних.

4. В исследуемом материале используются не только когнитивные, но и языковые механизмы интерпретации медиатекстов, релевантных теме «наука».

5. Медиатексты новостного портала выполняют преимущественно информационно-разъяснительную функцию, формируя положительный медиаобраз науки Южного Урала в языковом сознании читателей.

6. В медиатекстах преимущественно используются популярно-терминологические и оценочные номинации.

7. В исследуемом материале репрезентируется достаточно однозначная оценка событий, затрагивающих научные сферы, присутствие языковых форм и средств возражения минимально.

8. Экспертное мнение представлено официальными лицами, лицами, имеющими научную степень или соответствующую квалификацию, что, несомненно, положительно влияет на медиаобраз науки, формирует доверительное отношение читателей к науке и научному знанию.

9. В медиаобразе науки присутствует некоторая гендерная асимметрия: медиаобраз науки Южного Урала имеет преимущественно мужское лицо.

10. Глобальные аспекты влияния оказывают малозначительное воздействие, только изредка в тексте присутствуют англицизмы.

Таким образом, комплекс речевых и когнитивных механизмов позволяет увеличить включенность читателя и его осведомленность о научном потенциале региона, его ценности, а также, что немаловажно, повысить престиж региона.

Государственные векторы и бизнес-инициативы научного развития находят свое отражение в средствах массовой информации, оказывающих непосредственное воздействие на языковое сознание регионального обывателя. Лидирующую роль в создании медиаобраза науки Южного Урала и в формировании представления о важнейшей роли науки в развитии общества занимают управленческие структуры областного правительства во главе с губернатором, что позволяет на региональном уровне стимулировать и внедрять в жизнь разработки ученых региона.

Литература

- Аношин, П. И. (2017). Автоматический анализ текстов. Синтаксический и семантический анализ. *Евразийский научный журнал*, 6, 211–213.
- Барабаш, В. В. (2015). Особенности воздействия медиаобраза на аудиторию женских глянцевого журналов. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 8, 207–211.
- Болдырев, Н. Н., Ефименко, Т. Н. (2022). Вторичная интерпретация научного знания в дискурсе СМИ. *Медиалингвистика*, 9 (4), 355–368.
- Горина, И. И., Никульникова, Я. С. (2022). Оценочная номинация как маркер положительной характеристики субъекта в тексте. *Мир науки, культуры, образования*, 5 (96), 407–409.
- Драчева, Ю. Н. (2019). *Медиаобраз локальной устной речевой культуры: когнитивно-языковые механизмы*. Дис. ... д-ра филол. наук. Архангельск.
- Дускаева, Л. Р. (2022). Речевые практики возражения в текстообразовании научно-популярной медиакоммуникации. *Диалог-спор в научно-популярной коммуникации*. СПб.: Медиапайр, 94–108.
- Ильина, Е. Н., Драчева, Ю. Н., Фишер, Н. Л., Загуменнов, А. В., Ермолин, Е. А., Касаткина, С. С., Соловова, Т. И., Кузина, О. А., Персикова, Д. Г., Юйси, Му, Онал, И. О., Егорова, Л. Г., Слизкова, М. В., Антонова, Л. Г., Красовская, Н. А., Москалева, Л. А., Хасанова, Р. И., Халиуллина, Д. А., Галкина, Н. П., Зыкова, И. В., Рыжова, Е. А., Горунович, А. Н., Лейман, И. И., Бешкарев, А. А., Пыстина, О. В., Шевченко, Е. А., Филимонов, В. А., Иванов, Ф. Н., Незговоров, С. В., Швецова, Т. В., Шахова, В. Е., Шилова, Н. Л., Ефимова, О. В., Кушнерук, С. Л., Якимова, А. В., Мамонова, Н. В., Самкова, М. А., Олизько, Н. С., Аюшева, С. М., Сотникова, Е. С., Барсукова, О. А., Ворошилова, М. Б., Нестерова, Н. Г., Сабалева, Ю. С., Кондратьева, О. Н., Шашкова, Е. В., Кравченко, Ю. Д., Жигунов, А. Ю. (2022). *Медиаобраз региона в современной массовой коммуникации*. Вологда: Вологодский государственный университет.
- Малышева, Е. Г. (2016). Формирование медиаобраза региона в федеральных телевизионных СМИ (на материале текстов об Омске). *Научный диалог*, 12 (60), 134–144.
- Ньюман, Л. (1998). Неопросные методы исследования. *Социологические исследования*, 6, 119–129.
- Пропп, В. Я. (2001). *Морфология волшебной сказки*. М.: Лабиринт.
- Рысакова, П. И. (2022). Стратегии научной популяризации в цифровой медиасреде. *Медиалингвистика*, 9 (4), 309–329.
- Таршис, Е. Я. (2021). *Контент-анализ: Принципы методологии*. М.: ЛЕНАРД.
- Хочунская, Л. В. (2013). Феномен медиаобраза: социально-психологический аспект. *Вестник РУДН*, 2, 91–95.
- Шматко, М. В. (2008). Образ науки в современных российских средствах массовой информации. *Epistemology & Philosophy of Science*, 16 (2), 173–182.
- Яковлева, А. Ф., Селезнева, А. В., Емельянова, Н. Н. (2020). Образ науки в представлениях молодых ученых: социокультурные измерения. *Praxema*, 4 (26), 194–213.
- Berger, J., Milkman, K. L. (2012). What makes online content viral? *Journal of Marketing Research*, 49 (2), 192–205.
- Chimba, M., Kitzinger, J. (2010). Bimbo or boffin? women in science: An analysis of media representations and how female scientists negotiate cultural contradictions. *Public Understanding of Science*, 19 (5), 609–624.
- Davis, L. S., León, B., Bourk, M. J., Finkler, W. (2020). Transformation of the media landscape: Infotainment versus expository narrations for communicating science in online videos. *Public Understanding of Science*, 29 (7), 688–701.
- Gaj, N., Lo Dico, G. (2021). Science, scientism, and the disunity of science: Popular science during the COVID-19 pandemic. *Argumenta*, 7 (1), 179–194.
- Kallio, K. P., Heikkinen, A. M., Riding, J. (2021). Societal impact through lingual plurality. *Fennia*, 199 (1), 1–8.
- O'Brien, T. C., Palmer, R., Albarracín, D. (2021). Misplaced trust: When trust in science fosters belief in pseudoscience and the benefits of critical evaluation. *Journal of Experimental Social Psychology*, 96. Электронный ресурс <https://www.asc.upenn.edu/sites/default/files/2021-08/misplaced%20trust.pdf>.

Phillips, A. A., Walsh, C. R., Grayson, K. A., Penney, C. E., Husain, F. (2022). Diversifying representations of female scientists on social media: A case study from the Women Doing Science Instagram*. *Social Media and Society*, 8 (3). Электронный ресурс https://www.researchgate.net/publication/362339396_Diversifying_Representations_of_Female_Scientists_on_Social_Media_A_Case_Study_From_the_Women_Doing_Science_Instagram*.

Статья поступила в редакцию 1 февраля 2023 г.;
рекомендована к печати 13 мая 2023 г.

Контактная информация:

Мамонова Наталья Васильевна — канд. филол. наук, доц.; natalya-mamonova@rambler.ru

The representation of the science media image (exemplified by mediatexts of the regional online news publication 1obl.ru)

N. V. Mamonova

Chelyabinsk State University,
129, ul. Brat'ev Kashirinykh, Chelyabinsk, 454001, Russian Federation

For citation: Mamonova N. V. (2023). The representation of the science media image (exemplified by mediatexts of the regional online news publication 1obl.ru). *Media Linguistics*, 10 (3), 376–393. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.306> (In Russian)

The article is devoted to identifying a science media image speech representation' features in the official online news publication of the Chelyabinsk region, covering the events of the industrial Russian region. The news media texts of the regional news portal 1obl.ru served as the object of the study, selected by systematic sampling, relevant to the keyword "science". The specific formation of science media image is analyzed by frequency and infrequent content analysis. The analysis' unit is the frequent lexemes of the text corpus relevant to the topic of science. To implement frequency content analysis, automatic semantic processing is used, which allows to identify discursive features, nuclear and peripheral semantic constructions of the concept, transmitting frequent patterns of behavior and cultural and value orientations. The Miratext automatic semantic analysis program is used as a toolkit. Infrequent content analysis provides for the definition of linguistic and cognitive mechanisms by which the media image of science is presented, emotional and value characteristics, as a result of which significant semantic components included in the structure of the concept "science" are determined and, moreover, checks the accuracy of entering into the semantic structures of the concept, eliminates statistical errors of automatic semantic analysis. The analysis of the material suggests that the media coverage of the region's scientific potential, the emotional background and the connotations should be taken into account. This stimulates the involvement, interest and increases the literacy of the regional reader in the development of regional science, as well as raises the prestige of the region. The explanatory function of media publications contributes to the adoption of state priorities in the field of science and the consolidation of value orientations in the linguistic consciousness of the reader. The conclusions present the identified features of the South Ural' science media image.

Keywords: science, region, media discourse, media image, popularization of scientific knowledge.

References

- Anoshin, P. I. (2017). Automatic text analysis. Syntactic and semantic analysis. *Evraziiskii nauchnyi zhurnal*, 6, 211–213. (In Russian)
- Barabash, V. V. (2015). Features of the impact of the media image on the audience of women's glossy magazines. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 8, 207–211. (In Russian)

---

* Деятельность компании Meta по реализации социальной сети Instagram признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

- Berger, J., Milkman, K.L. (2012). What makes online content viral? *Journal of Marketing Research*, 49 (2), 192–205.
- Boldyrev, N.N., Efimenko, T.N. (2022). Secondary interpretation of scientific knowledge in mass media discourse. *Media Linguistics*, 9 (4), 355–368. (In Russian)
- Chimba, M., Kitzinger, J. (2010). Bimbo or boffin? women in science: An analysis of media representations and how female scientists negotiate cultural contradictions. *Public Understanding of Science*, 19 (5), 609–624.
- Davis, L. S., León, B., Bourk, M. J., Finkler, W. (2020). Transformation of the media landscape: Infotainment versus expository narrations for communicating science in online videos. *Public Understanding of Science*, 29 (7), 688–701.
- Dracheva, Iu. N. (2019). *Media image of local oral speech culture: cognitive-linguistic mechanisms*. Doctor thesis. Arkhangelsk. (In Russian)
- Duskaeva, L.R. (2022). Speech practice objections in the text formation of popular science media communication. *Dialog-spor v nauchno-populiarnoi kommunikatsii*. St. Petersburg: Mediapapir, 94–108. (In Russian)
- Gaj, N., Lo Dico, G. (2021). Science, scientism, and the disunity of science: Popular science during the COVID-19 pandemic. *Argumenta*, 7 (1), 179–194.
- Gorina, I.I., Nikul'nikova, Ia. S. (2022). Evaluation nomination as a marker of a positive characteristic of the subject in the text. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, 5 (96), 407–409. (In Russian)
- Iakovleva, A. F., Selezneva, A. V., Emel'ianova, N.N. (2020). The image of science in the views of young scientists: Social and cultural dimensions. *Praxema*, 4 (26), 194–213. (In Russian)
- Iľina, E. N., Dracheva, Ju. N., Fisher, N. L., Zagumennov, A. V., Ermolin, E. A., Kasatkina, S. S., Sokolova, T. I., Kuzina, O. A., Persikova, D. G., Jujsi, Mu, Onal, I. O., Egorova, L. G., Slizkova, M. V., Antonova, L. G., Krasovskaja, N. A., Moskaleva, L. A., Hasanova, R. I., Haliullina, D. A., Galkina, N. P., Zykova, I. V., Ryzhova, E. A., Gorunovich, A. N., Lejman, I. I., Beshkarev, A. A., Pystina, O. V., Shevchenko, E. A., Filimonov, V. A., Ivanov, F. N., Nezhgorov, S. V., Shvecova, T. V., Shahova, V. E., Shilova, N. L., Efimova, O. V., Kushneruk, S. L., Jakimova, A. V., Mamonova, N. V., Samkova, M. A., Oliz'ko, N. S., Ajusheva, S. M., Sotnikova, E. S., Barsukova, O. A., Voroshilova, M. B., Nesterova, N. G., Sabaeva, Ju. S., Kondrateva, O. N., Shashkova, E. V., Kravchenko, Ju. D., Zhigunov, A. Ju. (2022). The media image of the region in modern mass communication. Vologda: Vologodskii gosudarstvennyi universitet Publ. (In Russian)
- Kallio, K. P., Heikkinen, A. M., Riding, J. (2021). Societal impact through lingual plurality. *Fennia*, 199 (1), 1–8.
- Khochunskaja, L. V. (2013). The phenomenon of media image: socio-psychological aspect. *Vestnik RUDN*, 2, 91–95. (In Russian)
- Malysheva, E. G. (2016). Formation of the media image of the region in the federal television media (based on texts about Omsk). *Nauchnyi dialog*, 12 (60), 134–144. (In Russian)
- N'iuman, L. (1998). Inexperienced research methods. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 6, 119–129. (In Russian)
- O'Brien, T. C., Palmer, R., Albarracín, D. (2021). Misplaced trust: When trust in science fosters belief in pseudoscience and the benefits of critical evaluation. *Journal of Experimental Social Psychology*, 96. Retrieved from <https://www.asc.upenn.edu/sites/default/files/2021-08/misplaced%20trust.pdf>.
- Phillips, A. A., Walsh, C. R., Grayson, K. A., Penney, C. E., Husain, F. (2022). Diversifying representations of female scientists on social media: A case study from the Women Doing Science Instagram*. *Social Media and Society*, 8 (3). Retrieved from https://www.researchgate.net/publication/362339396_Diversifying_Representations_of_Female_Scientists_on_Social_Media_A_Case_Study_From_the_Women_Doing_Science_Instagram*.
- Propp, V. Ia. (2001). *Morphology of a fairy tale*. Moscow: Labirint Publ.
- Rysakova, P. I. (2022). Strategies for scientific popularization in the digital media environment. *Media Linguistics*, 9 (4), 309–329. (In Russian)
- Shmatko, M. V. (2008). The image of science in modern Russian mass media. *Epistemology & Philosophy of Science*, 16 (2), 173–182. (In Russian)
- Tarshis, E. Ia. (2021). *Content analysis: Principles of methodology*. Moscow: LENARD Publ. (In Russian)

Received: February 6, 2023

Accepted: May 13, 2023

Author's information:

Natalya V. Mamonova — PhD, Associate Professor; natalya-mamonova@rambler.ru

---

* The activities of the Meta company in the implementation of the social network Instagram are recognized as extremist and prohibited in the Russian Federation.

Приемы трансформации фразеологизмов в современной прессе

А. В. Дегальцева, М. А. Кормилицына

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского,
Российская Федерация, 410012, Саратов, ул. Астраханская, 83

Для цитирования: Дегальцева А. В., Кормилицына М. А. (2023). Приемы трансформации фразеологизмов в современной прессе. *Медиалингвистика*, 10 (3), 394–406.
<https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.307>

Одно из средств интеллектуализации современной медиаречи — языковая игра, к проявлению которой можно отнести трансформацию формы и смысла фразеологических единиц. Целью данной статьи является изучение коммуникативных функций трансформированных фразеологизмов в современных печатных СМИ. Исследование проводится на материале извлеченных из современной российской прессы устойчивых выражений, подвергшихся структурным и семантическим преобразованиям, и базируется на применении интроспективного, интерпретативного и контекстуального методов анализа, а также приема количественной обработки материала. Проведенное исследование показало, что в современной прессе к основным приемам трансформации фразеологизмов можно отнести буквализацию и двойную актуализацию значений; контаминацию, замену, добавление или устранение компонента. Среди них наиболее распространенным является двойная актуализация. Посредством этого приема журналист помещает устойчивое выражение в такой контекст, в котором реализуются одновременно прямое и метафорическое значения компонентов фразеологизма. Склонность журналиста к преобразованию фразеологизмов для решения стилистических задач обусловлена его творческим мышлением и объясняется стремлением к языковой игре с адресатом. Как правило, данное явление наблюдается в аналитических статьях. Творчески преобразованные фразеологические единицы чаще всего встречаются в заголовочном комплексе как сильной позиции текста. Стилиевая окраска трансформированных фразеологизмов во многом определяется характером издания. В газетах, рассчитанных на массовую аудиторию, часто встречаются устойчивые выражения, свойственные разговорной речи и просторечию. В изданиях же, рассчитанных на более взыскательного адресата, регулярно употребляются устойчивые выражения, свойственные книжной речи. Трансформация фразеологизмов — это активное речевое явление.

Ключевые слова: фразеологизм, трансформация фразеологизмов, СМИ, языковая игра.

Постановка проблемы

Современная «информационная эпоха сопровождается сменой культур, которую мы сегодня наблюдаем: от традиционной книжной — к медийной, экранной» [Клушина 2018: 75]. В результате этого «резко увеличивается и усложняется публичное коммуникативное пространство», а «медиафера становится влиятельнейшей сферой литературного языка» [Кормилицына 2021: 21]. Специфика современной

медиа́речи заключается в сочетании амбивалентных, полярных черт, отражающих смешение старого и нового, разрешенного и запрещенного, высокого и низкого. К основным процессам, трансформировавшим стилистический облик СМИ, можно отнести «субъективизацию; подчеркнутую, хотя и не реализованную объективность, которая достигается с помощью “полифоничности”, интертекстуальности, стилистической контаминации; интерактивность, а также демократизацию и интеллектуализацию языка», что обусловлено «не только экстралингвистическими факторами, но и внутренними преобразованиями, происходящими в современных средствах массовой коммуникации» [Кормилицына, Сиротинина 2023: 72]. Как видим, некоторые из названных тенденций оказываются разнонаправленными. Так, с одной стороны, отмечается субъективизация СМИ, которая проявляется «в усилении личностного начала, актуализации фигуры автора, оценочности, эмоциональности, экспрессивности, подчеркнутой адресованности», с другой — наблюдается стремление журналиста уйти от чрезмерного субъективизма, о чем свидетельствуют «увеличение доли чужого слова, полемичности, усиление интертекстуальности» [Кормилицына, Сиротинина 2023: 57]. Тенденции к демократизации, направленной на сближение с аудиторией, противопоставлена интеллектуализация языка СМИ, требующая от читателя или зрителя ментальных усилий для адекватного восприятия информации. Интеллектуализация реализуется посредством конденсации информации и использования непрямой коммуникации: языковой игры, прецедентных феноменов, иронии, косвенных речевых жанров, а также различных тропов и фигур речи.

Одно из средств интеллектуализации современной медиа́речи — языковая игра [Выровцева, Щеглова 2021; Гермашева 2017; Литвишко, Руденко, Чалая 2022; Опарина 2021; Пыстина 2019; Пыстина 2022; Радбиль, Рацибурская, Ясаи и др. 2022; Рацибурская, Торопкина 2019; Чабаненко 2022; Янченкова, Карпова 2018]. В условиях высокой конкуренции медиаизданий языковая игра реализует очень важную функцию: привлечение внимания современной аудитории, избалованной разнообразием кодов, доступных сейчас СМИ. Языковая игра уменьшает риски того, что адресат не дочитает сложную аналитическую статью, усиливает смеховое пространство современных медиа, из которых фактически исчез такой жанр, как фельетон. Очевидно, что языковая игра позволяет журналисту мгновенно привлечь внимание адресата к публикации и создать атмосферу непринужденного диалога.

Частным проявлением языковой игры является дефразеологизация. Этот процесс связан с дестабилизацией фразеологической нормы: разрушением целостной структуры идиомы, метафорическим переосмыслением ее содержания и пр. [Кукина 2006]. Фразеологизация и дефразеологизация — противоположные аспекты семантико-грамматического явления, отражающего тенденцию языка к постоянному развитию и обновлению.

Целью данной работы является изучение коммуникативных функций трансформированных фразеологических единиц в современных печатных СМИ.

История вопроса

В русистике существует два подхода к пониманию фразеологизмов: «узкий» и «широкий». «Сторонники узкого подхода (С. И. Ожегов, В. В. Виноградов, Н. Н. Амосова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, Е. А. Иванникова и др.) при опреде-

лении предмета фразеологии включают в ее состав только языковые единицы, оформленные по схеме словосочетания, все компоненты которого переосмыслены, либо переосмыслен хотя бы один из лексических компонентов (фразеологические единства, фразеологические сращения, фразеологические сочетания)» [Иерусалимская 2014: 194]. При широком подходе к области фразеологии относят не только собственно фразеологизмы, но и самые разнообразные устойчивые сочетания: крылатые выражения, афоризмы, речевые штампы и пр. В данной работе мы будем придерживаться «узкого», традиционного понимания фразеологизмов.

В русском языке фразеологические единицы регулярно подвергаются семантическим и стилистическим преобразованиям. Это явление, безусловно, привлекает внимание ученых [Бодрова 2022; Генералова 2021; Ильясова 2015; Ильясова 2020; Куклина 2006; Макарова 2017; Мокиенко, Никитина 2022; Огольцева 2021; Парфёнова 2017; Романова 2018; Третьякова 2011; Хачмафова, Овчаренко 2022; Шанский 1996; Щербакова, Шевелева 2020]. Стремление к трансформации фразеологизмов объясняется креативным мышлением адресанта. Формальные и семантические преобразования фразеологизмов, по нашим наблюдениям, обладают меньшей частотой употребления в СМИ, чем традиционные средства создания выразительности высказывания (эпитеты, сравнения и др.).

Трансформация фразеологизмов является одним из актуальных способов отфразеологической деривации, открывающей широкие возможности для пополнения фразеологического и лексического состава языка [Божко 2015]. Как верно замечает И. Н. Куклина, трансформация устойчивых выражений связана со «стремлением к реализации потенциала языка в области конструирования и варьирования узуальных форм и значений; интенциональностью — установкой на творчество» [Куклина 2006: 89], а также со стремлением к разрушению шаблонов (для решения адресантом стилистических задач).

Н. М. Шанский, изучив приемы творческого преобразования устойчивых выражений в художественной прозе, предложил типологию способов трансформации фразеологизмов. К ним он относил «наполнение фразеологического оборота новым содержанием при сохранении его лексико-грамматической целостности», замену одного из компонентов фразеологизма или изменение его состава; использование в качестве свободного сочетания слов; реализацию одновременно и прямого, и переносного значений компонентов фразеологизма; образование новых фразеологических комплексов по аналогии с существующими, контаминацию двух устойчивых выражений, переосмысление «общего образа или содержания» фразеологизма [Шанский 1996: 174–178]. Как видим, такая типология учитывает как формальные, так и семантические преобразования фразеологизмов.

По мнению И. Н. Куклиной, облик фразеологической единицы «может трансформироваться в двух направлениях: в направлении буквализации и в направлении усложнения, изменения отдельных фрагментов, а часто всего образа в целом» [Куклина 2006: 90]. В ее диссертационном исследовании предлагается многоаспектная типология приемов трансформации устойчивых выражений, включающая в себя:

1) экспликацию внутренней формы (*откуда произошло выражение «абсолютно фиолетово»: фиолетовый цвет находится на самом краю видимого спектра*);

- 2) буквализацию значения (*прикрыл медным тазом, точнее, сковородой*);
- 3) двойную актуализацию (*пока не наломаешь дров, на душе не потеплеет!*);
- 4) фразеологическую контаминацию (*шило в мешке ногам покоя не дает*);
- 5) фразеологический эллипсис (*гора с плеч*);
- 6) расширение значения (*волосы на лысинах встают дыбом*);
- 7) обыгрывание структурно-семантической модели (*дважды наступали на королевские грабли*);
- 8) замену компонентов фразеологической единицы (*меня голыми ногами не возьмешь!*) [Куклина 2006].

В докторской диссертации И. Ю. Третьяковой анализируется 10 приемов окказионального преобразования фразеологических единств: расширение компонентного состава (*съесть сто пудов соли*); фразеологический эллипсис (*подлить масла*); замена компонента (*тертый мужик*); контаминация (*строить воздушные замки на песке*); модификация модели (*подливание масла в огонь; огонь с маслом*); сегментация (*Рубикон вместо перейти Рубикон*); образование окказионального фразеологизма по языковой модели (*ухо за ухо, нос за нос*); ролевая инверсия (*делать из слона муху*); двойная актуализация и буквализация значения фразеологизма [Третьякова 2011].

Во многом похожую типологию способов трансформации фразеологизмов предлагает и Н. А. Божко, изучающая данное явление на примере произведений В. Токаревой. Она выделяет следующие приемы преобразования устойчивых выражений: замену языковой единицы, сегментацию, импликацию, контаминацию, агглютинацию, при которой компоненты фразеологизма получают статус морфем производного слова (*беловоротничковый*); расширение компонентного состава, образование окказиональных фразеологизмов по существующим моделям, создание авторских афоризмов, основывающихся на фразеологизмах [Божко 2015].

Анализ приведенных в научной литературе количественных данных показывает, что наиболее распространенными приемами преобразования фразеологизмов являются расширение или сужение их состава, замена одного из компонентов, объединение нескольких идиом, буквализация и двойная актуализация значения.

Описание методики исследования

Материалом исследования служат 120 устойчивых выражений, подвергшихся структурным, семантическим или структурно-семантическим преобразованиям на страницах прессы. Примеры собраны методом сплошной выборки из популярных российских изданий разной тематики и направленности, таких как «Московский комсомолец» (МК), «Комсомольская правда» (КП), «Коммерсантъ» (К), «Российская газета» (РГ), «Аргументы и факты» (АиФ), «Литературная газета» (ЛГ). Материал датируется 2000–2022 гг. Для уточнения информации о значении и стилиевой окраске устойчивого выражения мы обращались к ряду словарей: «Универсальному фразеологическому словарю русского языка» под ред. Т. Волковой, «Фразеологическому словарю русского языка» под ред. А. И. Молоткова, «Большому словарю русской разговорной экспрессивной речи» В. В. Химика.

Исследование базируется на применении интроспективного, интерпретативного и контекстуального методов анализа, а также приема количественной обра-

ботки материала. Использование данной методики позволяет установить зависимость способов трансформации фразеологических единиц от их контекстного окружения, определить функции изучаемых единиц в тексте журналистского материала, а также выделить преобладающие типы трансформаций фразеологизмов в современной прессе. Опираясь на концепцию Саратовской школы изучения функционирования языка, мы выстраиваем анализ с опорой на конкретный речевой материал, обобщая факты, а не «подстраивая» их под заданную гипотезу.

Анализ материала

Проблема, рассматриваемая в данной работе, безусловно, не нова. Актуальность исследования, однако, видится нам в самой новизне привлекаемого к анализу материала, который свидетельствует о том, что процесс трансформации фразеологических единиц активен в заголовках современной прессы.

Прием трансформации фразеологизмов является одним из способов создания языковой игры и вместе с тем интеллектуализации текста, повышения его смысловой емкости. Трансформированные фразеологические единицы чаще всего (в 86,5% случаев) встречаются в заголовках, то есть в проспективных единицах текста, реализующих его важнейшие функции: информативную, оценочную и прагматическую [Матвеева 1990]. Заголовок — это не только сильная позиция текста, но и его своеобразная визитная карточка. Он связан с текстом как структурно, так и концептуально и выражает содержание материала с помощью экспрессивных и одновременно информативных языковых средств. Проявляя заботу об адресате, журналист обычно сопровождает творчески переосмысленный фразеологизм пояснением, включенным в заголовочный комплекс: *«Взяли быка за рога»: севастьяпольский бычок Яшка предсказал, когда закончится пандемия коронавируса* (КП, 28.12.2020)¹; *В думе наломали дров. Лесной кодекс оставил народу грибы* (МК, 09.11.2006).

В большинстве случаев трансформированные фразеологические комплексы встречаются в аналитических статьях, которым свойственны языковая игра, ироническая тональность освещения событий, имплицитность подачи информации: *Честные взятки гладки. Наши предприниматели не стесняются говорить о мзде и ее причинах. «Предпринимательский климат» России, как оказалось, в каждой области и крае разный. А в некоторых местах — до безобразия отличается от основной массы. В числе «некоторых мест» — Ростовская область. Это область, где 84% бизнесменов не просто дают взятки, но и не стесняются об этом говорить* (МК, 21.06.2011). Гораздо реже трансформированные фразеологизмы встречаются в новостных заметках и рецензиях.

Очевидно, что склонность журналиста к игре с устойчивыми выражениями определяется его идиостилем. Так, Вячеслав Костиков, директор аналитического центра ИД «Аргументы и факты», регулярно прибегает к формальным и семантическим трансформациям фразеологизмов: *Выброс ребром. Надо ли отправлять на помойку «свидетелей» уходящих времен?* (АиФ, 08.06.2022); *Кому показывать «кузькину мать»?* *Что Россия могла бы предложить миру* (АиФ, 18.05.2022); *Ки-*

¹ Цитаты приведены без изменения.

тайская грамота. Сотрудничая с КНР, Россия не должна забывать о выгоде (АиФ, 25.08.2021) и др.

Опираясь на существующие типологии способов трансформации фразеологизмов, мы выявили, что в современной прессе встречаются формальные (замена, добавление или устранение компонента, контаминация двух фразеологизмов) и семантические (буквализация и двойная актуализация значения) преобразования данных языковых единиц. Причем семантическое переосмысление встречается чаще: на него приходится 57,8% от всех случаев трансформации устойчивых выражений. Обратимся сначала к анализу семантических способов преобразования журналистами фразеологических единств.

Согласно проанализированным данным, наиболее распространенным способом трансформации изучаемых единиц является **двойная актуализация**, представленная 30,8% случаев языковой игры с фразеологическими единицами. Это объясняется тем, что окказиональная фразеология построена на принципе «смысловой двуплановости знака, спровоцированной контекстом», что, в свою очередь, является одной из распространенных форм языковой игры [Гридина 1996: 5]. Так, в спортивном репортаже с заголовком *Максимочкина сдуло ветром* (РГ, 14.02.2014) говорится о том, как во время тренировки спортсмен упал с трамплина, получил травмы и был доставлен в больницу. Очевидцы и врачи предполагают, что это могло произойти из-за резкого порыва ветра. В контексте статьи реализуется двойная актуализация смысла выражения «сдуло ветром»: совмещение прямого и фразеологического (в составе фразеокомплекса «как ветром сдуло») значений. С помощью такого приема журналист с неуместной иронией намекает на то, что в одночасье спортсмен лишился возможности участвовать в Олимпийских играх. В качестве другого примера можно привести статью с заголовком *Похудели до смерти* (РГ, 01.07.2013) о том, что употребление препарата для снижения веса привело к нескольким летальным исходам. В контексте статьи актуализируются сразу два значения именной словоформы «до смерти»: прямое и фразеологическое разговорное («очень сильно, крайне» [Химик 2004: 568]). При взгляде на такой аттрактивный заголовок у читателя создается ложное впечатление, будто бы герои материала намеренно настолько сильно похудели, что это привело к гибели. Ирония при освещении подобного рода трагических событий, на наш взгляд, не является допустимой. Совмещение прямого и метафорического планов наблюдается и в статье с заголовком *В Москве строят воздушные замки* (МК, 27.05.2012), где журналист с сожалением отмечает, что проекты обустройства новых столичных территорий оторваны от реальности.

Буквализация проявляется в употреблении составляющих фразеологизм компонентов в своих прямых, исходных значениях. При этом происходит оживление внутренней формы устойчивого выражения: *Ярославль: жизнь бьет ключом, по голове. Во время ссоры во дворе дома на улице Ветеранов мужчина 1982 года рождения гаечным ключом избил своего более молодого оппонента 1987 года рождения* (МК, 28.11.2020); *Как не протянуть ноги варикозу. Спасти вены от расширения можно своими руками. Можно помассировать их губкой или щеткой. Или помассировать ноги руками* (МК, 01.04.2010); *Диггеры достанут из-под земли* (МК, 24.04.2003). На прием буквализации приходится 27% от всех случаев языковой игры с фразеологизмами. Однако его использование, на наш взгляд, не всегда можно признать

удачным способом воздействия на адресата. Так, материал с заголовком *Метать бисер* (АиФ в Уфе, 02.11.2018) представляет собой интервью с мастером бисероплетения. Женщина с любовью рассказывает об особенностях творческого процесса, трудностях ремесла, о работе на заказ. Отсылка к негативно окрашенному устойчивому выражению «метать бисер перед свиньями» кажется нам не совсем удачной. Иногда буквализация значений компонентов, входящих во фразеологический комплекс, создает неуместную сенсационность: *Фонтанку смешали с грязью. Снегоуборщики раскидали по льду серые комки снега с реагентами* (КП, 17.12. 2010); *Достоевскому утерли нос. В понедельник у памятника Достоевскому перед Российской государственной библиотекой прошло мероприятие, названное организаторами «литературный субботник»* (К, 24.04.2003).

Среди приемов языковой игры, приводящих к трансформации исконной формы фразеологического комплекса и его семантики (в большей или меньшей степени), наиболее широко распространен прием **замены** одного из компонентов. На него приходится 19,2% от всех проанализированных нами случаев трансформации устойчивых выражений: *Жизнь с банного листа* (МК, 13.05.2013); *Стык и срам. Игровое столкновение Веллитона и Акинфеева вылилось в непристойный скандал* (МК, 29.08.2011) и др. Следует отметить, что такая субституция, мгновенно привлекающая внимание читателя, обычно не затрудняет понимание авторского замысла. Так, в материале *Через пень-льготу* (МК, 12.05.2022) Е. Беляков рассуждает о том, почему банки замедляют выдачу льготных кредитов бизнесу. Замена компонента фразеологизма позволяет журналисту сделать заголовок актуальным, злободневным и вместе с тем выразительным. Кроме того, для понимания такого трансформированного высказывания читателю не нужно прикладывать интеллектуальные усилия. Он легко угадает исконный фразеологизм «через пень-колоду» и поймет, что журналист оценивает организацию процесса выдачи льгот негативно. Встречаются, однако, и исключения. Так, в статье с заголовком *He лыком shit* (МК, 06.08.2005) вместо исконного компонента фразеологизма («шит») использована омофоничная английская бранная лексема. Она может быть незнакома читателю, не владеющему этим иностранным языком. В заметке рассказывается о том, как знаменитый американский публицист Роберт Новак, известный своим консерватизмом, неожиданно резко повел себя в ходе публичной теледискуссии о выборах в сенат США от штата Флорида. Не согласившись с мнением оппонента, Новак громко выругался и демонстративно покинул студию. По мнению журналиста, американец оказался не таким консервативным и предсказуемым, как могло показаться.

При **контаминации**, на которую приходится 11,5% от всех проанализированных нами случаев трансформации фразеологических комплексов, происходит объединение двух фразеологических единиц. В процессе такого преобразования, как правило, наблюдается усечение компонентов одного или обоих устойчивых выражений. Так, в заголовке статьи В. Костикова *He лыком единым* (АиФ, 27.03.2013) объединяются две речевые единицы: просторечный фразеологизм «не лыком шит» [Молотков 1994: 534] и книжное, библейское по происхождению, крылатое выражение «не хлебом единым жив человек». Ср.: у *Москвы сейчас и без Додона забот по горло: ковид, Белоруссия и Южный Кавказ* (МК, 16.11.2020). Иногда, однако, журналист объединяет две фразеологические единицы: *Как не протянуть ноги, затянув пояса. Антикризисные советы* (МК, 03.02.2015).

Случаи **элиминации** одного из компонентов устойчивого выражения, составляющие 7,7 % от всех проанализированных трансформаций, связаны с реализацией тактики умолчания, намека. Опускание одного из компонентов фразеологизма, как правило, не приводит к изменению его семантической структуры, а читатель легко восстанавливает исконное устойчивое выражение. Приведем примеры заголовков, в которых использован такой прием: **Днем с огнем: Есть ли в Барнауле «правильная» молочная продукция** (КП в Барнауле, 27.02.2019); **«Палки в колеса»**. **Кто может стоять за хайпом в сети против «Новотранса»** (АиФ, 15.11.2019); **Как пять пальцев** (АиФ, 08.07.2015).

Добавление компонента к исконному фразеологизму, согласно нашим данным, — один из самых редких приемов его трансформации, составляющих всего 3,8 % случаев. Как правило, он обусловлен стремлением журналиста выразить высшую степень проявления признака, передаваемого устойчивым выражением, и тем самым усилить степень воздействия материала на читателя. Именно поэтому в большинстве случаев в структуру фразеологической единицы вводится атрибут-интенсификатор: **Дочитать с первого раза получилось не каждое письмо. Задевает за самое живое** (МК, 20.04.2022); **Ведь народ действительно за эти 20 лет оставили в полных дураках** (МК, 23.05.2013) и др.

Следует заметить, что стиливая окраска фразеологизмов, которые журналисты избирают объектом творческих трансформаций, во многом зависит от характера издания. Так, у сотрудников независимых изданий «Московский комсомолец» и «Комсомольская правда», не ограниченных строгими рамками информационных жанров, наблюдается установка на публикацию сенсаций, разоблачений, скептических рассуждений-предположений. Они свободны в выборе тем, а также языковых средств и способов передачи информации, отвечающей требованиям массовой аудитории. Именно поэтому здесь гораздо чаще, чем в других изданиях, встречаются устойчивые выражения, свойственные разговорной речи и просторечию: **утереть нос** (прост.) [Волкова 2001: 213]; **сыграть в ящик** (прост., вульг.) [Волкова 2001: 463]; **с жиру беситься** (прост.) [Молотков 1994: 35] и др.: **Утерли «Зеленый мыс»** (МК, 16.03.2011); **Почему ТВ играет в ящик?** (КП, 14.12. 2011); **С жиру бесятся: россияне продолжают есть «про запас»** (МК, 22.03.2018). Нередко журналисты «Московского комсомольца» метафорически обыгрывают устойчивые выражения, не свойственные литературному языку, носящие грубый, вульгарный характер. Тем не менее, выбирая в качестве заголовков материалов фразеологизмы, включающие в свой состав ненормативную лексику, журналисты почти всегда стараются заменить ее эвфемизмами или трансформировать фонетический и графический облик. Нельзя, однако, считать, что в таких случаях соблюдается этическая корректность, поскольку большинству носителей языка понятно, какое именно слово скрывается за иносказанием. В очерке с названием **Всё через одно место** (МК, 27.06.2011) М. Ростовский рассуждает о том, что направление развития современной России определяется двумя городами: Москвой и Петербургом. Журналист использует такой заголовок не просто для того, чтобы отразить идею экономического и политического монополизма (все решения принимаются в столице), но прежде всего для того, чтобы дать отрицательную оценку сложившейся ситуации. Заголовок является трансформацией устойчивого вульгарно-просторечного выражения, где ненормативная лексема заменена обиходно-бытовым эвфемизмом «одно место». Ср.: **Жириновский по уши в тюрьме** (МК, 30.12.2008); **Страннь господ-**

ня (МК, 14.03.2013) и др. Приемы трансформации устойчивых выражений, в результате которых нарушаются нормы этики и морали, С. В. Ильясова предлагает считать проявлениями не лингвокреативности, а лингвоциничности [Ильясова 2020].

Основная аудитория «Литературной газеты», в отличие от большинства массовых изданий, — «широкий круг интеллигенции»; ее «подписчиками являются специалисты в области филологии и журналистики, имеющие высшее образование и ученую степень» [Васильева 2017: 103]. В материалах данного издания прослеживается тенденция к интеллектуализации информации. Именно поэтому здесь в языковую игру вовлекаются фразеологические единицы, имеющие книжную окраску (включать жалкое существование [Волкова 2001: 41], камень преткновения [Молотков 1994: 192], нить Ариадны [Молотков 1994: 280] и др.): ...*Эти писательницы так и будут влечить переменяющееся, лихорадочное литературное существование* (ЛГ, 18.09.2007); *Критерии преткновения* (заголовок статьи в ЛГ, 18.03.2015); *Сеть Ариадны* (заголовок рецензии в ЛГ, 18.03.2015).

Результаты исследования

Итак, можно проследить зависимость использования языковой игры, в которую вовлекаются фразеологизмы, от идиостиля сотрудника газеты, жанра публикации, концепции издания. Склонность журналиста к преобразованию устойчивых выражений объясняется его творческим потенциалом и нестандартным мышлением. Она проявляется в игре с языковыми знаками, которая позволяет адресанту и адресату выстроить интеллектуально насыщенный, но отнюдь не скучный диалог. Благодаря трансформации устойчивых выражений журналист вводит в свой материал комическое начало. Это позволяет автору не только увлечь читателя, но и создать эффект непринужденной дружеской беседы.

Чаще всего трансформированные фразеологизмы встречаются в заголовочном комплексе аналитической статьи. Их стиливая окраска во многом зависит от характера издания. В прессе, рассчитанной на массовую аудиторию, довольно часто встречаются фразеологизмы, свойственные разговорной речи, просторечию, жаргону. В изданиях же, рассчитанных на адресата, более требовательно и трепетно относящегося к форме подачи материала, регулярно встречаются устойчивые выражения, свойственные книжной речи.

Проведенный анализ показал, что в современной прессе языковая игра с фразеологизмами осуществляется за счет приемов их переосмысления или формальной трансформации (контаминации, а также замены, добавления, устранения компонента). Среди данных приемов наиболее распространенным является двойная актуализация. С ее помощью журналист помещает устойчивое выражение в такой контекст, в котором реализуются одновременно прямое и метафорическое значение компонентов фразеокомплекса.

Выводы

Трансформация фразеологических единиц на страницах современной прессы является частью глобальной тенденции СМИ к разрушению языковых стереотипов, вследствие которой на смену воспроизводству формальных и смысловых

структур приходит их порождение. Такая игра со словом отражает способность журналиста к креативному, нестандартному мышлению.

Разрушение формальной структуры фразеокомплекса, оживление внутренней формы составляющих его компонентов являются одними из актуальных приемов языковой игры с читателем. Они позволяют журналисту решить сразу три важнейшие задачи. Во-первых, способствуют эффективной реализации стратегии сближения с аудиторией посредством усиления эмоциональности и экспрессивности текста, «интимизации» и демократизации речи. Не всегда, однако, такая игра с читателем оказывается эффективной и этически уместной. Во-вторых, приемы трансформации фразеологических единиц помогают журналисту насытить текст имплицитными смыслами, для понимания которых читателю придется приложить интеллектуальные усилия, ведь, чтобы понять авторский замысел, беглого знакомства с материалом будет недостаточно. Эти задачи, в свою очередь, служат реализации важнейшей цели: максимально эффективному воздействию на разум и чувства читателя. В-третьих, трансформированные фразеологизмы позволяют журналисту метко и нетривиально выразить оценку субъектов и явлений, о которых он пишет.

Литература

- Бодрова, Е. В. (2022). Трансформационные процессы в области фразеологических соматизмов. *Гуманитарно-педагогические исследования*, 1, 50–54.
- Божко, Н. А. (2015). *Индивидуально-авторские преобразования фразеологических единиц в языке художественной прозы (на материале произведений В. Токаревой)*. Дис. ... канд. филол. наук. Тюмень.
- Васильева, С. С. (2017). Типологические особенности «Литературной газеты». *Вестник Волгоградского гос. ун-та*, 1 (16), 100–106.
- Волкова, Т. (Ред.). (2001). *Универсальный фразеологический словарь русского языка*. М.: Вече.
- Выровцева, Е. В., Щеглова, Е. А. (2021). Языковая игра как средство комического в современном медиадискурсе. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*, 1, 31–40.
- Генералова, Е. В. (2021). Медиатекст как отражение динамических хронологических изменений в лексике и фразеологии. *Медиалингвистика*, 8 (2), 180–192.
- Гермашева, Т. М. (2017). Языковая игра как инструмент актуализации лингвистической креативности. *Вестник Адыгейского государственного университета*, 1 (192), 30–33.
- Гридина, Т. А. (1996). *Языковая игра: стереотип и творчество*. Екатеринбург: УГПУ.
- Иерусалимская, А. А. (2014). Приемы дефразеологизации как способ создания языковой игры в интернет-коммуникации. *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*, 11–12, 193–196.
- Ильясова, С. В. (2015). Языковая игра: словообразовательная, графическая, орфографическая (на материале текстов современных российских СМИ). *Медиалингвистика*, 1 (6), 91–100.
- Ильясова, С. В. (2020). Словообразовательная игра: от лингвокреативности до лингвоединичности (на материале языка современных российских СМИ). *Политическая лингвистика*, 3 (81), 39–45.
- Клушина, Н. И. (2018). *Медиастилистика*. М.: Флинта.
- Кормилицына, М. А. (2021). Речь в сфере СМИ. В О. Б. Сиротинина (Ред.), *Эффективность коммуникации: влияние сфер общения на факторы ее достижения*. Саратов: Наука.
- Кормилицына, М. А., Сиротинина, О. Б. (2023). *Язык СМИ*. М.: Флинта.
- Куклина, И. Н. (2006). *Явления фразеологизации и дефразеологизации в языке современной прессы*. Дис. ... канд. филол. наук. М.
- Литвишко, О. М., Руденко, Н. С., Чалая, Ю. П. (2022). Лингвокреативность в дискурсе электронных СМИ: средства и методы. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*, 1, 117–130.
- Макарова, А. С. (2017). Роль крылатых выражений-галлицизмов в построении публицистических текстов. *Медиалингвистика*, 3 (18), 41–50.
- Матвеева, Т. В. (1990). *Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк*. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та.

- Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г. (2022). Аксиология неофразем и фразеотрансформаций в лексикографической интерпретации. *Вопросы лексикографии*, 25, 81–107.
- Молотков, А. И. (Ред.). (1994). *Фразеологический словарь русского языка: Св. 4000 словар. ст.* СПб.: Вариант.
- Огольцева, Е. В. (2021). Некоторые продуктивные способы трансформации компаративных фразеологизмов. *Вестник МГОУ*, 2, 51–67.
- Опарина, Е. О. (2021). Медиатекст: семантика и прагматика. *Социальные и гуманитарные науки*, 1, 114–121.
- Парфёнова, К. С. (2017). О трансформации фразеологизмов в текстах Санкт-петербургских газет. *Балтийский гуманитарный журнал*, 4 (21), 143–145.
- Пыстина, О. В. (2019). Языковая игра в коммуникативном пространстве интернета (на материале региональных сетевых СМИ). *Вестник Сыктывкарского университета*, 1 (9), 72–81.
- Пыстина, О. В. (2022). Языковая игра как способ реализации прецедентного феномена в региональном коммуникативном медиапространстве. *Филологические науки*, 15 (1), 13–17.
- Радбиль, Т. Б., Рацибурская, Л. В., Ясаи, Л., Палоши, И. В. (2022). Прагматика процессов неодеривации в русском языке последних десятилетий. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*, 1, 149–153.
- Рацибурская, Л. В., Торопкина, В. А. (2019). Актуальные коммуникативные тенденции в современном медийном словотворчестве. *Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта*, 2, 41–51.
- Романова, Т. В. (2018). Трансформация высказываний фразеологизированной структуры как средство выражения толерантного/интолерантного отношения к объекту речи (по материалам федеральных СМИ). *Медиалингвистика*, 5 (2), 244–254.
- Третьякова, И. Ю. (2011). *Окказиональная фразеология (структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты)*. Дис. ... д-ра филол. наук. Ярославль.
- Хачмазова, З. Р., Овчаренко, Е. Н. (2022). Языковая игра как лингвокреативный способ реализации оценочности в медиадискурсе. *Гуманитарные и социальные науки*, 1, 130–136.
- Химик, В. В. (2004). *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи*. СПб.: Норинт.
- Чабаненко, Т. С. (2022). Языковая игра на страницах крымских газет. *Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского*, 2, 183–191.
- Шанский, Н. М. (1996). *Фразеология современного русского языка*. СПб.: Специальная литература.
- Щербакова, Н. Н., Шевелева, Т. Н. (2020). Фразеологизм в газетном заголовке: трансформация языкового стереотипа. *Вестник Омского государственного педагогического университета*, 4 (29), 90–93.
- Янченкова, И. С., Карпова, А. В. (2018). Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ. *Вестник КРАУНЦ*, 2 (32), 64–71.

Статья поступила в редакцию 10 января 2023 г.;
рекомендована к печати 31 марта 2023 г.

Контактная информация:

Дегальцева Анна Владимировна — д-р филол. наук, доц.; deganna@mail.ru

Кормилицына Маргарита Анатольевна — д-р филол. наук, проф.; margarita-kormil@mail.ru

Ways of transformation of phraseological units in the modern press

A. V. Degaltseva, M. A. Kormilitsyna

Chernyshevsky Saratov State University,
83, ul. Astrakhanskaya, Saratov, 410012, Russian Federation

For citation: Degaltseva A. V., Kormilitsyna M. A. (2023). Ways of transformation of phraseological units in the modern press. *Media Linguistics*, 10 (3), 394–406. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.307> (In Russian)

One of the ways of intellectualization of modern media is a language game, the manifestation of which can be attributed to the transformation of the form and meaning of phraseological units. The purpose of this article is to study the functioning of transformed phraseological

units in modern press. The research is carried out on the material of phraseological units that have undergone structural and semantic transformations. The material was extracted from the modern press. The research is based on the use of introspective, interpretive and contextual methods of analysis, as well as the reception of quantitative processing of the material. The analysis has shown that in the modern press, the main methods of phraseological transformation are literalization, double actualization and contamination of meanings, replacement, addition or elimination of a component. Among them, the most common is double actualization. Through this technique, the journalist places the phraseologies in the context in which the direct and metaphorical meaning of its components are realized simultaneously. The journalist's tendency to transform phraseological units to solve stylistic problems is due to his creative thinking and is explained by the desire for a language game with the addressee. As a rule, this phenomenon is observed in analytical articles. Creatively transformed phraseological units are most often found in the heading complex as a strong position of the text. The stylistic affiliation of transformed phraseological units is determined by the characteristics of the press. In newspapers published for a mass audience, phraseological units that are characteristic of colloquial speech and vernacular are often used. In publications for the intellectual addressee, phraseological units peculiar to book speech are regularly found. The transformation of stable expressions is an active, but still insufficiently studied, speech phenomenon.

Keywords: phraseology, transformation of phraseological units, mass media, language game.

References

- Bodrova, E. V. (2022). Transformational processes in the field of phraseological somatisms. *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovaniia*, 1, 50–54. (In Russian)
- Bozhko, N. A. (2015). *Individual author's transformations of phraseological units in the language of fiction (based on the material of V. Tokareva's prose)*. PhD thesis. Tyumen. (In Russian)
- Chabanenko, T. S. (2022). Language game on the pages of Crimean newspapers. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo*, 2, 183–191. (In Russian)
- Generalova, E. V. (2021). Media text as a reflection of dynamic chronological changes in vocabulary and phraseology. *Media Linguistics*, 8 (2), 180–192. (In Russian)
- Germasheva, T. M. (2017). Language game as a tool for actualizing linguistic creativity. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1 (192), 30–33. (In Russian)
- Gridina, T. A. (1996). *Language game: stereotype and creativity*. Yekaterinburg: UGPU Publ. (In Russian)
- Ianchenkova, I. S., Karpova, A. V. (2018). Language game in the media communication space. *Vestnik KRAUNTs*, 2 (32), 64–71. (In Russian)
- Ierusalimskaia, A. A. (2014). Dephraseologisation as a way to create language-game in online communication. *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*, 11–12, 193–196. (In Russian)
- Il'iasova, S. V. (2015). Language game: word-formation, graphic, orthographic (on the material of the modern Russian mass media texts). *Media Linguistics*, 1 (6), 91–100. (In Russian)
- Il'iasova, S. V. (2020). Word-formation game: from linguocreativity to linguocinicity (based on the material of the language of modern Russian media). *Politicheskaiia lingvistika*, 3 (81), 39–45. (In Russian)
- Khachmafova, Z. R., Ovcharenko, E. N. (2022). Language game as a linguocreative way of implementing evaluativeness in media discourse. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 1, 130–136. (In Russian)
- Khimik, V. V. (2004). *A large dictionary of Russian colloquial expressive speech*. St. Petersburg: Norint Publ. (In Russian)
- Klushina, N. I. (2018). *Medialinguistics*. Moscow: Flinta Publ. (In Russian)
- Kormilitsyna, M. A. (2021). Speech in the media sphere. In O. B. Sirotinina (Ed.), *Effektivnost' kommunikatsii: vliianie sfer obshcheniia na faktory ee dostizheniia*. Saratov: Nauka Publ. (In Russian)
- Kormilitsyna, M. A., Sirotinina, O. B. (2023). *The language of the media*. Moscow: Flinta Publ. (In Russian)
- Kuklina, I. N. (2006). *The phenomena of phraseologization and defraseologization in the language of the modern press*. PhD thesis. Moscow. (In Russian)
- Litvishko, O. M., Rudenko, N. S., Chalaia, Iu. P. (2022). Linguocreativity in the discourse of electronic media: means and methods. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki*, 1, 117–130. (In Russian)
- Makarova, A. S. (2017). The role of the winged units Gallicism in journalistic texts (exemplified by Russian and French mass media). *Media Linguistics*, 3 (18), 41–50. (In Russian)

- Matveeva, T. V. (1990). *Functional styles in the aspect of text categories: A synchronous-comparative essay*. Sverdlovsk: USU Publ. (In Russian)
- Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (2022). Axiology of neophrasemes and phraseotransformations in lexicographic interpretation. *Voprosy leksikografii*, 25, 81–107. (In Russian)
- Molotkov, A. I. (Ed.). (1994). *Phraseological dictionary of the Russian language: Over 4000 dictionaries*. St. Petersburg: Variant Publ. (In Russian)
- Ogol'tseva, E. V. (2021). Some productive ways of transformation of comparative phraseological units. *Vestnik MGOU*, 2, 51–67. (In Russian)
- Oparina, E. O. (2021). Media text: semantics and pragmatics. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki*, 1, 114–121. (In Russian)
- Parfenova, K. S. (2017). On the transformation of phraseological units in the texts of St. Petersburg newspapers. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*, 4 (21), 143–145. (In Russian)
- Pystina, O. V. (2019). Language game in the communicative space of the Internet (based on the material of regional network media). *Vestnik Syktyvkar'skogo universiteta*, 1 (9), 72–81. (In Russian)
- Pystina, O. V. (2022). Language game as a way to implement a precedent phenomenon in the regional communicative media space. *Filologicheskie nauki*, 15 (1), 13–17. (In Russian)
- Radbil', T. B., Ratsiburskaia, L. V., Iasai, L., Paloshi, I. V. (2022). Pragmatics of the processes of neoderivation in the Russian language of the last decades. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 1, 149–153. (In Russian)
- Ratsiburskaia, L. V., Toropkina, V. A. (2019). Current communicative trends in modern media word-making. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta imeni I. Kanta*, 2, 41–51. (In Russian)
- Romanova, T. V. (2018). Transformation of phraseological structures as a means of expressing a tolerant/intolerant attitude to the object of speech (based on the federal mass media material). *Media Linguistics*, 5 (2), 244–254. (In Russian)
- Shanskii, N. M. (1996). *Phraseology of the modern Russian language*. St. Petersburg: Spetsial'naia literatura Publ. (In Russian)
- Shcherbakova, N. N., Sheveleva, T. N. (2020). Phraseology in a newspaper headline: transformation of a linguistic stereotype. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 4 (29), 90–93. (In Russian)
- Tret'iakova, I. Iu. (2011). *Occasional phraseology (structural-semantic and communicative-pragmatic aspects)*. Doctor thesis. Yaroslavl. (In Russian)
- Vasileva, S. S. (2017). Typological features of the “Literary Newspaper”. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1 (16), 100–106. (In Russian)
- Volkova, T. (Ed.). (2001). *Universal phraseological dictionary of the Russian language*. Moscow: Veche Publ. (In Russian)
- Vyrov'tseva, E. V., Shcheglova, E. A. (2021). Language game as a way of the comic in the modern media discourse. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1, 31–40. (In Russian)

Received: January 10, 2023

Accepted: March 31, 2023

Authors' information:

Anna V. Degaltseva — Dr. Sci. in Philology, Associate Professor; deganna@mail.ru

Margarita A. Kormilitsyna — Dr. Sci. in Philology, Professor; margarita-kormil@mail.ru

МЕДИАДИСКУРСОЛОГИЯ

УДК 070

Интерактивный компонент медиаконтента как средство формирования комьюнити

Е. А. Зверева¹, А. М. Шестерина²

¹ Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, Российская Федерация, 392036, Тамбов, ул. Интернациональная, 33

² Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Для цитирования: Зверева Е. А., Шестерина А. М. (2023). Интерактивный компонент медиаконтента как средство формирования комьюнити. *Медиалингвистика*, 10 (3), 407–423. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.308>

Развитие и совершенствование коммуникативных стратегий информационного общества посредством формирования интерактивной сетевой коммуникации и активизации процессов интерактивного взаимодействия в медиасфере делают вопрос исследования потенциала интерактивной коммуникации в аспекте формирования комьюнити особенно актуальным. Исследовательская задача статьи — проанализировать интерактивные компоненты медиаконтента и коммуникативные практики построения диалогической модели коммуникации как средства формирования комьюнити. Исследование базируется на эмпирическом материале медиаконьюнити наиболее востребованных в медиасреде каналов трансляции информации — веб-платформы развлекательного типа «Афиша Daily» и популярных каналов русскоязычного сектора YouTube. Авторы статьи использовали текстологический, сравнительно-типологический и историко-функциональный методы для анализа указанных платформ. Данная методика позволяет продуктивно провести исследование форм повышения интерактивности аудитории медиаконьюнити в содержательном и техническом аспектах. В результате изучения внутритекстовых и за-текстовых форм повышения интерактивности в рамках каждого аспекта сформулирован вывод об основных условиях успешного функционирования медиаконьюнити, среди которых указаны: позиционирование для аудитории собственных ценностей, построение сторителлинга и персонифицированной коммуникации, привлечение аудитории к формированию медиаконтента; практика знакомства подписчиков между собой как в сетевом формате, так и в реальности; использование игрового формата, принципов сторителлинга и средств эмоционального воздействия; создание текстов повышенной интерактивности и формирование открытого текста. В результате интерактивная коммуникация в сетевой среде приобретает очевидные особенности по целому ряду параметров,

отличающих ее от линейной коммуникации: психологическая динамика, семиотическая специализация, социальная дистанция, ориентация партнеров по общению на понимание и на активную интерпретацию иной точки зрения, взаимная дополнительность участников общения. Все эти параметры стимулируют создание общего поля общения и формируют медиаконьюнити, переходящие впоследствии в реальные сообщества, что подтверждает убежденность авторов в том, что сетевая среда является благоприятной площадкой для формирования коньюнити.

Ключевые слова: интерактивность, медиаконьюнити, медиаконтент, видеоблогинг.

Постановка проблемы

Происходящие в сетевом медиапространстве процессы цифровизации коммуникации способствуют формированию интерактивной модели собственного медиамира и переводят общение «из социально ориентированного в межличностно ориентированное и наоборот» [Дускаева, Иванова 2020: 17]. Среди новых форм социального и межличностного общения исследователями отмечается значение практики взаимодействия в медиаконьюнити [Дускаева, Иванова 2020: 16].

В контексте изучения коньюнити актуальность исследования определяется особой ролью данной модели коммуникации для социального воздействия на аудиторию при помощи интерактивного диалога, ведущего «к формированию ценностей и развитию знаний, способствующих социальным изменениям» [Buckley 2011: 56].

Сегодня формирование цивилизованного сообщества посредством интерактивной сетевой коммуникации входит в число стратегических государственных задач. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации реализует комплекс взаимосвязанных проектов, направленных на развитие этой сферы взаимодействия граждан. Проекты осуществляются в следующих важных направлениях: цифровизация госорганов, координация информатизации госорганов, региональная информатизация, цифровая трансформация в сфере здравоохранения, цифровая трансформация в сфере выборов, цифровая трансформация в сфере образования, развитие конкуренции¹. Важно отметить, что на всех обозначенных направлениях особое внимание уделяется именно интерактивным компонентам, которые могут обеспечить обратную связь и позволят оперативно реагировать на запросы общества. Эти направления развития государства, наряду с активизацией процессов взаимодействия в медиасфере, делают вопрос исследования потенциала интерактивной коммуникации в аспекте формирования коньюнити особенно актуальным и своевременным.

Исследовательская задача статьи — выделить интерактивные компоненты медиаконтента как средства формирования коньюнити и охарактеризовать коммуникативные практики построения диалогической модели коммуникации. Важно отметить, что термином «коньюнити» в нашем исследовании обозначается аудитория, которая устанавливает активные связи не только с автором контента, но и между членами коньюнити. Подобные связи нередко выходят за пределы сетевой коммуникации. В этом смысле процесс формирования такого коньюнити представляет немалый научный и практический интерес.

---

¹ *Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации* (2022). Электронный ресурс <https://digital.gov.ru/ru/#direction361>.

История вопроса

Выполненное исследование, с одной стороны, базируется на научных публикациях, связанных с анализом комьюнити как модели коммуникации с аудиторией, а с другой — на тех результатах, которые связаны с изучением форм повышения интерактивности аудитории сетевых медиа как с технической, так и с содержательной точек зрения.

Первоначально комьюнити как новая коммуникативная практика в медиа-сфере осмыслялась преимущественно зарубежными учеными. В контексте работ ряда исследователей англоязычный термин “Community Media” по своему функционалу трактуется как «общественные СМИ» и стоит в одном ряду с такими понятиями, как «альтернативные медиа», «гражданские медиа» и «независимые медиа».

Важным этапом исследования комьюнити медиа стал сборник под редакцией Кевина Хоули “Understanding Community Media”, созданный международной группой экспертов и медиаактивистов. Авторы одними из первых провели масштабное исследование теоретического и практического аспектов комьюнити медиа, привели яркие примеры медиаинициатив разных стран мира, подчеркивая социальную, экономическую, культурную и политическую значимость альтернативных и ориентированных на сообщества медиаорганизаций [Howley 2010].

Затем была опубликована отдельная работа Кевина Хоули “Community Media Studies: An Overview”, в которой автор представил свое видение области исследований структур, форм и практики общественных СМИ. В частности, исследователь указал на целенаправленное использование термина «общественные СМИ», его академическую и практическую специфику в сравнении с синонимичными терминами [Howley 2013].

Внимание ученых также привлекает вопрос об ограничениях и возможностях теории и практики общественных СМИ. Актуальной темой становится поиск концептуальных рамок, формирующих область исследования “Community Media”. Так, Кевин Хоули выделяет три важнейшие позиции — демократизация СМИ, гражданское общество и символическое построение сообщества [Howley 2013: 818]. Эту идею поддерживает Линда Фуллер, которая утверждает, что общественные СМИ служат и одновременно контролируются сообществами, предоставляя аудитории альтернативный, сбалансированный, основанный на ответственности и участии аудитории медиаконтент [Fuller 2007].

В своей формулировке “Community Media” участники семинара международного сообщества по средствам массовой информации, совместно организованного ЮНЕСКО и Всемирной ассоциацией общественных радиовещателей (АМАРК), также акцентируют внимание на их независимости, базирующейся на принципах гражданского общества и служения социальным целям. Материалы данного семинара, составленные и отредактированные Стивом Баркли, трактуют ключевой функционал “Community Media” как обсуждение на уровне сообщества, обмен информацией и знаниями, вклад в общественное принятие решений [Buckley 2011: 7].

Обобщая проведенный анализ публикаций зарубежных авторов, отметим, что изучение комьюнити в основном базируется на понимании “Community Media” как общественных СМИ, в то время как в практике медиа складывается еще одно

важное направление — «Community Media» становится для отношений «медиа — аудитория» моделью коммуникации, формирование которой построено на создании и продвижении сообществ вокруг медиа. Для дифференциации двух векторов трактовки данного понятия предлагаем для обозначения формирующихся вокруг онлайн-ресурсов сетевых сообществ, в которых участники делятся общим опытом и интересами, использовать русскоязычный термин «медиакомьюнити».

На современном этапе развития социума новые медиа являются одной из ключевых платформ формирования медиакомьюнити. Если еще недавно исследователи могли размышлять лишь о процессе формирования разных моделей сетевого комьюнити, то сегодня ситуация вышла за пределы сети. Социальные медиа и видеохостинги становятся эффективными каналами объединения пользователей, и установленные онлайн-связи впоследствии переходят в реальность.

Ряд исследований актуализирует влияние множественности реальностей на понимание современного человека не только как «человека медийного» [Вартанова 2015: 9], но и как члена медиакомьюнити, в которых традиционная идентичность дополняется идентичностью виртуальной и происходит формирование самоопределения человека, названного М. Гролло и М. Фаслером «смешанной идентичностью» [Groll, Faßler 2000: 244–246], Ч. Рослером — «сетевой идентичностью» [Roesler 2008: 421], И. Янгом, Э. Льюисом и Дж. Ньюмарчем — «цифровой идентичностью» [Yang, Lewis, Newmarch 2010: 260].

В качестве альтернативы реальному миру возникает мир виртуальный, где появляются «формы социальности в виде виртуальных комьюнити» [Куликов, Курбатов, Папа 2022: 60]. Новые формы объединений людей являются основой для самоконструирования виртуальной идентичности, цель которой — «создание и поддержание информационного статуса в виртуальном сообществе, что проявляется в использовании различных символических средств, в ролевом участии и использовании принятых в виртуальном сообществе правил, ценностей и оценок» [Куликов, Курбатов, Папа 2022: 60].

В русскоязычных исследованиях последних лет медиакомьюнити фигурирует как ресурс взаимодействия медиа с аудиторией, причем авторы в качестве эмпирической базы избирают локальные или специализированные медиа. Так, И. В. Деева и Е. Н. Клейменова строят исследование комьюнити на основе задачи экпросвещения [Деева, Клеменова 2021: 107]. Наибольшее число работ по медиакомьюнити связывают данное явление с информационно-коммуникативными группами локальных территорий в социальных сетях. Авторы относят их к категории комьюнити-медиа, т. е. некоммерческих медиа, создающих «медиасистемы, релевантные повседневной жизни местного населения», укрепляющие местную идентичность и создающие «контент, альтернативный контенту глобальных и коммерческих медиа» [Пустовалов 2018: 239], адресованный постоянным пользователям, доверяющим редакции [Деева, Клеменова 2020: 89]. В работе А. Д. Борейко изучаются примеры локальных медиакомьюнити Республики Беларусь с точки зрения влияния социальных медиа на гражданскую активность и формирования взаимодействия и в виртуальности, и в реальности [Борейко 2021: 356]. Автор относит комьюнити вокруг медиа к «комьюнити-журналистике», которая удовлетворяет «информационные интересы и потребности определенной аудитории с совпадающими ценностями и проблемами» [Борейко 2021: 355].

Т. Л. Каминская справедливо предлагает включать медиакomьюнити в более широкий контекст и не привязывать к территориальным сообществам, создаваемым вокруг медиа для трансляции локальных инициатив и идей [Каминская 2022: 92]. Исследователь дает четкое определение условий успешного функционирования медиакomьюнити:

1. Медиа должно огласить собственные ценности для своей аудитории, показать, что для него важно...
2. Медиа должно иметь собственный сторителлинг...
3. Необходима постоянная персонифицированная коммуникация с аудиторией [Каминская 2022: 95]

и формулирует вывод о значимости для развития и выживания журналистских проектов виртуальных комьюнити, не привязанных к территории проживания. Таким образом, перспективой для дальнейших исследований становится изучение медиакomьюнити, воздействующих на более широкую аудиторию, не связанную локальными характеристиками.

Росту лояльности объекта коммуникации к ценностям комьюнити и формированию причастности к нему способствует интерактивный формат. Не случайно интерактивные коммуникации успешно развиваются в системе новейших медиа вообще и блогинге в частности как ключевое средство решения задачи перевода случайного пользователя в класс постоянных подписчиков. Исследователи отмечают многоуровневый характер решения этой задачи. Так, в работе Томаса Ксиазека “User engagement with online news: Conceptualizing interactivity and exploring the relationship between online news videos and user comments” подчеркивается, что существуют значимые различия между двумя режимами взаимодействия: «пользователь — контент» (например, комментирование видео на платформе YouTube) и «пользователь — пользователь» (например, ответ на комментарий другого пользователя) [Ksiazek 2014].

Последнее направление взаимодействия оценивается как ключевое для формирования комьюнити, но вызывает ряд сложностей преимущественно этического характера. Так, Мартин Кухн в статье “Interactivity and Prioritizing the Human: A Code of Blogging Ethics” настаивает на скрупулезном изучении моделей интерактивного взаимодействия и на формировании в ходе этого исследования Кодекса этики блогеров — документа, который был бы принят сообществом блогеров и регулировал бы коммуникативные практики с точки зрения базовых этических норм [Kuhn 2007].

Очевидно, что вопросы этического характера начинают звучать особенно остро в поле интеграции пользовательского высказывания и медиатекста, который остро нуждается в реакции аудитории для самопродвижения. Мы рассматриваем интерактивность не только как инструмент интерактивного взаимодействия, но и как средство формирования лояльности пользователей к самому медиаресурсу [Зверева 2018: 214]. Медиаплатформы являются базой для построения диалогической коммуникации, реализуемой «в продуцировании текстовых, графических, визуальных и аудио информационных ресурсов, которые позволяют пользователям быть актерами и авторами информационных сообщений» [Куликов, Курбатов, Папа 2022: 64]. Так формируется «культура соучастия», благодаря которой происходит персонализация потребления медиаконтента и индивидуализация форматов привлечения пользователей к его созданию.

При изучении коммуникативного аспекта проявлений интерактивности в сетевых медиа мы опирались на публикации Л. Р. Дускаевой, в которых изучается вербальное взаимодействие участников онлайн-сообществ. В частности, Л. Р. Дускаева рассматривает дискуссии в сообществах как сценарии, в которых обнаруживаются маркеры самопрезентации и маркеры учета адресата, а речевой этикет онлайн-общения становится инструментом самоорганизации комьюнити [Duskaeva 2021]. По мнению исследователя, ход коммуникации проявляется в процессе создания метатекста «через последовательность речевого стимулирования и речевого реагирования» [Дускаева 2019], что, несомненно, способствует активизации интерактивности при помощи диалогической модели коммуникации.

Подобный формат медиатекста основывается на взаимодействии субъекта и объекта коммуникации, что повышает лояльность объектов к самому тексту и к транслируемым ценностям. Цифровое соучастие комьюнити в построении медиапространства одновременно продвигает процесс персонификации медиаконтента, активизирует авторские функции и способствует вовлечению аудитории в реализацию социальных функций. Как отмечают Т. Л. Каминская и О. В. Ерохина, один из эффектов подобного вовлечения — «создание комьюнити вокруг медиа» [Каминская, Ерохина 2022].

Таким образом, наше исследование фокусируется на изучении построения диалогической модели коммуникации при помощи форм повышения интерактивности аудитории как с содержательной, так и с технологической точки зрения и базируется на эмпирическом материале медиаконьюнити, ориентированных на широкую аудиторию.

Описание методики исследования

Для формирования медиаконьюнити нужно вовлечь аудиторию в диалогическую коммуникацию с автором и другими пользователями. Технически такими возможностями медиа располагают давно, но на практике далеко не всегда их наличие приводит к интерактивному взаимодействию. В статье мы рассматриваем, какие формы повышения интерактивности используют наиболее востребованные в медиасреде каналы трансляции информации — веб-платформа развлекательного типа и популярные каналы русскоязычного сектора YouTube.

Авторы статьи использовали текстологический, сравнительно-типологический и историко-функциональный методы для анализа указанных платформ. Данная методика позволяет продуктивно провести исследование построения диалогической модели коммуникации и форм повышения интерактивности медиаконьюнити в содержательном и техническом аспектах.

Для анализа выбран наиболее популярный канал трансляции информации (YouTube) и цифровое издание с долгой историей², отечественный флагман лайф-стайл-медиа³ («Афиша Daily»).

На первом этапе исследования был осуществлен анализ опыта «Афиша Daily» по формированию сообщества вокруг медиа, транслирующего определенные сти-

² С 1999 г. выходит бумажная версия.

³ ТОП-25 самых цитируемых СМИ отрасли LifeStyle за 2021 год (2022). *Медialogия*. 11 марта. Электронный ресурс <https://www.mlg.ru/ratings/media/sectoral/10966/>.

левые и ценностные ориентиры. Согласно данным по «Яндекс Метрике» за январь 2021 г., сайт «Афиша Daily» привлекает более 5 млн уникальных посетителей и собирает 9 млн просмотров страниц в месяц⁴. «Афиша Daily» — это сложившийся отечественный феномен, который ранее был нами изучен за период с 2014 по 2017 г. в контексте особенностей медиапотребления молодежной аудитории — мультизадачности, дискретности мышления, интерактивности, игрореализации и участия в формировании медиареальности [Зверева 2018]. В данном исследовании проводится анализ построения диалогической модели коммуникации и повышения интерактивности медиаконьюнити.

Основным источником эмпирических данных стали публикации «Афиша Daily» за период с 2020 по 2022 г.

На втором этапе был осуществлен анализ наиболее популярных каналов русскоязычного сектора YouTube: «Лапенко», «Чикен Карри», «Дима Гордей», «Осторожно. Собчак», «Дима Масленников», “Wylsacom”, “Labelcom”, “AcademeG”. Учитывались такие показатели, как число подписчиков, активность аудитории и глубина просмотра видеоконтента⁵. Выбор видеохостинга определяется несколькими факторами: прежде всего многие ученые сегодня фиксируют развитие процесса визуализации медиапотребления, отказ от текстоцентричности и рост интереса к видеопросмотру [Качкаева, Шомова 2017; Конькова 2022; Шестерина 2018; Paskali 2022]; далее, YouTube является самой востребованной в мире платформой по количеству репостов, что служит убедительным подтверждением вовлеченности пользователей в процесс просмотра чужого видеоконтента на этом видеохостинге. А это, в свою очередь, является критерием зарождения коньюнити, которое не может быть сформировано, если автор сосредотачивается только на себе и не проявляет интереса к творчеству других публикаторов.

Хронологический период исследования — с 2021 по 2022 г.

Анализ материала

Интерактивные средства формирования медиаконьюнити сетевого проекта «Афиша Daily»

Цель формирования медиаконьюнити сетевого проекта «Афиша Daily» достигается при помощи решения следующих основных задач:

- построения диалогической модели коммуникации;
- организации и продвижения экспертного сообщества вокруг медиа;
- активизации участия целевой аудитории в формировании медиаконтента;
- привлечения читателей к участию в некоммерческих социально значимых проектах.

Результаты исследования коммуникативных практик «Афиша Daily» позволяют выделить внутритекстовые и затекстовые формы повышения интерактивности в содержательном и технологическом аспектах.

⁴ Afisha Mediakit (2021). Электронный ресурс <https://readymag.com/u3075279531/2519619/>.

⁵ Топ-100 русских ютуб-каналов: рейтинг по категориям (2021). Ifish2. Электронный ресурс <https://ifish2.ru/top-100-russkih-yutub-kanalov/>.

Изучение содержательного аспекта форм повышения интерактивности в «Афиша Daily» базируется на представленной выше работе Т. Л. Каминской, выделяющей среди условий успешного функционирования медиакьюнити позиционирование для аудитории собственных ценностей, построение сторителлинга и персонафицированной коммуникации [Каминская 2022: 95]. Кроме того, анализ публикаций «Афиша Daily» выявил и такие внутритекстовые формы повышения интерактивности, как продвижение собственного экспертного сообщества и привлечение аудитории к формированию медиаконтента.

1. Позиционирование для аудитории **собственных ценностей** и формирование лояльности к ним является основой для кьюнити. Проведенный нами анализ более 100 текстов 13 постоянных разделов «Афиши Daily» позволяет сделать вывод о том, что большая часть из разделов («Общество», «Семья», «Спорт», «Музыка», «Кино», «Города», «Путешествия», «Мозг») отвечают задаче социализации аудитории и нацелены на трансляцию социокультурных и семейных ценностей. Так, один из показательных примеров осознанного использования приема позиционирования собственных ценностей представлен в рубрике издания «Из первых рук». Это материал социального значения: «*Приходится ориентироваться на мнение окружающих*»: как одеваются незрячие люди⁶. Речь идет о московском проекте «Модный незрячий», созданном для помощи незрячим и слабовидящим людям в создании стильных образов. «Модный незрячий» специально ищет и обучает стилистов, готовых работать с «особенными» потребителями. Журналисты «Афиши Daily» беседуют с клиентами и стилистами об особенностях шопинга и составления гардероба для людей с ограничениями по зрению. Таким образом, интерактивный контент осознанно и активно используется для привлечения кьюнити к участию в некоммерческих социально значимых проектах. Издание демонстрирует следующие типы мотивации аудитории медиакьюнити [Kaminskaya, Erokhina 2022: 77]: стремление выразить гражданскую позицию, быть причастным к чему-то общественно значимому, повысить свою квалификацию и предать гласности свою личную историю, в том числе с использованием формата сторителлинга.

2. Формат сторителлинга является актуальным приемом для реализации цели построения диалогической модели коммуникации. При помощи сторителлинга в «Афиша Daily» происходит трансформация пользовательских характеристик аудитории в интерактивные. Во всех рубриках «Афиша Daily» активно используется двунаправленная модель сторителлинга: это и процесс рассказывания личностной истории, передающей опыт, переживания конкретного субъекта, и коммуникативная технология, позволяющая сделать информацию эмоционально интересной и увлекательной для аудитории. Например, в тексте «*Современный и комфортный для жизни*»: жители Капотни — о своем районе⁷ звучат голоса жителей считающегося неблагополучным района с плохой экологией и обилием промзон. Построение сторителлинга в «Афиша Daily» отвечает современным тенденциям «трансфор-

⁶ Махорина, А. (2022). «Приходится ориентироваться на мнение окружающих»: как одеваются незрячие люди. *Афиша Daily*. 6 апреля. Электронный ресурс <https://daily.afisha.ru/beauty/22731-prihoditsya-orientirovatsya-na-mnenie-okruzhayuschih-kak-odevayutsya-nezryachie-lyudi/>.

⁷ Колганов, А. (2020). «Современный и комфортный для жизни»: жители Капотни — о своем районе. *Афиша Daily*. 10 декабря. Электронный ресурс <https://daily.afisha.ru/cities/18107-sovremennyi-i-komfortnyy-dlya-zhizni-zhiteli-kapotni-o-svoem-rayone/>.

мации авторства», согласно которым журналист не единственный творец текста. Пользователь в определенной степени становится автором материала, в то время как авторские функции самого журналиста вытесняются организационными. Как следствие — журналист-интервьюер уступает свое место, из текста исчезают его вопросы, а доминантой становятся эмоции героя, его прямая речь. Журналист сознательно «вливается» в поток истории героя, нивелируя свое мнение и выдвигая на первый план звучание «голоса» персонажей публикаций.

3. Платформы «Афиша Daily» — это интерактивные площадки трансляции специализированной информации по широкому набору тем. Дальнейшая сегментация тем по тегам не только создает **персонализированный контент**, но и позволяет сформировать **тематическое сообщество экспертов** данного комьюнити. Происходит сегментация изначально массовой аудитории (что вполне отвечает цели проекта): горизонтальная — по тематике; вертикальная — по характеру информации (общий интерес, специальный интерес на уровне увлечения — хобби, специальный интерес на уровне экспертной оценки специалиста). Например, в тематическом сообществе «Музыка» представлены постоянные разделы как для массовой аудитории («Песни года», «Альбом недели»), так и для людей, интересующихся музыкой на более специализированном уровне («Что случилось с музыкой», «История одной песни»).

4. Интерактивное конструирование медиaproстранства и **формирование медиаконтента** при помощи комьюнити позволяет активизировать авторские функции и продвигает процесс сегментирования аудитории. Один из ярких примеров — проект «Москва изнутри», направленный на создание интерактивного ресурса с рекомендациями комьюнити по различным вопросам — от велосипедных маршрутов для катания в Москве до историй пользователей о возможностях создания комфортной городской среды. Как справедливо отмечают Т.Л. Каминская и О.В. Ерохина, через «гражданское соучастие формируется медийное сообщество. <...> Цифровые платформы дают возможность людям, не имеющим опыта журналистской и экспертной деятельности, включиться в создание медиаконтента, попробовать свои силы в выполнении заданий от журналистов» [Kaminskaya, Erokhina 2022: 77].

Затекстовые формы повышения интерактивности в «Афиша Daily» в основном сфокусированы на практике знакомства подписчиков между собой как в сетевом формате (тематические группы), так и в реальности — в формате шоукейсов на Moscow Music Week, Ural Music Night и других музыкальных фестивалях. Зарегистрированные пользователи присоединяются к сообществу проекта и имеют возможность обсуждать предложенные редакцией темы в блогах и комментариях, подписываться на персонализированные информационные потоки, читать отзывы, рецензии и покупать билеты на мероприятие с платформы «Афиша Daily».

Изучение **технологического аспекта** форм повышения интерактивности в «Афиша Daily» позволяет выделить следующие **внутритекстовые формы повышения интерактивности**:

1. Частое использование **средств эмоционального воздействия** наблюдается при создании медиаконтента как в формате сторителлинг, так и в игровом формате.

2. К игровой модели «Афиша Daily» обращается при создании текстов **повышенной интерактивности** для активизации роли адресата, его высокой вовлеченности и эмоциональности, например, в тесте *Угадай, есть ли такая улица в Мо-*

ске⁸. Игры и тесты нацелены на реализацию образовательной, развлекательной и познавательной функций, позволяют пользователям в популярной форме проверить свои знания и расширить кругозор.

3. Формат «игры с читателем» предоставляет возможность пользователям не только комментировать, голосовать, но и **влиять на процесс выбора** текстовых и иллюстративных материалов.

4. Для **активизации** участия комьюнити в конкурсах и акциях социальные сети «Афиша Daily» создают интерактивные платформы, на которых комьюнити может оценить как редакционные материалы, так и контент или рецензии пользователей.

Затекстовые формы повышения интерактивности в «Афиша Daily» достаточно традиционные — лайки, комментарии, отметки людей и т. д.

Таким образом, формирование медиакомьюнити сетевого проекта «Афиша Daily» происходит благодаря построению диалогической модели коммуникации, что способствует продвижению как самого издания, так и определенного набора ценностей. На площадках проекта представлен широкий спектр внутритекстовых и затекстовых форм повышения интерактивности, с помощью которых происходит организация и продвижение экспертного сообщества вокруг медиа, активизация участия медиакомьюнити в некоммерческих социально значимых проектах и в создании медиаконтента проекта.

Интерактивные средства формирования медиакомьюнити на платформе YouTube

Цель формирования медиакомьюнити на платформе YouTube в проанализированном нами видеоконтенте достигается при помощи решения отчасти тех же задач, которые характерны для сетевого проекта «Афиша Daily»: построение диалогической модели коммуникации, активизация участия целевой аудитории в формировании медиаконтента. Однако блогеры не ставят перед собой задачи организации и продвижения экспертного сообщества вокруг медиа или привлечения аудитории к участию в некоммерческих социально значимых проектах. Задача продвижения экспертного сообщества заменяется задачей формирования круга единомышленников, разделяющих позицию блогера или его образ жизни, а привлечение к участию в некоммерческих социально значимых проектах чаще всего замещается привлечением к конкретным формам организации досуга, акциям и флешмобам. К примеру, такой распространенный в системе видеоблогинга жанр, как челлендж, нередко провоцирует аудиторию повторять одни и те же поведенческие (или вербальные) модели, что позволяет каждому ощутить свою сопричастность и стать частью масштабного действия.

Результаты исследования коммуникативных практик на платформе YouTube позволяют говорить о том, что система видеоблогинга располагает как содержательными, так и техническими возможностями реализации интерактивной коммуникации.

---

⁸ Морозова, К. (2021). Угадай, есть ли такая улица в Москве. *Афиша Daily*. 13 ноября. Электронный ресурс <https://daily.afisha.ru/cities/21554-test-ugaday-est-li-takaya-ulica-v-moskve/>.

С **технической** точки зрения интерактивности способствуют настраиваемые рекомендательные алгоритмы, которые учитывают следующие очевидные параметры: число лайков, число комментариев, число подписчиков на канале автора, число людей, кликнувших на рекламу, процент аудитории, использующий средства блокировки рекламы.

Однако в гораздо большей степени алгоритмы реагируют на **содержательную** сторону сообщения, провоцирующую интерактивность. Здесь также учитываются очевидные характеристики контента: число подписавшихся после или во время просмотра видео, как быстро и успешно публикация выбивается в тренды, как долго остается в трендах после загрузки. Но, помимо этого, учитываются и более сложные параметры: какой процент людей нашел публикацию через рекомендации, какой процент зрителей начал смотреть другие видео на канале после просмотра, какой процент при просмотре поставил видео на паузу или прервал просмотр и как быстро, играет ли видео на фоне, пока пользователь работает в другом окне. Эти параметры напрямую связаны с характеристиками видеоконтента и развитием его интерактивной составляющей. Блогеры, заинтересованные в продвижении своего видео, несомненно, вынуждены реагировать на установки платформы, а потому для них интерактивная модель является едва ли не обязательной.

В ходе исследования мы пришли к выводу: авторы видеоконтента, как и редакция «Афиша Daily», используют два типа активизации интерактивного взаимодействия с аудиторией — **внутритекстовый** и **затекстовый**.

В первом случае публикатор формирует произведение таким образом, что зритель хочет вступить в диалог с ним или с другими зрителями. К наиболее частым **внутритекстовым** формам работы отнесем следующие:

1. Формирование открытого текста, то есть такого текста, который содержит частые элементы апелляции к аудитории (обращения к зрителю, вопросные конструкции и т.п.). Этот подход — один из наиболее эффективных и часто используемых блогерами анализируемых каналов. Открытость текста неизменно провоцирует интерактивную реакцию аудитории и помогает зрителям осознать и эмоционально пережить единство с автором текста и друг с другом. Так, в одном из выпусков канала “Wylsacom” (от 21.06.2022) ведущий канала обращается к аудитории: *Вы пишете стабильно классные комментарии и мёд из экрана течет. Формат вам заходит и мне от этого очень приятно. Если вы новенький — объясняю⁹...* За таким обращением следует активная реакция пользователей: *Валя, продолжай пожалуйста в том же формате! У тебя это отлично получается!; Валя, про дверь на Марсе было хорошо, посмеялся от души!* и т.д. Таким образом, аудитория чувствует себя соучастником процесса создания контента. Архетип пользователя трансформируется в архетип творца. Формируется единое коммуникативное пространство.

2. Активное использование оптико-кинетической системы знаков (жесты, мимика, пантомимика), а также пара- и экстралингвистической системы (интонация, паузы). Ведущие всех анализируемых нами каналов активно прибегали к использованию этих параметров (нередко — в утрированной форме), но, пожалуй, ярче всего их акцентуация проявилась в жанре скетч-шоу на канале «Чикен Карри».

3. Использование принципов сторингомики — такого повествования, когда объект показывается с самых разных и нередко противоречивых позиций. Наи-

---

⁹ Комментарии приведены без изменений.

более ярко этот подход проявляется на каналах с доминированием демонстрационных жанров. Так, на канале “Wylsacom” в каждом выпуске осуществляется всесторонний показ анализируемого гаджета, подчеркиваются его сильные и слабые характеристики. На канале «Осторожно. Собчак» мы наблюдаем попытку ведущей раскрыть личность героя с разных сторон с опорой не только на метод интервью в работе с ним, но и на комментарии других персонажей, а также на демонстрацию элементов окружения человека.

4. Частое применение средств эмоционального воздействия (в числе которых апелляция к базовым ценностям и иллюзиям, принцип экзотики, сбой темпоритма и т. п.). Эти средства используются всеми видеоблогерами с равной степенью активности, однако можно конкретизировать и некоторые отличительные особенности. Так, в жанре интервью мы чаще наблюдаем апелляцию к базовым ценностям и иллюзиям наряду с попыткой их деструкции, а на каналах с доминированием демонстрационных, персонифицированных, развлекательных и синтетических жанров [Шестерина 2018], как правило, отмечается использование принципа экзотики и сбоя темпоритма (большая часть выпусков каналов «Лапенко», «Дима Гордей», «Дима Масленников», “Wylsacom”, “AcademeG”).

5. Использование технологии аутрича — взаимодействия с другими блогерами, развивающими близкий тип контента (что позволяет объединять пользователей кольцами ресурсов).

6. Модульную верстку видео с использованием тайм-кодов, располагающих аудиторию к активному вовлечению в процесс видеосмотра.

7. Использование жанров видеоблогов повышенной интерактивности (таг, челлендж, вызов, опрос, пранк и др.). Обращение к этим жанрам всегда активизирует реакцию аудитории и настраивает ее на активное взаимодействие как с автором произведения, так и с другими пользователями. Например, обращение к жанру таг на канале “AcademeG” вызвало моментальную спонтанную реакцию аудитории: *Все класс! Ребята в мастерской красавчику!.. Всем спасибо за ваш труд!; Как может быть скучно смотреть на эти выпуски, я бы их смотрел годами...; Смотрю с удовольствием и с нетерпением жду каждую серию!* и т. п.;

8. Создание контента по запросу пользователя (например, выбор темы или объекта на каналах “Wylsacom”, “AcademeG”).

9. Фрагментарное использование в видеоконтенте таких компонентов, как опросы, вопросы к аудитории, просьба о помощи, конкурсы среди подписчиков (или в принципе любых пользователей), поздравления, кастинги подписчиков (например, самый преданный подписчик или самый активный подписчик), благодарности и подарки пользователям, ответы на упоминание, контент подписчиков (фото или видео), скриншоты диалогов в ленте комментариев, скриншоты отзывов пользователей о канале или авторе. Эти приемы используются всеми авторами.

К распространенным **затекстовым** формам повышения интерактивности отнесем следующие:

1. Общеизвестные лайки, комментарии, отметка людей и т. д.

2. Знакомство подписчиков между собой. Оно может быть реализовано в сетевом формате (чаты, форумы, сообщества) или в реальном мире (встречи с целевой аудиторией, фанатами, проведение акций, совместных мероприятий, мастер-классов, челленджей и т. п.).

3. Профессионализацию сообщества — организацию профессиональных конкурсов, форумов и иных статусных мероприятий.

В итоге все эти приемы повышения интерактивности блогеры используют не только для увеличения числа подписчиков, но и для перевода случайного зрителя в группу постоянных фолловеров. В ситуации высокой конкуренции сами блогеры во многом заинтересованы в формировании комьюнити на основе своих YouTube-каналов, поскольку это является гарантией их успеха как в Интернете, так и в социокультурном пространстве.

Результаты исследования

Медиакомьюнити, ориентированные на широкую аудиторию, создаются преимущественно при помощи диалогической модели коммуникации. Для этого используются внутритекстовые и затекстовые формы повышения интерактивности аудитории.

Изучение содержательного аспекта внутритекстовых форм повышения интерактивности позволяет сформулировать следующие условия успешного функционирования медиакомьюнити: позиционирование для аудитории собственных ценностей, построение сторителлинга и персонифицированной коммуникации, продвижение собственного экспертного сообщества и привлечение аудитории к формированию медиаконтента. Затекстовые формы повышения интерактивности реализуются в практике знакомства подписчиков между собой как в сетевом формате (тематические группы), так и в реальности (шоукейсы на различных музыкальных фестивалях).

В ходе исследования технологического аспекта выделены следующие внутритекстовые формы повышения интерактивности: использование игрового формата, принципов сторителлинга и средств эмоционального воздействия, создание текстов повышенной интерактивности и формирование открытого текста, активизация участия членов медиакомьюнити в различных акциях, опросах и конкурсах; традиционные затекстовые формы повышения интерактивности — лайки, комментарии, отметки людей и т. д.

В результате интерактивная коммуникация в сетевой среде приобретает очевидные особенности по целому ряду параметров, отличающие ее от линейной коммуникации:

- ориентация (социально ориентированное доминирует над личностно ориентированным);
- психологическая динамика (ситуация общения затмевает фон общения. Авторы сетевых текстов опираются на известные им характеристики аудитории, но при этом стремятся скорректировать или изменить их);
- семиотическая специализация (в интерактивном общении она всегда шире, чем в линейном, например, чат);
- социальная дистанция (в интерактивной коммуникации она сокращается);
- ориентация партнеров по общению на понимание и на активную интерпретацию иной точки зрения;
- взаимная дополнительность участников общения (комментарии аудитории нередко дополняют содержание основного контента).

Очевидно, что все эти параметры стимулируют формирование общего поля общения и независимо от желания или нежелания автора формируют сетевые комьюнити, переходящие впоследствии в реальные. Таким образом, убежденность авторов в том, что сетевая среда является благоприятной площадкой для формирования комьюнити, подтверждается.

Выводы

Сетевая среда во многом базируется на интерактивном вовлечении аудитории в процесс диалога: диалога членов медиакомьюнити с журналистами, редакцией и друг с другом. Диалогическая форма общения привлекает аудиторию легкостью самореализации в качестве сетевого персонажа, возможностью создания виртуальной идентичности для выражения своей позиции или мнения.

Анализ коммуникативных практик, содержательных внутритекстовых и за-текстовых средств активизации интерактивного взаимодействия позволяет утверждать, что в числе наиболее популярных моделей формирования интерактивной ситуации видеоблогеры выбирают модель «заражения», основанную на передаче определенного эмоционального состояния своей аудитории. В этом случае человек не испытывает организованного, преднамеренного давления, но бессознательно усваивает транслируемые образцы поведения и оценок. Авторы же печатных текстов чаще прибегают к убеждению и внушению, представляющему собой целенаправленное, неаргументированное воздействие вербальными средствами. С большой долей уверенности предположим, что это связано прежде всего с разницей семиотических специализаций видеоблогера и автора печатного текста. Этот аспект, однако, нуждается в дополнительном исследовании. Также к возможной исследовательской перспективе темы следует отнести исследование вариативности интерактивных стратегий относительно разных типов аудитории.

Литература

- Борейко, А. Д. (2021). Создание комьюнити вокруг медиа. В Н. А. Федотова (Ред.), *Журналистика — Медиалогия — Наставничество: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию проф. Б. В. Стрельцова и 100-летию Белорусского государственного университета* (с. 354–358). Минск: БГУ.
- Вартанова, Е. Л. (2015). «Человек медийный» как результат социального развития? *МедиаАльманах*, 5 (70), 8–10.
- Деева, И. В., Клеменова, Е. Н. (2020). Приемы концепции продвижения региональных масс-медиа в меняющихся условиях. *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева*, 4 (1), 84–91.
- Деева, И. В., Клеменова, Е. Н. (2021). Особенности эко-контента в новых медиа. *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева*, 2 (2), 101–108.
- Дускаева, Л. Р. (2019). *Стилистический анализ в медиалингвистике*. М.: Флинта.
- Дускаева, Л. Р., Иванова, Л. Ю. (2020). Коммуникативная санация в онлайн-комьюнити. В В. М. Шапкин (Ред.), *Русский язык в современном научном и образовательном пространстве: сборник тезисов Международной научной конференции, посвященной 90-летию профессора Серафимы Алексеевны Хаврониной* (с. 16–18). М.: РУДН.
- Зверева, Е. А. (2018). Особенности медиапотребления «поколения Y» и «поколения Z». *Социально-гуманитарные знания*, 8, 205–216.
- Каминская, Т. Л. (2022). Цифровое комьюнити как фактор успешности медиапроекта. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*, 12 (2), 91–96.
- Каминская, Т. Л., Ерохина, О. В. (2022). Медиакраудсорсинг и медиакраудфандинг в цифровой среде как факторы нового комьюнити для СМИ. *Медиалингвистика*, 9 (2), 96–112.

- Качкаева, А. Г., Шомова, С. А. (Ред.). (2017). *Мультимедийная журналистика*. М.: Высшая школа экономики.
- Конькова, В. С. (2022). Медиакультура и медиапотребление в современном российском обществе. *Коммуникология*, 4, 21–32.
- Куликов, С. В., Курбатов, В. И., Папа, О. М. (2022). Виртуальная идентичность в формате самоконструирования: информационные ресурсы и информационная субъектность. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 2, 60–67.
- Пустовалов, А. В. (2018). Крупнейшие пермские информационно-коммуникативные группы «ВКонтакте»: структура, функции, роль в городском пространстве. *Знак: проблемное поле медиаобразования*, 4 (30), 236–241.
- Шестерина, А. М. (Ред.). (2018). *Особенности функционирования современных аудиовизуальных медиа*. Воронеж: Кварта.
- Buckley, S. (2011). *Community media: a good practice handbook*. Paris: UNESCO.
- Duskaeva, L. (Ред.). (2021). *Speech Etiquette in Slavic Online Communities*. Cham: Palgrave Macmillan.
- Fuller, L. (Ред.). (2007). *Community Media — International Perspectives*. New York: Palgrave Macmillan.
- Groll, M., Faßler, M. (2000). Cyber-Moderne. Medienrevolution, globale Netzwerke und die Künste der Kommunikation. *MEDIENwissenschaft: Rezensionen. Reviews*, 17 (2), 244–246.
- Howley, K. (2010). *Understanding Community Media*. SAGE.
- Howley, K. (2013). Community Media Studies: An Overview. *Sociology Compass*, 10 (7), 818–828.
- Kaminskaya, T., Erokhina, O. (2022). Media Crowdsourcing and Media Crowdfunding in the Digital Environment and Media Education Practices. *Media Education*, 1, 77–87.
- Ksiazek, T. B. (2014). User engagement with online news: Conceptualizing interactivity and exploring the relationship between online news videos and user comments. *New media & society*, 18 (3), 502–520.
- Kuhn, M. (2007). Interactivity and Prioritizing the Human: A Code of Blogging Ethics. *Journal of Mass Media Ethics*, 22 (1), 18–36.
- Paskali, M. (2022). The “Activity of Choice” on the Web and the Production of Intellectual Property Rights: the Media Consumption Between Free Service and Unpaid Work. *Works of Intellectual Property*, 1, 70–72.
- Roesler, Ch. (2008). The Self in cyberspace: Identity formation in postmodern social ties and Jung’s Self as an objective Psyche. *Journal of Analytical Psychology*, 53, 421–436.
- Yang, Y., Lewis, E., Newmarch, J. (2010). Profile-Based Digital Identity Management — a Better Way to Combat Fraud. In *Proceedings of 2010 IEEE International Symposium on Technology and Society* (pp. 260–267). Wollongong: IEEE.

Статья поступила в редакцию 6 февраля 2023 г.;
рекомендована к печати 7 мая 2023 г.

Контактная информация:

Зверева Екатерина Анатольевна — д-р филол. наук, доц.; Katyua9_2001@mail.ru
Шестерина Алла Михайловна — д-р филол. наук, проф.; shesterina8@gmail.com

Interactive component of media content as a means of community formation

E. A. Zvereva¹, A. M. Shesterina²

¹ Derzavin Tambov State University,
33, ul. Internatsional'naya, Tambov, 392036, Russian Federation

² Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

For citation: Zvereva E. A., Shesterina A. M. (2023). Interactive component of media content as a means of community formation. *Media Linguistics*, 10 (3), 407–423. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2023.308> (In Russian)

The development and improvement of communication strategies of the information society through the formation of interactive network communication and the activation of interactive interaction processes in the media sphere make the issue of studying the potential of interac-

tive communication in the aspect of community formation especially relevant. The research task of the article is to analyze the interactive components of media content and the communicative practices of building a dialogic model of communication as a means of forming a community. The study is based on the empirical material of the media community focused on the audience of the most popular channels for broadcasting information in the media environment — the Afisha Daily entertainment web platform and popular channels of the Russian-speaking sector YouTube. The authors of the article used textological, comparative-typological and historical-functional methods to analyze these platforms. This technique makes it possible to carry out a productive study of the forms of increasing the interactivity of the audience of the media community in the content and technical aspects. In the course of studying intra-text and out-of-text forms of increasing interactivity within each aspect, a conclusion was made about the main conditions for the successful functioning of the media community: positioning one's own values for the audience, building storytelling and personalized communication and etc. As a result, interactive communication in a network environment acquires obvious features in terms of a whole range of parameters that distinguish it from linear communication: psychological dynamics, semiotic specialization, social distance and others. All these parameters stimulate the creation of a common field of communication and form media communities, which subsequently turn into real ones, which confirms the authors' conviction that the network environment is a favorable platform for the formation of a community.

Keywords: interactivity, media community, media content, video blogging.

References

- Boreiko, A. D. (2021). Building a community around media. In N. A. Fedotova (Ed.), *Zhurnalistika — Medialogiia — Nastavnichestvo: materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 95-letiiu prof. B. V. Strel'tsova i 100-letiiu Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta* (pp. 354–358). Minsk: BGU Publ. (In Russian)
- Buckley, S. (2011). *Community media: a good practice handbook*. Paris: UNESCO.
- Deeva, I. V., Klemenova, E. N. (2020). Techniques of the concept of promotion of regional mass media in a changing environment. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva*, 4 (1), 84–91. (In Russian)
- Deeva, I. V., Klemenova, E. N. (2021). Features of eco-content in new media. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva*, 2 (2), 101–108. (In Russian)
- Duskaeva, L. R. (2019). *Stylistic analysis in medialogistics*. Moscow: Flinta Publ. (In Russian)
- Duskaeva, L. (Ed.). (2021). *Speech Etiquette in Slavic Online Communities*. Cham: Palgrave Macmillan.
- Duskaeva, L. R., Ivanova, L. Iu. (2020). Communicative reorganization in the online community. In V. M. Shaklein (Ed.), *Russkii iazyk v sovremennom nauchnom i obrazovatel'nom prostranstve: Sbornik tezisev Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 90-letiiu professora Serafimy Alekseevny Khavroninnoi* (pp. 16–18). Moscow: RUDN Publ. (In Russian)
- Fuller, L. (Ed.). (2007). *Community Media — International Perspectives*. New York: Palgrave Macmillan.
- Groll, M., Faßler, M. (2000). Cyber-Moderne. Medienrevolution, globale Netzwerke und die Künste der Kommunikation. *MEDIENwissenschaft: Rezensionen. Reviews*, 17 (2), 244–246.
- Howley, K. (2010). *Understanding Community Media*. SAGE.
- Howley, K. (2013). Community Media Studies: An Overview. *Sociology Compass*, 10 (7), 818–828.
- Kachkaeva, A. G., Shomova, S. A. (Ed.). (2017). *Multimedia journalism*. Moscow: Vysshiaia shkola ekonomiki Publ. (In Russian)
- Kaminskaia, T. L. (2022). Digital community as a factor in the success of a media project. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 12 (2), 91–96.
- Kaminskaia, T. L., Erokhina, O. V. (2022). Media Crowdsourcing and Media Crowdfunding in the Digital Environment as factors of a new media community. *Media Linguistics*, 9 (2), 96–112. (In Russian)
- Kaminskaya, T., Erokhina, O. (2022). Media Crowdsourcing and Media Crowdfunding in the Digital Environment and Media Education Practices. *Media Education*, 1, 77–87.
- Kon'kova, V. S. (2022) Media culture and media consumption in contemporary Russian society. *Kommunikologiya*, 4, 21–32. (In Russian)
- Ksiazek, T. B. (2014). User engagement with online news: Conceptualizing interactivity and exploring the relationship between online news videos and user comments. *New media & society*, 18 (3), 502–520.

- Kuhn, M. (2007). Interactivity and Prioritizing the Human: A Code of Blogging Ethics. *Journal of Mass Media Ethics*, 22 (1), 18–36.
- Kulikov, S. V., Kurbatov, V. I., Papa, O. M. (2022). Virtual identity in the format of self-construction: information resources and information subjectivity. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, 2, 60–67. (In Russian)
- Paskali, M. (2022). The “Activity of Choise” on the Web and the Production of Intellectual Property Rights: the Media Consumption Between Free Service and Unpaid Work. *Works of Intellectual Property*, 1, 70–72.
- Pustovalov, A. V. (2018). The largest Perm information and communication groups “Vkontakte”: structure, functions, role in the urban space. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniia*, 4 (30), 236–241. (In Russian)
- Roesler, Ch. (2008). The Self in cyberspace: Identity formation in postmodern socie ties and Jung’s Self as an objective Psyche. *Journal of Analytical Psychology*, 53, 421–436.
- Shesterina, A. M. (Ed.). (2018). *Features of the functioning of modern audiovisual media*. Voronezh: Kvarta Publ. (In Russian)
- Vartanova, E. L. (2015). “Man of the media” as a result of social development? *MediaAl'manakh*, 5 (70), 8–10. (In Russian)
- Yang, Y., Lewis, E., Newmarch, J. (2010). Profile-Based Digital Identity Management — a Better Way to Combat Fraud. In *Proceedings of 2010 IEEE International Symposium on Technology and Society* (pp. 260–267). Wollongong: IEEE.
- Zvereva, E. A. (2018). Features of media consumption of “generation Y” and “generation Z”. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia*, 8, 205–216. (In Russian)

Received: February 6, 2023

Accepted: May 7, 2023

Authors' information:

Ekaterina A. Zvereva — Dr. Sci. in Philology, Associate Professor; Katya9_2001@mail.ru

Alla M. Shesterina — Dr. Sci. in Philology, Professor; shesterina8@gmail.com